-

Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка...

Александр Кушнер

НИША
ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

NICHE
LITERARY SPACE

Редактор: **Алла Ходос**

Технический редактор: **Любовь Шапиро**

Фотография на обложке: **Любовь Шапиро**

Взгляды редакции не всегда совпадают со взглядами авторов.
Редакция не несёт ответственности за неточности и непроверенные факты в опубликованных материалах.

При перепечатке ссылка обязательна.

ISBN: 978-0-9832503-9-5
ISSN: 2167-0765

Сан-Франциско 2025

НИША

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

2025

СТИХИ И ПРОЗА

Андрей Костинский
Bcesvet / Bcesvit 5

Владимир Гандельсман
Из новых стихов 9

Мария Перцова
По направлению к другу 11

Мартин Мелодьев
Текла жемчужная река 13
(глава из книги)

Алла Ходос
Иностранка на удалёнке 16
Бессмертные образы 18

Саша Немировский
«Чтоб вы мне все были!» 19

Лев Оборин
Если дух грешнее плоти 22

Лев Бертин
Треугольные птицы 26

Миранда
Война не бывает короткой 29

Римма Гольдман
Корова Какаду 33

Елена Макарова
Чарли-Цапли 36

ПЕРЕВЕДИ МЕНЯ

Игорь Евелев
Переводы 44

Дмитрий Манин
Переводы:
Александр Галич 45
Борис Виан 50

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Михаил Голубовский
Анаграммы в искусстве и науке 54
Набоков, Галилей и Кеплер

Валерий Черешня
Предисловие к неизданной книге 61
«По дороге в невермор»

Алла Ходос
Литературные заметки (О стихах В. Гандельсмана, М. Мелодьева, С.Немировского) 63

Фаина Петрова
Ф.М.Достоевский. Портрет на фоне… 65

Галина Курляндчик
Прикосновение к истокам «Нашего наследия» 81

ПЛЕННИКИ ЛЕТ

Борис Бернштейн
Воспоминания о Семене Верховском 84
Курсант Гиршгорн, Семен Иосифович 86

Инна Трегуб
Олимпиада 90

Виталий Шрайбер
Пушкин и Нуреев 100

Алла Левитес
Алла Александровна меняет профессию 103

ОБРАЗЫ ЖИЗНИ

Игорь Кривонос
Из ФБ-переписки по поводу Искусственного Интеллекта 114
Фотогалерея 117

Надя Виноградова
Арт-студия Нади Виноградовой 121

Сведения об авторах 125

Андрей Костинский

BCESVET / BCESVIT

ПОДИХ ЗЕМЛІ

Двадцять четертого нашого лютого,
іхнього мракобря,
о п’ятій ранку, а по їхньому — п’ятій ночі,
коли ще світлом сонця схід не набряк,
на наші гаї напали ворожі рощі.

Кружляє хиже братнє на розбрат крило
над сном моїх дітей,над дітей майбуттям.
За п`ять світів до весни приповзло зло
на березень наш — їх морто-март безпуття.

05:50....

Настала тиша — така, що подих Землі
відчувся вперше — одне безперервне зітхання...
Що ніч була — буде й день, і насущний хліб.
Лукавий згине, і, достеменно, в останнє!

* * *
Переплиньмо, а таки й переплинемо
ніч оцю, місяць-човен штурхнемо вбрід.
Ми не ви, так однаково, як і ви не ми —
хоч й один на усіх наш Адамів рід.

Покрай неба із каменів люди наяв
постають — пам`яттю-кіноплівкою.
Десь і я серед них немовби настав
немовлятком над жнивкою.

З молоком материнським і вітром степів
вільний дух та нескореність всотую:
Я не раб — і не син, і не батько рабів!
Над звитягою та скорботою
з неба зоре моя прихилилася,
щоб Вкраїна розвеселилася!

БІЛЯ МОКВИ

«Чия ця білизна відіпрана?»
«Того, в кого розум відібрано.
Кров підіймається, бачиш,
від прип’ятОк до пащі?».

«Небо — мов коминОк.
Райдуга — вирію дужка.
Кров’ю палає рядок
рукописей невмирущих.

Сльози та піт всохнуть.
Роси як гроно враз.
«Будьте дітьми». Бог не
лишить на лишенько нас».

«Я біля мокви мов би,
Знати не знаю брід,
та на хресті промовив:
Каяність виб’є гріх...»

З трьох він окремо викіп
і поміж нас єдин.
Лик зображає з лика
вхожденням із води.

* * *
На роз-
тині:
«Ти?» — «Ні!
Нині
Я там, де немає смерті».
«Це там,
де кінець пустині
І сенсу немає в жертві?»

«Це там, де початок хвилі
В занебо тебе здіймає,
З якого звиса на жилі
Земля відголосом раю».

«Там, мабуть, і сонечко завжди,
І ніч уже не настане?..»
«Так... тільки все як несправжнє:
Ніч — щоб зажеврів світанок!..»

«Ти — вічний! Вже понад метрик!
Та що ж тобі нині треба?!»
«Я хочу ще раз померти,
Та тільки до свого неба....»

BCESVET / BCESVIT
я люблю русский язык

я
лю-
блю
русс-
кий язык,
подпиравший
библейскую башню
вместе с халдейским,

санскритским,
ребячьим,
рыбачьим,
пти-
чьим и
чьим бы ни был.

я люблю русский язык…
я люблю этот могучий язык,
заполняющих просторы языков
восточных, западных, южных и
северных,
се-верных отныне, народов,
ставших фольклором
(добрые анекдоты о чу-
десном племени че-
ловеческом)

я люблю этот волшебный язык,
на котором если скажешь кораблю «иди»
и, о чудо — помните?:
если речете горе сей:
прейди отсюду тамо, и прейдетъ…
а ведь читай: если скажешь
посудине-
судну, то
судну дню
су-дну быть достигнуту ранее, чем…

я люблю русский язык,
такой же бессильный,
как и все живые языки —
ибо нет уже такого языка,
на котором люди могли бы
договориться о мире —
все народы и веры,
все соседи и семьи,
все, sve, всі, svi, swe[1]…

АНГЕЛ-ХОЗЯИН

я пойду... поработаю ... Ангелом

сколько мужчин
вот так поднимались из бомбоубежищ,
погребов и иных укрытий,
чтобы посмотреть на дом или двор,
раздобыть что-то для семьи,
добраться до разбитого очага
и спасти хоть что-то
из неуничтоженных реликвий —
фотографии, икону,
железные свадебные кольца
родителей прабабушки,
первую игрушку дочки,
карандашный портрет мамы
уличного художника
в саду Шевченка в шестидесятых...
и попада́ли под снаряды, бомбы,
автоматные очереди...
шли и не возвращались

[так мужчина один, чтобы сберечь корову —
могло убить снарядом,
поэтому не водил ее на луг —
отбил косу, зашел по пояс в траву...
свист косы
свист мины
и небо — такое огромное
но маленькое даже для одной души[2]]

... не могли не идти — так важно,
чтобы близкие не были голодными,
так важно — посмотреть, все ли цело
после очередных взрывов,
так важно — оставаться, остаться хозяином.
а еще, когда всех отправил,
ходить по двору от забора до сада,
забираться на крышу ловить связь
и отвечать/ворчать/врать:
«да все хорошо. тишина, как раньше.
свет уже дали.
нет, не смотрел
я не люблю его смотреть
а что там по “ящику” нового скажут»,—
и успеть отключить телефон,
когда начинался обстрел.
спуститься, пересчитать пакеты каш для собаки
и тушки бройлеров из гуманитарки для нее же —
на 18 дней хватит,
а там придумаем что-то,
а там и наши придут
...
а если судьба — стать Ангелом
и уже оттуда
смотреть за домом, за двором, за страной —
хранить близких и Украину

ДВЕРЬ

входишь в дом
в который нельзя
войти выйти
нельзя задержаться

1 sve (сербс.), всі (укр.), svi, (хорв), swe (герм.)

2 Это реальная история: в моем поселке 45-летний мужчина пошел косить траву для буренки, боясь ту привязывать на лугу — до этого двоих соседских коров уже убило снарядами... Он был первым из мирных, кто погиб среди земляков...

дверь вырезана,
даже взрывную
волну выдержала
спасла соседей
спавших за нею
в общем коридоре.
соседи, с которыми жили
праздник в праздник
душа в душу
глава семьи афганец
жена Надя и дочка Наташа
и через полгода идущая
в первый класс Алина.
они успели вскочить
в метро как бомбоубежище
перед ними уже
закрыли вход открыли.
утром в метро видели глаза Сереги
слезы горошины как тогда
когда на его глазах в горах
вертолет с другом
подбит загорелся.

«если бы не дверь…
был взрыв в вашей квартире.
дверь зашаталась но выдержала.
спасла...»

я ставил ее в девяностых
когда если кто халтурил
в девяностых и оставался.
дверь на совесть.
теперь лежит мостом в прихожей.
хотел поднять…
да мало чего хотел.
не смог.

а они смогли
превратить весь дом в одну дверь
держащую взрывную волну
и пожар охвативший все комнаты
за мгновение
«к стенам руку не мог приложить
были такие горячие».

в общем коридоре осталась тумбочка
на нее дети всегда ставили
портфели и рюкзаки
когда приходили из школы.
на нее ставил мопса
и надевал зимой одежку
чтобы не замерз.
дверь за день открывалась
в шесть утра и много раз
пока ее не вырезали
в час ночи, пришедшей с севера,
где всегда ночь
и поэтому дверь не нужна
чтобы не знать
что за дверью может быть свет

ХАРЬКОВ

В каждом сне
возвращаюсь к тебе
засыпаю так,
чтобы видеть солнце,
прошедшее над тобой
и впитавшее отражения свои
в окнах тетрисных многоэтажек
именно от этого солнце
становится выше и
выше:
Вы еще спите?
Просыпайтесь!
...притворяйтесь
удивленными,
что пришел мир
что ...

пленка отматывается назад
как у киномеханика
что вставил с конца бобину
и стекла осколочно
возвращаются в рамы,
на искалеченные дома
нарастает кожа стен
с татушками муралов,
крыши набрасываются сверху
со спутниковыми полумисками,
школы как кубики лего
собираются в свою форму
и ждут последнего звонка
за три месяца до первого...
и на щеке выпускницы
медленная слеза
не по разбитым пенатам
а что закончилось детство

может
по обратным кадрам
кто-то так увидит
и своих родных
родителей или детей
невредимых
и счастливых
а может —

увидит и себя
еще живого
...пленка отматывается
харьковской сумской
к полтавскому щляху[1]
хроникой восхода солнца

МИР ЛОВИЛ…

За несколько месяцев войны в Харькове и области россиянами была не раз попрана память Григория Савича Сковороды: разбит его музей, обстреливали его село, досталось двум его памятникам и университету его имени.
Если идет охота и на него, то Савич, наверное, из мертвых восстал бы, чтобы его во второй раз северяне отправили в рай, но отстали от него и нашего края...
Может быть, он сказал бы так:

Коли искати волиш, где я жив,
так пособлю (мозок-саблю точу!):
витер чи зриш? Песий ты лжив!
Не у яскинях я, чур!

Негли кохти остриш в память мою?
Я и воскреснуть сподоблю, кровавый!
В очех заход? То я жаром горю:
Костер на твой одр — орд ходатай бесславый!

Та не пробачу, бо бачу, ты хтиш
край мой к своим прикроить закуличкам.
Ты пошумел украинскую тишь —
зоряну, ясную, місячну нічку!

Ляг же ничком, нощь.ком. задрипезний!
Смачен, но не от тлена твого, чернозем!
Э... як тебе там... помазок али пэнзлик...
Та не кажи тилько: быв ни при чем!

Утро полк гадких зверей ражженет!
Щит, меч и шлем наш — Божіе вéдро!
Адамант славы нашей — и ворога нет:
В пекло снийшов по самые недра!

Естли же надобе, лутче погибну
за отчий край — умру я повторно,
нехай абы ж кожный из нас точно @бнул
тебе, нерожденну мамкой потвору![2]

Я — ТВОЯ МОЛИТВА

Памяти мамы

Четверть вечности без твоих молитв
обо мне отсюда туда…
Четверть вечности
ангельства среди ангелов.
«Отсюда проще просить о тебе.
Здесь все свои – и Господь, и Матерь.
Проще всего общаться с Нею.
Сын Ее здесь живой и радостный.
Отец Его тоже здесь,
и отчим.
Они часто беседуют о…
И твой папа недавно вселился сюда.
Я слушаю, как он смешно рассказывает
о детках твоих.
Я их не застала, но прошу и о них.
Как твое горло?
Я то Пантелеймона прощу,
то Агапия, то Луку,
кого из них встречу, того и прошу.
Я о тебе не молюсь.
Я и есть твоя молитва сюда.
Я простила тебе,
что ты не был рядом
зимой, когда угасала.
А то, что не смог приехать
проведать меня на кладбище,
не волнуйся —
война скоро окончится —
я знаю,
ведь здесь все известно о мире —
его уже готовят для того,
чтобы вернулся на землю...
Тебе больше не будут сниться кошмары.
Только прошу: вытирай пыль
с моей фотографии
на подоконнике за гардиной.
Сквозь пыль не всегда вижу,
когда ты,
пробудившись,
открываешь глаза,
чтобы не увидел до времени,
как я улыбаюсь тебе.
И помни:
я – твоя молитва
...»

---

1 Полтавский шлях – одна из центральных улиц Харькова

2 Текст стилизован

Владимир Гандельсман

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ
(весна-лето 2024 года)

* * *

сегодня так легко, что вязь ветвей
чем выше и прозрачней, тем видней,

так искренне, что я предположил,
что не живу и никогда не жил,

что день апрельский непоколебим
и я, несуществующий, любим.

* * *

до головокружения высокое,
великолепно небо синеокое
над монастырской кладкой тесной,
над гулким холодом, над камнем с плесенью,
где белые в два профиля гробницы,
и шепчется сама собой песнь песней,
где нет между усопшими границы,
где до конца времён лежать двоим,
явившись в неслиянности пред Ним,
где жизнь, жестокости веков обучена,
к секунде приурочена, счастливую,
как апельсин, вбирая, обуючена,
и просится в ладонь теплолюбивую,
где сквозь готическую розу – неба лужица,
и голова у голубя не кружится.

проход по авансцене

домой, домой! – к кому я обращаюсь? –
(ты слышишь? нет?) – ещё я на виду,
но скоро ночь, поэтому прощаюсь,
пока иду, мне спать пора, иду –

в насущных тряпках нищий копошится,
и так тоскливо (ты со мной? аллё!),
как будто кто-то вывесил сушиться –
верёвка из окна в окно – бельё –

подумать только, слово есть: «разуться» –
в нём корня нет (ты здесь?), на склоне дня
(аллё!) я весь усну, чтоб не проснуться,
став зрением и жизнью без меня –

детство

отец, он в кителе, мать в кринолине,
и сёстры, сёстры,
и сломанный цветок, и нет в помине
меня, есть ужас острый.

– ты лгал? дрожал от страха? честь дороже! –
и слёзы, слёзы, –
ты убиваешь, – мама говорит, – меня… о боже,
страшны её угрозы.

и я пойму тогда быстрей, чем быстро,
давясь слезами,
что всякий шаг есть вид самоубийства,
и заменю себя стихами.

дождь стихнет утром, я окно открою –
там, наклонившись,
деревья с опрокинутой листвою
стоят, как спят, забывшись.

На тему Фернандо Пессоа

свобода

удавка удовольствия? освободись.
долг пусть сыграет в долгий ящик.
захлопни книгу и читать не тщись.
учёба есть ничтожества образчик.

литература – дура. дура,
литература,
пусть пыжится. река и солнце
не унижаются в поклонце.
они *единственны*! – у них и ветра
нет в мире копий,
как нет у вечера и утра.
ты не торопишься. один. ни с кем не в скопе.

всего желаннее туман
и ожидание Желанного.
я жду Нежданного.
где Себастьян?[1]

есть щедрость. есть поэт.
есть совершеннейшее – дети.

---

1 Себастьян I Желанный (1554 –1578) – король Португалии из Ависской династии. В одной из битв с маврами исчез. Исчезновение короля создало вокруг имени Себастьяна легенду: ещё долгое время португальцы ждали, что он вернётся и спасёт страну от врагов.

цветы, и музыка, и лунный свет.
есть мир, попавший в солнечные сети.
есть солнце. и оно – (когда поспешно
не гаснет в поздний час) – безгрешно.

есть *всё* превосходящее – (на ус
мотай, школяр!) – есть Иисус.
он ничего не знал о деньгах и вовеки
пыль не вдыхал библиотеки.

воспоминание в феврале

бухгалтер. в каждой комнате – часы.
они подобны счётам, счётам…
о, этот дом! я помню с детства «кто там?» –
и ночь, и бархатны её басы.

и небо – россыпь звёзд – как запись нот
на чёрной вазе, вдребезги разбитой,
и сердце бьётся вверх, и даровита
околица светящихся темнот.

из года в год я навещал тот край,
тот дом, где в комнатах стихали –
одни вослед другим – часы. «не умирай!» –
просил я время, но секунды истекали…

пока не истекли… пока не обезлюдел дом.
бухгалтер, уронив главу на счёты,
успел «тик-так» услышать, но потом
прислушиваться не было охоты.

бухгалтер. нарукавники. (приснить
на будущее!)… я вдыхаю воздух вдвое
сильней. не жить – вот горе! знаю, жить –
жить – тоже горе, но оно живое.

сегодня я стою в случайном феврале
и вижу улицу, и дом, и кобальт неба синий,
и зиму вдруг бросает в жар – всветле,
всветле истаивает иней.

утрата

«провиденье…» – соседка
прошептала, ступив на порог.
ветка с птицей. мгновение – ветка
без неё. остановленный вздрог.
у окна, с провиденьем не споря,
он сидит чуть дыша. вещество.
в горе нет ничего, кроме горя,
беспробудного горя его.

* * *

нет, не мимо дворца –
по траве-земле
мимо озерца
в Царском Селе,

что-то сердце прожгло
и горит по пятам,
что-то произошло
там, там, там,

там сказалось мне
и ей одно –
то, что было вне-
временно.

говорю: «тебя не боюсь,
время, брысь,
обойдусь»,
озерцу говорю: «светись»,

отвечает: «свечусь», –
жизнь мою торопя...
если в смерти очнусь,
увижу тебя.

* * *

ты жив родством
(в нём нет ни сна, ни бденья)
с беспамятством,
блаженным до рожденья,

оно – проём,
который столь же ясен,
как ты в своём
отсутствии прекрасен,

и вот она,
суть с припасённым прахом:
не смерть страшна,
но униженье страхом.

Мария Перцова

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ДРУГУ

Спросишь ли, зачем фамилий
столько в книге и имен?
Я любитель изобилий
исчезающих времен.

Владимир Гандельсман

РАЗГОВОР

Владимиру Гандельсману

…Говорил мне:
– Не жалей себя,
если выдастся, рискни.
С апельсинами «Валенсия»
сетку рыжую – храни,
пусть буравят тьму гранитную,
освещая узкий путь.
Мыши тихой, эбонитовой
постарайся не спугнуть.
А дойдешь, тебе откроется…

Отвечала:
– Поспешу…
Кособокую закройщицу
я про выкройки спрошу.
Эти нити, эти ножницы…
Вечный зингер – на троих,
дело мало-мальски сложное
не заладится без них.
И – туда (какая магия? –
чистой правды образцы!),
где у старого завмага нам
продавали дефицит.
Без наценок. Семгу – каждому,
и для власти – не секрет.
У дверей торчал некрашеный
допотопный табурет.
А на нем завмаг – с медалями
на отглаженном сукне –
любовался то ли далями,
то ли кенаром в окне,
то ль цепочкой кленов кряжистых
в нераспавшемся строю…
Ни о чем не стану спрашивать,
просто рядом постою.

…Бог жилья малометражного
вылепит из темноты
лица нежные и страшные,
как засохшие цветы…

Уведу ли тех, кто вспомнился?
Обретут ли новый кров?

– Унесешь авоську полную
драгоценных лепестков.
Но учти: щеколда третья
на воротах вороных –
иногда не отпереть ее
с той, обратной стороны.

– Вы ж вернулись... И не в рубище.
Книжку надписали мне.

– Можно ль в чем-нибудь, голубушка,
быть уверенным вполне?

* * *

Сестре

Мы боялись гости не придут.
«Не придут гости…»
«Не придут? Ну что ты? Только семь…»
«Бросьте
разговорчики
и марш вытирать стулья»
«Папочка, здесь пыли нет совсем.
Мы ее сдули».

А на кухне в луковом дымке
артобстрел. Жарко.
Там жаркое в черном котелке.
Бесятся шкварки.
Двести шесть хрустящих пирогов
с яблоком, и с мясом.
Молодая зелень всех сортов –
кирсалат, мята.

Стол течет, течет рекой во льду
не найдя устья,
и ладьи с салатом на борту

к берегам жмутся.
Не про нас ледовый карнавал
ряженых бутылок.
Впрочем, втихаря один Байкал
со стола стырим.

Никого не звали, но гуськом,
в тусклом свете…

…Вытирает лысину платком
грузный дядя Петя…

Лестница поет и голосит.
Вместе с нею
напевает – шубка из лисы! –
тетя Неля.

Шубка знала лучший год и вид,
не в порядке.
Что ж, запьется злой латук обид
белым полусладким.
Обратится в пух колючий град.
В светлячков – грозы.
…Грецкие-орехи-шоколад,
мамин торт «Грезы»…

…Тетя Аня, Инна и Ахад…

Я люблю их (это как …ожог!) –
юных и старых.
У меня Катаев и Бажов –
их подарок.
…По ступенькам, вверх идут они.
В руках – астры.
Полагаю, ни один из них
не читал экклезиаста.

ИЗ ГЕРАКЛИТА, ИЛИ ИГРУШЕЧНАЯ БАЛЛАДА

Вечность есть
играющее дитя…
Гераклит

– Пора в кроватку. Сложи игрушки
вон в ту коробку.

…Потом, за шкапом, найдутся дужки,
найдется пробка...

Но это позже.

Пока – в жилищах
огни не тусклы,
румяны женщины и луннолицы.
Ну, точно – куклы!
Одна – поет над горой тетрадок,
кармен в севилье.
Трррель телефона… Его три дня как
установили.

Пока – солдатик пьет с офицером
перцовку-водку.
Катюша-пушечка вдаль, с прицелом,
стреляет ходко.
Телепрограмма: блеск с нищетою
в гостях у сказки.
В углу транзистор, хрипит, настроен
на глас не братский.

Буксует время на повороте,
не отпуская.
Одна поет, а в окне напротив
летит другая.
Другая – моет стекло, на стуле
парит, шаманка.
Из берегов голубой кастрюли
выходит манка…
……

Остался ль кто-то?
По кругу пони бегут, гарцуют…
Тот, кто остался – ни зги не помнит,
забыл вчистую.
…Средь пыли-плюша найдется пробка,
найдется пряжка...

– А вдруг игрушкам в моей коробке
темно и страшно?

Мартин Мелодьев

ТЕКЛА ЖЕМЧУЖНАЯ РЕКА

(глава из книги)

* * *

ДвугЪрбый верблюдЪ,
— кафедральный собор
с тоскою глядит на чугунный забор.
Над ним кучевые идут облака.
Они — кочевые
верблюды...
пока.

* * *

Как возраст тела требует одежд,
душа все чаще кутается в слово,
не видя в этом ничего такого…
Хотя стихи, к примеру, о дожде
обречены успеху, ну так что ж!
пришла пора довольствоваться малым:
«Одетая на зависть маргиналам,
стояла осень. С неба падал дож».

* * *

Губа, которая не дура,
живет и чует, такова,
что где-то есть литература,
архитектура и москва.

Пленительные всюду сети
расставлены… Ловись, ловись!
блуждая тенью в Интернете,
чужих страниц читая жизнь.

* * *

Я рыцарь Печального образа,
Чьего? — но об этом молчок.
На берег песчаного озера
ко мне прилетел куличок.
Ни брата, ни мудрости кладезя
во мне так и не углядел.
На скорую руку откланялся
и вновь навсегда улетел.

* * *

Текла Жемчужная река,
над Миссисипи облака
плыли, как титры на экране.

Фильм кончился, но помню до сих пор
мулатку в придорожном ресторане
в открытом платье, как в снегах костер.

Вдоль Нэтчес-трейс, дорогою рабов —
оленями в лесу сплошная зелень
и нет ни мавзолеев, ни гробов.

Цветные птицы сказочно красивы,
в газонах глухо чавкает вода,
и нищета растет, как лебеда…
Итак, я жил тогда на Миссисипи.

ХОККУ

Поездка к морю.
Дорога вьется серпантином…
Возвращаемся домой.

НАСТАВЛЕНИЕ

На превратности жизни не сетуй,
Шандарахнет, а ты улыбнись,
Как ни в чем не бывало, и с этой
Доброй мыслью вставай и ложись.

Не проси у судьбы на эпиграф,
Сатанинских стихов не пиши.
Не гордись… Не кури анаши,
Путешествуя в Азии голым, —
Все равно сапоги украдут!
И на запад, назвавшись Эолом,
Не нацеливай ветхий редут.

Не обманывай юных пастушек,
Не купайся в реке Хуанхэ.
Ну а если тебе не до шуток —
Заменяй букву «Ха» буквой «Хе»…

МИНУС 1

ад иром иних везд олет
и елых блаков,
автра нова ождь ольет
екой ез ерегов,

пругий, линный, атяжной
рыжок оды,
ак бы на кани ождевой
зор люды.

* * *

Лист клена зелен, пятипал,
пять алых капель на когтях —
свидетельства о планах
захватнических… Голубой
берет небес над головой
и камуфляж платанов.

И скоро друг твой боевой —
термометр протрубит отбой,
все станет, как хотела ты:
дни серебристы и чисты,
цветные дребезги листвы
вполнеба.

И дальний поезда гобой,
и нега.

* * *

Ветер тучи в клочья разнесет,
Нарисует горы горизонт,
Великан прикрутит к ним леса —
Вот такая в жизни полоса.

* * *

Выступать от первого с половиной лица,
говорить *ты,* подразумевая *я.*
Стоит ли дело выеденного яйца
выеденного яйца? — вот и вся твоя
проблематика... В озере мертвый штиль,
так что лучше стоять на одной ноге,
элегантнее… бедный Пьеро Д'Актиль,
городской сумасшедший Герцена кисти Ге.

КРЫМСКОЕ...

Память — муската на Красном Камне —
патиной — оплела.
В море (кусок стекла с пузырьками)
впаянные тела.

На Константиновой башне — танцы;
дерзкая плоть юнцов,
...парус, качающийся в пространстве,
и никаких мостов.

* * *

А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Державин

Был бел шиповник, розов был закат;
наполнившийся сумерками сад
был пуст... Лепниной венчиков одет
шиповник был и, распахнув ладони,
сооружал пространство примадонне,
кордебалет.

И вот Луна кусок остывших сот
несёт (предполагается, что мёд).
Всё может быть: кто верит, тот дождётся.
Шиповник мёрзнет, ёжится и жмётся,
а дождь идёт, идёт, идёт и льёт.

И до рассвета чёрная вода — в цветах,
а если что**,** и остаётся.

* * *

Под вечер телега пустилась в бега,
возничего ветер унес...
Мы из лесу вышли на станции Мга,
следить наступление звезд.

Поскольку предмет акварели — вода,
она же ее берега —
ее отличает наличие льда,
как ток — провода.

Из инистых веток мережку крючком
надергала пустельга;
холодной шпинелью играет крюшон
заката на станции Мга.

И тянутся ели, в папахах и без,
штыкастые comme a la guerre...
И два литератора смотрят с небес[1]
на звезды во мгле.

1 Владимир Ульянов и Герберт Уэллс

* * *

Вот я выключу свет — и вернется Святошино:
необстрелянное, нераздербаненное.
С двадцать третьим трамваем,
вдоль Нивок топавшим,
и с тремя изумрудной воды прудами.
С тополями — бульваром Шевченко — графикой,
с облаками нетронутыми, не раненными, —
Киев... выключу свет,
даже если ратникам наплевать.

* * *

У ветра не початы
листвяные тока...
Александр Маллаев

Откуда этот ветер,
шарманщик и арфист?
До следующего лета
убрал с деревьев лист.

В начале было Слово,
а ныне тишь да блажь.
Печален без улова
осенний такелаж.
Склянь веток, в небо вросших,
рассказывает мне
о днях, былых и прошлых,
у времени на дне.

До следующего лета...
земля, белым-бела,
лежит, «рыжьем» согрета,
в чем магма родила.

* * *

Каскад игрушек черепичный,
в проемах звёздочки гирлянд.
Предновогодний мир привычный,
минувших дней минувший ряд.

То там, то тут цитата в разговорах,
как дымный столп, светлеет в вышине.
Листвы платанов островерхий ворох –
Валгалла Первой конной при луне.
Пейзаж...
иль это только снится мне.

* * *

Здесь все — напоминает: от
узора тропок до безлюдья,
и даже кажется, что длю я
трудолюбивых птиц полет.

Махнет ли тенью серый гусь
иль пестрой спичкой чиркнет утка —
все так же сумрачен и пуст
парк, в камышах, все так же гулко,
во фраке Чичикова — выпь,
и мне на лавочке щербатой
дано, живя утратой,
спасать — и хоронить.

ПЬЕСА (без названия, содержания и текста)

Л и ц е д е й с т в у ю щ и е:

Овощей Фруктов — продавец
Движим Гневом и Одержим Страстью — англичане-близнецы
Веко Вуха — индейский вождь
Лихабедан Ачало — турок
Набюллетень Упек — тоже турок
Череспень Колоду — молдаванин
Хаим Врагами — грузинский еврей
Жадина-Говядина — актриса
Арфоломеева-Доломан — актриса
Температура Кипения и Температура Плавления — римские матроны
See-You-Soon — корейский врач
и другие

Алла Ходос

ИНОСТРАНКА НА УДАЛЁНКЕ

* * *

Тебе, иностранка на удалёнке,
и бомбежки, и похоронки
в снах. А им наяву.
Сплю. Всё еще живу.

* * *

У ворот Ерусалима
солнце черное взошло.

О. Мандельштам

Есть солнце черное – ну, помнишь, иудеи…
И солнце желтое,
которое страшнее…
Которое звездою станет желтой
на рукаве.
Моя же мать по крайней мере
не в лагере, а дома умерла.
Я не увижу Мариуполь старый,
откуда мама родом.
(Из высей безграничных
ты видишь, что осталось от него?)
Мы с матерью лет до семи моих
друг друга обожали.
А после – нет, до самого конца.
А перед тем, как я сама умру,
поеду в новый Мариуполь,
хоть прах твой в Минске.
Может, тополь, как привиденье, трепетный,
а может, клен-подросток
прошепчет что-то, пролепечет
на украинском языке, и я пойму.

* * *

Ходит девушка по Москве, шепчет:
Нет возне, нет вобле, нет водке,
нет волне.
Голова в огне.
Грипп или ковид?
Природе поставить на вид.
Чтобы так не играла нами,
а то мы ее – сами.
Да мы ее уж и так загубили.
И она к нам взывает из гнили.

Сегодня Сережу забрили.

Она ему говорила: поедем в Тбилиси, в Анталию,
в Астану.
Он отвечал: Да ну!
Тронешься с места, побежишь,
будто мышь, а она и закончится!
А тебе, любимая моя пророчица,
возвращаться ведь не захочется.
Я не могу без тебя, но еще и без этих радуг, гроз и
берёз!
Так каждый раз он ее доводил до слез.

Не дорос ты до смысла, – она отвечала ему.
Что вообще я в тебе нашла – не пойму!
Сначала ты станешь убийцей, потом и тебя убьют.
Чем жить мне? Пусть дело пришьют!
Вот и выход – мне дело пришьют.

Дома жахнула аспирина она.
Картонку взяла, серьезно бледна,
и опять пошла она по Москве
с плакатиком: «Нет вобле!» в руке…

* * *

Ты помнишь, друг, я выживала.
К тому ж словами вышивала
там… на салфетке, на обёртке
(я не курила папирос).
А как я выжила случайно –
сие есть тайна для меня.
Но это личные вопросы.
А тема общая сильнее,
Она до ниточки вбирает
всю музыку,
все голоса.
Как черная дыра. Как прежде,
стремится всё в одну воронку.
На воронкé приедут ночью.
Твоих соседей заметут.
И даже если ты не слишком
любил соседей, – может, пили,
ругались матом, проходили,
не глядя, в целом, на тебя, –
ты тихо воешь в теплом доме,
как сын собачий на соломе, –
тебе почти уж безразлично,

что и тебя придут топить.
Ведь каждый в зоне отчужденья
живет. И облачко озона
вдруг возникает в атмосфере.
Но ты боишься миражей.
А ночью – тюрем теоремы.
И тихие метеориты
летят с нездешней высоты.

* * *

Ноября сырая кома.
Эта тема мне знакома.
Голый золотой урод.
Болдино наоборот.

Ярко-пламенный денёк.
Розы мертвой уголек.
Мертвой Розы или Лилии.
Но не разузнать фамилии.

Кто-то, кто стоял у дома,
старый Костя, юный Рома,
перед домом тихо лег.

Кто-то в поле плодородном
пал бессмертным и свободным.

Кто-то в том же чистом поле
лег бесславно поневоле.

От земли живой и черной
сладкий запах тошнотворный.

В светлом граде волчья мгла.
Где кощеева игла?

* * *

Спасешься – подернется радость стыдом –
стремнина бурлящая –
утренним льдом.
Страх за бесстрашных,
к бездне влекомых

старых приятелей и незнакомых.
В страхе подумать,
вслух не сказать:
вздохом – унизить, страхом – связать.
И суеверно молчать о любимых – спасшихся
или судьбою гонимых.

* * *

Надежда болела. Ковидом, лейкозом, войной.
Горькие слезы глотая, Надежда болела бедой.
Виной болела Надежда. Ведь она Надежда, – нельзя ей болеть.
Смежив усталые вежды, решила она помереть.
Выстроилась очередь в Надеждин дом.
Кто нес ей горбушку. Кто приходил с котом.
Кто с собакой – голодной, холеной, всякой.
Кто показывал новорожденную дочку, кто сынка.
Кто показывал речку, кто строчку – видишь, как глубока!
Кто нес колечко, кто ещё не увядший цветок.
Кто демонстрировал лаковый ноготок.
Кто нес воду, кто кофе. Кто просто подружку вел.
Кто-то книжку положил на прикроватный стол.
А один товарищ принес ей билет.
Тебе нужен, Надежда, иной контент.
Ты должна переехать, Надя, на другой континент.
Открыла Надежда зелёные свои глаза.
Рассмотрела все, что каждый ей показал.
Как батарейка, заряжаясь от каждого пустяка,
Улыбнулась Надежда, живая ещё пока.

* * *

Я хожу и топчу невозможно прекрасные листья.
Мне под ноги зачем-то упали они с высоты.
Разве я королева?
Бессильно хочу с ними слиться,
Перенять их прохладные, их золотые черты.

Прижимаю к глазам ваши ярко-румяные лица.
Закрываю глаза и по плачущим лицам бегу.
Зга бессмертная, я бы сумела в тебе разместиться,
Раствориться, старуха,
В твоём размягченном мозгу.
Если дух переводится стрелочкой на циферблате,
Дай помедлить у входа, попробовать перевести.
В серой вате твоей с тенью тень говорит.
В серой хате
Брат сестру окликает и эхо звучит взаперти.

Алла Ходос

БЕССМЕРТНЫЕ ОБРАЗЫ

Михаилу Голубовскому

1

Наташа Ростова жила долго и вот, наконец, вышла на пенсию. Слуги не дожили, соседи не дожили, – лишь она, Пьер, дети и внуки-правнуки. Автор ни за что не поселил бы их в чужедальной стороне, но он умер 113 лет назад, а Безуховы живы, как живы и некоторые другие бессмертные образы. Они в Калифорнии теперь. Наташу здоровье не подводит. Пьер же, бывает, закашляется – аллергия у него на хищные растения, занесённые в Красную книгу. Вечерами они читают вслух друг другу романы – Хемингуэя, Франзена, Янагихару. Наташа просит, чтоб не пил на ночь кофею – а то сам не спит и ее будит – то ворочаньем, то ворчанием, то желанием, то муками совести. Однажды проснулся, сел и говорит: – Наташа, а ты помнишь ту сопливую девочку в горящей Москве, о которой я тебе рассказывал? Нашлась ее мать, Марья Николавна, как ты думаешь?

– Длинная память у тебя, батюшка. Только в романе я родила тебе четверых детей – наших общих, а после романа ещё пятерых – а ты экое вспомнил! И вообще она как зверок была! Спасибо, в шею тебя не укусила. Тьфу, тьфу! Под конец только успокоилась.

–Доверилась,– отвечал Пьер, а я ее передал случайной тётке для воссоединения с матерью! Передал –ведь это предал, Натали?

–Ты ещё на улице тогда кричал: "Это дочь моя!" Это дочь твоя, Пьер?

– Это дочь моя, – отвечает Пьер.

Они тихо лежат без сна, потом ненадолго забываются, а утром пью чай с вареньем и слушают Дмитрия Быкова.

2

Татьяна Ларина переехала. Ее муж генерал умер и похоронен с почестями. Прах Таня не стала перевозить. Главное дух, а не прах. И вот, русская душою, сама не зная почему, она привезла в Америку себя, уже немолодую, и вечный роман в стихах, в котором она долгие годы томилась. Первое время в чужой стране она дичилась и дивилась, потом потихонечку стала знакомиться с американским обществом. В свое время посетив кабинет вольнодумца Онегина, она увлеклась языком лондонских дэнди. Поэтому в Сан-Франциско сразу начала выходить в свет и делать знакомства. Говорила о планах на жизнь, которые больше напоминали мечты. Ее собеседники считали, что надо жить здесь и сейчас, только так можно уберечь себя от депрессии, которая заразна не менее, чем ковид. Этого ещё не хватало, ужасалась Татьяна. Ведь она и так страдала. От ностальгии. Поддавшись уговорам знакомых, она посетила психолога Пиджена. Вместо истории болезни принесла ему роман в стихах.

–Так, так, – заинтересовался Пиджен. "Татьяна в тишине лесов одна с опасной книгой бродит…" " Она ласкаться не умела к отцу, ни к матери своей." Аутизм, голубушка…

Это во-первых. Во-вторых,

" Нет, поминутно видеть Вас, повсюду следовать за Вами". Страх быть отверженной! Подозреваю пограничное расстройство. Но начнем с проработки травмы. В свое время Вы много натерпелись от своего модного тирана.

–Доктор, пожалуйста, оставьте мне мою травму, это главное содержание моей жизни, с нею я и буду жить здесь и сейчас. Аутизм я научилась маскировать, этот диагноз меня не тревожит. С пограничниками у меня были трения, они даже просили меня рассказать краткую биографию, чтобы понять за кого я и против кого. Я стала цитировать роман. Сказали, чокнутая, пусть едет, здесь такие не нужны. Я, конечно испугалась, но в то же время обрадовалась, так что и эту болезнь лечить не хотелось бы.

– Какой же смысл, мисс Ларина, был в переезде, если вы не согласны оценить современные инсайты?

– Я пробиралась через Мексику. Там тоже опасно. Но по-другому. Я – беженка, – выдохнула Татьяна и заплакала. У нас там сейчас...

–Знаю, сказал Пиджен.– Эпидемия шизофрении.

–Ах, как хорошо, что мой муж генерал себя не запятнал!– Он пока в Грузии.– И она закрыла лицо руками.

Пиджен дал ей воды со льдом и спросил:

– А что же Евгений? Он здесь? В статусе бессмертного образа? Пусть запишется ко мне, нам есть над чем поработать.

– Да, он было увязался за мной, но передумал и метнулся в Одессу. Онегин на стороне добра, хоть и ужасный повеса. Это началось с декабристов, здесь все написано... Профессор, я не только беженка, я, может быть, посланница! – проговорила она и сделалась белой, как бумага, выходившая из принтера.

–Эту сверхценную идею надо бы проработать, – ответил Пиджен. – Хотитие чаю? Моя бабушка – украинка русско-еврейского происхождения, Алеся Голубовская. Сейчас расскажу, – сказал он, включая электрический чайник.

Саша Немировский

«ЧТОБ ВЫ МНЕ ВСЕ БЫЛИ!»

Это папина любимая фраза. Вот некоторые стихи, посвященные памяти Петра Немировского, которого многие читатели несомненно помнят, и эти воспоминания окрашены светом и радостью.

VENTANA [1]

Мёрзнут в прошлом декады любви.
Как мне выдержать с ней расставанье?
Не звонить,
не встречать, не кричать друг на друга в пылу?
Я плыву
по реке моей памяти в са́ване пониманья
и в пыли опустевшего дома согреваюсь в плену.

Пелену твоих мыслей и слов собираю в гербарий,
чтоб его открывать и смотреть,
принимая совет.
Смерть
не терпит поставленный жизнью сценарий.
На подмостках любви навсегда выключается свет.

Разодет был наш дом. Нынче он продуваем ветрами.
Вещи выволочь, дыры закрасить,
разобрать по частицам тепло.
Как лекарство для раны,
согревает от стен отражённое счастье,
ударяется в рамы
и уходит в стекло.

Я метлой
подметаю паркет,
подбираю монетку. Что, орёл или решка?
Где желание, чтоб загадать?
Разобрать кабинет.
Книжки в ящики и, куда-нибудь между,
записную тетрадь.
Чтоб читать, отрицая разлуку, искать откровенья,
находить и сводить полюса
в невозможности встреч.
Научиться прощать забытьё поколений
и, глядя в фотографий глаза,
слышать речь.

Вот и всё. Что служило убежищем от непогоды,
четверть века спустя проживает разгром.
Ряд картонных коробок от входа,
кресло, стулья. Мой родительский дом,
где, поднявшийся взгляд,
видит чётко небесные своды.
Только это теперь о другом.

* * *

С.

И сказала сирота сироте:
«Обними меня в своей пустоте.
Пусть потянутся года и века.
Ты мне будешь берега, я – река.
Вот сейчас я докурю, ты допьёшь.
Перестанем вспоминать и грустить.
Чуть отпустит набежавшая дрожь,
успокоится ладошка в горсти».

Посмотрели сирота с сиротой
в небо полное пустой высотой.
Сколько лет ещё и сколько любви?
Не реви, пока вдвоём, не реви!

РОШ АШАНА

Папам: Пете и Мойше

Ты не умер — уехал.
Этот жаркий Элул[2]
пахнет терпким вином в недопитом стакане.
Мы по разным домам. Только эхо
звучит непрестанно,
отражая от стен гул
твоих набегающих слов из эфира.
Я живу в твоём мире,
в вещах, в их названьях,
в разбросанных книжках, в развалинах
сказанных слов и историй.
Согрет кашемиром
любви.
Я с тобой говорю и просторы
обсуждаемых тем — безграничны.
Ответы твои
нахожу я в различных
событьях,
в небольших изменениях, в тех, что обычно
не происходят. И нити
меж нами
не знают ни времени, ни расстоянья.

1 *Ventana – окно (исп.)*

2 *Элул — последний месяц еврейского календаря*

Лишь одежда твоя висит без движенья,
да закладка — всё в той же странице,
да молчит телефон.
Я живу в твоём мире его продолженьем
и мне прошлое снится
как грядущего фон.

ФОРМЫ ЧУВСТВ

Папе

Моя любовь на лезвии ножа
для резки таблеток.
Моя нежность на нитках шва,
стянувшего твою пижаму на два размера.
Моя надежда, что клетка
твоей души раскроется ещё не сегодня,
уронив дверцу.
Моя вера,
что ржа
твоего возраста сколь угодно
толстая, не помешает
глазам говорить от сердца.

Мы уплываем в вечность.
Медленно уплываем в вечность
на парусах неподотчётного смеха
хороших воспоминаний. Чем-то
наша похожесть
перемешивает чувства
так, что перспектива одиночества вне
их уже не гложет,
а лишь саднит смутно,
неясно.
Мои огрехи
давно прощены. Ты продолжаешься во мне
и, безвластное,
время — не существует.

(24-26.08.23)

ГОРА

Вершина горы – это форма пустыни,
где след самолёта
всегда под углом к горизонту.
Где скалы и лёд
оживают с закатом
так, что их переплёт
не разнимет
пытающий взгляд на кусочки.
Этот сказочный контур:
то гном в капюшоне,
то сфинкс, то песочные
замки.
Гора — это время, громадой
прижавшее жизни под ноготь.
Как странно,
что странник,
приюта лишённый,
что я, муравей, наполняющий вечность движеньем,
взбираюсь на копоть
вулкана.

Такое смешение
разных эпох мирозданья —
есть форма беседы
о чём-то первичном, просторном.
Вот день номер Два, разодетый в снега,
вопрошает Шестой для дознанья —
а зачем ему жизнь?
Только осыпь шуршит
под ногой от отсутствия слов.

Но не важен ответ. Как гора порешит,
как вдохнет облака –
только вихрь,
как волшебной рукой, её память – цепочка следов
муравьиных моих –
затирается штормом.

ЭМИГРАЦИЯ

Ну перейдешь Рубикон?
Вскарабкаешься по осыпающемуся в воду крутому
берегу,
встанешь, обернёшься — туман над рекой.
Над местностью, где «не верь никому»
в самой земле выбито.
Кровит кожа в ссадинах,
сдвинута
перспектива взгляда.
Сызмальства
такой ли мерещилась тебе свобода?
С детского садика?
С пионер-отряда?
Вырвался.
Лишь цепь языка не отпускает.
За годы
истончилась с краю,
натянута к ужасу вящему
до предела, но держит.
По-прежнему не отодрать ржавчину
русской речи.
Так и кружить
по бесконечности с лаптями наперевес

через плечи.
Говорить на чёрством языке
всячину.
Писать непрочитанное,
выискивать смысл в строке
тот, что слов между.
Зато, нарочито,
не выказывать интерес
ко лжи.
Зато не жить
надеждой.

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Здравствуй, мой дорогой!
Я пишу тебе это из города,
в котором уже никогда не буду.
Он теперь груда
воспоминаний,
а не гордый
владелец улиц, протянувшихся над водой.
Расписание
моего визита не имеет временны́х рамок,
а спешка или опоздание, странно,
не властны изменить скорость моей походки.
Здесь я не тороплюсь домой,
чтобы в полость цветных коробочек
раскладывать облатки
таблеток по дням недели.
Короткие
юбки, украдкой взгляды девочек,
идущих на встречу, отвлекают внимание
от поисков мелей
в лужах вдоль мостовой.

Расстояния
в памяти противоречат местности,
а, припорошенный пушком
времени, смысл речи —
слышнее слов.
На пороге вечности,
в шуршанье листов,
нечего и надеяться, что хотя бы к вечеру,
жизнь вернется на круги своя.
В этот город мне уже не войти пешком.
Вояж
невозможен. Проигранная война
отменила визы
и запечатала погранпосты.
Что представило миру вид снизу
на навсегда поднятые разводные мосты.

Я стою на набережной
и смотрю на равнодушно текущую воду,
преломляющую падающий
случайный луч так, чтобы он не дал света.
Но разве нужен свет, чтобы смотреть сквозь годы,
набегающие волной?
Судя по всем приметам,
этот город — мёртв,
а это письмо к тебе, дорогой,
останется без ответа.

Истёртый
автомобильными шинами поребрик,
вынутый из контекста переулка,
цепляет каблук
ковбойского сапога в Америке.
Спотыкаясь, в порядке,
отпускаю терпкое словечко.
Его звук
обрывает нитку памяти, чья шпулька,
растрёпывая остатки,
катится и исчезает в речке.

Лев Оборин

ЕСЛИ ДУХ ГРЕШНЕЕ ПЛОТИ

* * *

Слэшер и ахимса
бросили монетку
значит превратимся
в патину в засветку

в заново глядящий
профиль властелина
некогда орлиный
а теперь ледащий

под песком лежащий:
мелкая малина
в пальцах проходимца

нас находят редко
нас увидит некто
значит пригодимся

КАНАЛ ГРИБОЕДОВА. БОЛЬШАЯ ДМИТРОВКА

1

Мите и Даше

Поэзия как вишлист. Ветер гонит рябь
к морёной гранитной границе,
за ночь перенастроены сенсоры, и из тебя,
кто начинает строить с колонны, плохой
архитектор.

Воспоминание: снег. Ветровой утюжок
избирательно предпочитал фасады;
из запёкшегося румянца выныривают мосты,
по контрасту сказанное на них бессвязно.

Если заглядывать в окна, зимний фланёр
увидит, как приходят призраки в гости.
Несколько километров — дотянуться, чтоб
подписать
отказ от ответственности.

Польза не та категория. Риск
шага, проблема лунного грунта —
где-то еще непарнокопытный впрыск
истории, русского бунта,

и ампирные розвальни вмёрзли в лёд,
воздух у льда становится разрежённей;
возвращаясь в уме с багажом гуглá, пешеход
на любое испрашивает у себя разрешенья,

но сейчас — анонимность обтёсанных валунов
гореумных, старопроцентных, поддатых —
Где ты теперь? Я в районе сотых домов.
Позвони, как дойдёшь до десятых.

2

Теперь никому

Вот здесь РГАСПИ
где сталинская писанина спит
под караулом шифров и тесёмок

секретные дела
разложит на поверхности стола
какой-нибудь взыскательный потомок —

не я; там вековая пыль
в ней на релятивистских скоростях
летят слова, за ними штамп несётся

поставить апостиль;
в них света нет, напротив них в грустях
витрины оплавляются, а солнце

закончилось вчера,
на мокром в ухо визгнет колесо
и снег пойдет навязывать кривые

совету федера
ции́федерально́госо
бране́йроссийскойфедерации́и;

о где просвет, скорей,
просвет сужается, он так далёк,
как я, дурной наследник

людей,
решительно в реестре не последних,
от них, и как архивный звездолёт

от нас;
Большая
все тянет лямку, превращаясь в наст,
смерзаясь и мерцая.

* * *

Слово, ты успеешь на следующий поезд и проследуешь
над волнистой местностью, поросшей рейнутрией и борщевиком.
Раньше ты думало, что безбарьерная контрацепция мира
не допускает сбоев, иначе повсюду маячили бы
гибриды дорог и столбов, телефонов и рук, контагиозная магия
наслаждалась бы местью за развенчание деда мороза,
а теперь ей и вправду время смеяться — но добрым смехом:
инвазионные виды латают связь; капитан борщевик,
исходя едким соком, стягивает перерубленные саперной
лопаткой роскомнадзора кабели. Все очень медленно.
Музыку не скачать, но раздел философии на либ.ру
остается к услугам. Слово, ты медленно, моноширинно
поползешь по горизонтали. Раздел поэзии тоже там.
Аполлинер, Дю Белле. Есенин. Дайл-ап на счастье.

* * *

Гравитация граничит
с тишиной твоей земли,
сгустки неба злоязычат
и ненужных слез не льют,
просыпается поляна,
расцветают сто цветов,
тишина непостоянна,
ненадежный институт.

Если дух грешнее плоти,
то зачем накрытый стол?

Праздник — пешка, жертва
проти-
востояния светил,
голоса текут под камни,
ископаем чёрный ключ,
на прощанье посвети мне,
тишина, зелёный луч

* * *

но во сне
новостна
я лента
продолжа
ет шеве
литься е
жесекун
дно
дно
дно

дно во сне
сон на дне
город-ад
без дверей
зоосад
без зверей
озвере
лые ли
ца в добре
выели
дыры дыр
дыры дыр

убива
ют людей
убива
ют людей
убива
ем людей

буча и
краматорск
мариуполь
ирпень

мы на дне
каждый день
это мы

убивали
людей
убиваем
людей

* * *

Диспепсия дизентерия империя
в каждой железке, проницающей черепа;
оскорбленные горы, отдавшие свой секрет,
помнят шахтами и говорят своим абрисом
миру линейных графиков, что кривая
рано-ли-поздно не вывезет, двинет вниз;
где руда повстречается с кровью, начнётся
обвал,
ветхозаветен гул валунов:
муравьи ничего не смогли, промолчали леса,
а горбатый мост позабыл
едкий вкус апельсиновых касок

* * *

Руины плохо призывают милость
увечья слабо понимают жалость
вот издана коричневая книга
но в мире ничего не поменялось

вот издана коричневая гнилость
но света нет читать, и нет прощенья
и кто добьется этого прочтенья

отрекшиеся пачкают страницы
как совратитель жертву совращенья
но чтение должно быть отреченным

кто будет проклят — это не интрига
об этом знают тихие столицы
и пишут по коричневому черным

* * *

Равнина издали покажется болотом,
а посреди такой
железный ящик с невлезайубьётом,
и в нём хохочут день-деньской;

такой тип юмора как в старом КВНе
как если запустить
миджорни на советском ЭВМе
и результаты запостить;

такое, чтобы накормить психоанализ —
как парни на селе
для сохраненья чести догадались
подсунуть рельс бензопиле;

но ночью над водой взлетают огонёчки
и пропадают: пых
возможно, это фронтовые свечки
завода общества слепых?

* * *

Распускается объектив,
фотографирует небо,
рядом еще один,
их много, по проводам
пересылают голубизну,
целое море спокойствия.

Скоро выплывет шоу дефектов:
море кризисов, море войн,
море навязчивых состояний.
Голубизна потемнеет
и зарябит вдалеке
как муар ксерокопий:

город включил огни,
маленькие, далекие,
смотришь на них и видишь
вчерашний день

* * *

Самая темная ночь
перед рассветом, где-то в районе
сочельника и московских бульваров, когда
мигает иллюминация, и бездомная кровь
останавливается на скамейках.

Звездочки снега гонят газетный лист.
Самая темная ночь встает
над нефтяными вышками Салехарда,
запахнута в северное сияние.
Ничего не видно соседям по широте.

Самая темная ночь наступает
на скейтборд одинокого вагонзака
и со свистом летит на прогулку,
только искры гаснут в полах ее темноты
и окалиной падают вдоль магистрали.

* * *

Можно пользоваться, скажут, с известной
осторожностью; с оговорками, скажут,
а в резком свете хамского софита
забытые слова, как то: тени лягут

тени, тени, чем обязан, всем обязан —
тени, тени, да, обуздан, обуздан,
но я крикнул вам: ложись! и сберег вас
криком оскорбил ваш слух но вы целы

Нам любезны вольные скитанья
жалок скрип вертелов каталога
хамский свет смехотворен безразличен.

Вот пятно на память, потрогай.
Вот размах над крышами: безграничен.

* * *

Вышел из дома и переправил себя
незаметно в парк времени
смотришь — а зори здесь мнимые
смотришь — а воздух здесь зеркало
и звенит

мелодично считаешь минуты:
первая парковая, вторая —
но ни одна не обернется
посмотреть, не обернулась ли она, чтоб
посмотреть, не обернулась ли она.

Так выпадают из времени,
парк разбивается,
замыкая круг, и привратник
выводит тебя за ворота за неуместность
а потом закрываешь ворота ключом.

Лев Бертин

ТРЕУГОЛЬНЫЕ ПТИЦЫ

* * *

Ко всему привыкаешь,
к хорошему –
сразу и намертво.
Есть такая привычка,
она называется:"жить",
от которой когда-то
придётся избавиться.
Нам это.
никогда не понять,
не принять никогда,
не постичь.

А мне жальче всего —
на закате
таком абрикосовом,
когда солнце сочится
на чистый крахмал облаков.
Может вам повезёт
не поэтом родиться,—
философом,
чтоб себе объяснить
ход вещей и теченье веков.

"Уходя — уходи".
В непонятный
пугающий дальний путь.
мы уходим гурьбой,
сожалея о прошлом слегка.
Мы, конечно, вернёмся—
куда-нибудь,
кем-то,

когда-нибудь.
Чтоб начать всё по новой.
Привыкнем.
Нам не привыкать.

ТРЕУГОЛЬНЫЕ ПТИЦЫ

То ли всё наяву,
то ли это мне снится.
По-над морем летят
треугольные птицы.
А в зелёной воде,
как в огромном рентгене,
не сбиваясь, плывут
треугольные тени.

Треугольные птицы,
так даже прикольно,
в них остры все углы
и в них всё треугольно.
Треугольные крылья
и профиль орлиный.
И летят они чётко
очерченным клином.

Их так много. Уже
не видать горизонта.
Треугольные....будто бы
весточки с фронта....

* * *

В ночь весеннего равноденствия.
мне приснились военные действия.
Воевал. И запомнилось мне :
был на **ПРАВИЛЬНОЙ** стороне!

* * *

Ребята, солдаты ЦАХАЛА[1].
у всех вас прошу прощенья
за то, что сегодня не с вами,
но, годы свои

1 Армия Обороны Израиля

кляня,
я б мог ещё быть полезен,
я б мог послужить
мишенью :
пуля, летящяя в сына,
могла б прилететь в меня....

* * *

Премьер-министр Шотландии
призвал жителей сектора Газа
переселиться в Шотландию

ВОЛЫНКА

Опять затянули волынку,
не проводы и не поминки.
Без звона монет
"Музыкальный момент".
—Подвинься, послушаем, сынку.

Волынщик вальяжный и крепкий,
и юбочка в крупную клетку.
С ним дамы "на ты"
и бомжи, и менты
(Возьму-ка себе на заметку).

Та музыка вытянет жилы.
—Ну, что же ты, право, служивый.
С утра до зари
надо благодарить
за то, что здоровы и живы!

Держитесь, шотландцы, держитесь.
Когда-нибудь вы отделитесь.
С крестом иль звездой
будет флаг голубой...
И Газу возьмёте с собой!..

ЧАРЛИ

Друг мой бигль. Взгляд печален.
Уши до земли.
Нрав несносен. Имя Чарли,
в детстве нарекли.

В час, когда большая драка
в мире двух начал,
кто о ком, я о собаке.
Я ей обещал.

Кто-то там беду пророчит,
всё расставит жизнь.
Погляди сквозь створки строчек,
как сквозь жалюзи.

Если вдруг родная морда,
и знакомый лай,
то не так уж страшен Мордор
и его дела.

В час, когда большая драка
в мире двух начал,
кто о ком, я о собаке.
Я ей обещал.

* * *

В субботу на ночь глядя
босой (я не шучу)
я шел по водной глади
по узкому лучу.

Прибой мочил колени
и холодил слегка.
Светило в отдалении
садилось в облака.

Проворны, как нунчаки
в сноровистой руке,
мне вслед кричали чайки
на птичьем языке.

" Эх, жалко, что без посоха
заканчиваю день!"
Веселый, аки посуху,
я шлепал по воде.

Трудягам-рыболовам,
работающим в ночь,
я помогал с уловом —
ну как им не помочь?

А после для прикола,
ведь "Истина в вине"

Я превращал их "Колу"
в сухое "Каберне".
Больным дарил надежду
и сирых привечал.
Кричал :" Откройте вежды!"
и " Всё ништяк!"—кричал.

Проверена веками
традиция горька,
в меня летели камни
от тех, кто без греха.

...Потом светило село,
погас волшебный луч.
И я направил тело
к накрытому столу.

* * *

Крепость была на песке.
Крепость была из песка.
Очень похожа на те,
что простояли века.

Грани отвесные стен,
прорези узких бойниц
ржание помнят коней,
помнят мелькание лиц.

Вал крепостной не пройдёт
ни чужеземец, ни враг.
Реет на башне большой
патриотический флаг.

Утром на пляж прибежал...
Всё затянулось песком.
Лишь колыхалось в волнах
гордого флага древко.

Всё из песка и в песок
от исчисления дней.
Где же следы тех твердынь —
из кирпича и камней?

* * *

Пока не требует поэта
к священной жертве Аполлон
А. С. Пушкин

А музы заходят друг к другу на чай.
(Уж музы такие, шарман)
Мой друг музыкант сочинил невзначай
довольно приличный роман.

Художник, на время оставив холсты,
стакан, где еще грамм полста,
сварганил романс неземной красоты,
и снова вернулся к холстам.

Сегодня ни строчки я не сочиню,
а может быть и до весны.
Покрашу забор, в кухне кран починю —
к восторгу любимой жены.

Но к жертве священной зовет Аполлон.
—Иду !— Я бросаю ведро.
Покуда не смежил глаза вечный сон
и не заржавело перо.

МОИМ ПО-ЧИТАТЕЛЬНИЦАМ

Мне снились кошмары. Я понял спросонок:
есть несколько женщин, им сильно за сорок,

премилых и умных, но несколько странных,
живущих давно в разных землях и странах

-иврито- и англо- и русскоязычных.
Лишь несколько женщин, но очень приличных.

Смахнувши соленую влагу с ресничек,
они засыпают под шорох страничек…

Господь им простит и отпустит грехи,
за то, что мои они любят стихи...

Миранда

ВОЙНА НЕ БЫВАЕТ КОРОТКОЙ

ДИСК

Просыпаясь средь стольного града,
Неожиданно вспомнишь, как надо:
Все, что может вернуться, пришло.
Зевс роняет, как молнию, вилку,
Звезды сыплются в чью-то копилку,
И взрывается сталь, как стекло.

Жизнь устала и кажется мелкой:
Два окна под летящей тарелкой
Означают неспешный покой.
Фестский диск — без размена монетка
И под темной копилкой салфетка,
И зеленый огонь под рукой.

Все, что рядом, окажется правдой —
Рядом топай, герой богоравный,
В плащ укутывай на сквозняке…
Но пристанищ теперь слишком мало,
А такси вызывать не пристало —
Вот и едем на товарняке.

Нас, бесспорно, за это ругают —
А зеленый огонь все мигает,
Пропадая в смолистом дыму.
Если мы окончательно сгинем,
То среди первозданной пустыни
Просто встанем и крикнем ему.

Далеко, в самом сердце кометы,
Где темно от слепящего света,
Тот же ключ обнаружить в руке.
В темном сквере кружится планета.
Фестский диск, как большая монета,
И зеленый огонь вдалеке.

ПАШНИ

Бывают мысли и поздоровей,
Но жизнь и так больна, что ой-ей-ей —
Земля, в которой жил король червей,
Не кажется особенной землей.

На ней, цветущей, древний город встал,
И люди жили дольше наших дней —
А он ее рыхлил и хохотал,
Что мы и так окажемся под ней,

Как будто, в гости прилетев с Итак
И побросав пожитки и жилье,
Услышав чье-то важное "итак..." —
Мы все полезем радостно в нее.

Но эта повесть очень коротка:
Когда грачи съедают червяка,
Они совсем не хвалятся собой —
Их скромности завидует любой.

Не надо рыть могилы — у земли
Полно надежд, на то она земля.

И, главное — не лезьте в короли,
Поскольку нет на пашнях короля!

ГОРОДУ И МИРУ

Родился, отходился, прожил, и
Все на каком-то пятачке
Жевал конфеты "искра божия" —
Жизнь в кулаке, кулек в руке
Все одинаково — и в Польше,
И в Гане, так, невесть с чего —
Но этот мир все дальше, дальше —
Вокруг все больше моего

Так редко в гости заходили —
Ведь только иногда могли —
И корабли, и крокодилы,
И кулики, и короли
А тут идешь себе по городу
И тихо думаешь — ого
Весь этот мир отходит в сторону
Вокруг все больше моего

А там, где песни не поются,
Там требуют, кричат, вопят —
Стрелять по тем, кто не боится
И рушить города, где спят

Слова не пролетают мимо
И точно ясно, почему

Угроза городу и миру
И твоему
И моему

ВОЙНА НЕ БЫВАЕТ КОРОТКОЙ

Оружие — это судьба. Жизнь пройдет без медалей:
Судьба никогда не бывает особенно кроткой,
Но главное, что мы в учебниках не дочитали —
Война не бывает короткой.
По взмаху руки чья-то лампочка снова включалась.
Солдат наклонялся смотреть, как дыханье слабеет.
Для тех, кто ее начинает, она не кончалась,
Она не успеет.

Сказали когда-то читавшим замшелые книги
Любителям книг о войне, людям с саблей и плёткой:
Пошлите навеки к чертям города и блицкриги,
Война не бывает короткой,
Не будет добычи, а бедствие жизни не учит:
Зыбучий песок ,Зазеркалье, вошёл — и не вышел!
Она не поможет, она разорит и замучит -
Но кто их там слышал.

Но кто же послушает мирного жителя, кто же
Признает, что он не вояка, а просто такой же,
Кто слушал всю эту добычу, ресурс и рабочую силу -
Дорогу, могилу?
Всех тех, кто не помнит о славе, кто крикнуть не вправе,
Кто знал, как крадётся несчастье неслышной походкой?
Теперь половина земли в этой старой отраве.
Война не бывает короткой.

ГОРОД Б И ГОРОД К

Совершенно негде жить,
День течет, как белый сон,
Наступает время ждать,
Исчезает время спать.
И желание попасть
В точку С за горизонт,
Не умея угасать,
Разгорается опять.

Заводить себе котов
В стенах разных городов,
Доставать из рюкзака
Город Б и город К.

Говорят, что все умрут,
Но других препятствий нет.
Будет в следующий раз
Карта неба на столе.
Даже если вас запрут,
В небе вспыхнет белый след.
Ограниченных пространств
Не бывает на земле.

(Паспорта твоих френдов.
Длинный список городов.
На страницах дневника —
Город Б и город К).

От стены и до стены
Через стены тишины
Продолжать идти вперед
К окончанию войны.
Через росчерки мостов
В сотне разных городов.
Через сеть чужих следов
В сотне разных городов.

И, когда опять легка
Беспокойная рука,
Доставать из рюкзака
Город Б и город К.

(2023)

ВАН ГОГ

Когда новые проповедники собираются в стаи,
Решившись открыть сокрытое в эпилоге,
Раздают брошюры, следят, чтобы всё пролистали,
Спрашивают: кто тот человек, о котором вы
только что прочитали?
Ты встаёшь и говоришь, что речь идёт о Ван Гоге .

Очевидно, это
Винсент Ван Гог, не спавший в домах ночами,
Говоривший, когда все умные люди молчали,
Пригласивший друга пожить, что кончилось
плохо,
Но спокойно позабывший свои печали,
О чем мы, кстати, не знали,

Засыпая над стихотворением после тяжёлых и
монотонных
Дней, заполненных поисками добычи, удачи,
света,
От ненужных еды и питья, не пошедших впрок и
картонных,
Чтобы снова встать и сказать "очевидно, это "...
—

Но — щелчок и свисток, и книга лежит в бурьяне,
И для тех, кто успел, не бывает пути обратного.
Кто из нас — человек? — раз вопрос звучит
постоянно,
Все мы знаем ответ. Непонятно, что тут
непонятного.

Очевидно, это
Винсент Ван Гог, отчего-то рождённый два раза,
Ничего не понимавший в человеческой глупости,
ну и не надо,
Обладавший смешным именем и фамилией,
Переживший несколько раз наступление ада,

Понимавший, когда беззвучно звучит соната.
Он такой же, как ты,
Сам герой своего рассказа.

ПРО МОЛОКО

Когда закончилось везенье,
А тьма ходила по пятам,
Я уронил стакан на землю —
И молоко впиталось там.

Да, пролитое не отмолишь:
Освободившееся — да!
И молоко текло по морю,
Обрадовавшись, как вода.

Чья сила вместе нас держала?
Что проще, то всего плотней —
И молоко подлунным шаром
Плывет, не смешиваясь с ней

Под корнем радуги сплетали,
Кормились камни и века,
И в небо капли залетали,
И затекали в облака —

А громы с молниями — что ты?
Они не бьют по мне, пока
Я защищен его заботой,
Как в белом круге молока.

ВСЕ ЭТО ПРОИСХОДИТ НИКОГДА

Тяжелым сном уснувшая душа
Проснется где-то в полдень, не спеша.
Безумный человек идет по парку,
Засохший хлеб в ладонь себе кроша.

Вор запускает руку в кошелек —
И думает: "как я тебя отвлек"...
Течет, течет дорожка хлебных крошек,
Но ни ему, ни вору невдомек:

Все это происходит никогда.
Обычно с неба падает вода,
Потом она кончается, мир тесен,
И наше лето входит в города.

Чужие люди голосуют "за".
Ты бьешь на звук, куда глядят глаза,
И ты глядишь на белую страницу,
Которая валяется в пыли.

Весь мир, что помещается в рюкзак,
Не сможет поместиться в автозак —

Он и в тебе не смог бы поместиться:
Ему распространиться помогли.

Все это происходит никогда.
От ветра в поле стонут провода,
И тот, кто даже солнца не боялся,
Решает — хлеб со льдом или вода.

Уже решили, выключили свет,
Сказав, что ты исчез на десять лет,
Но весть уже летит вдоль континента
И белой краской падает на след.

Судьба ломает лед зеленых рек —
И видишь вспышку меж закрытых век,
И, белой краской на кирпичных стенах —
"Век кончился. Заканчивайте век" .

...В истории, придуманной в тоске,
Зажав дешевый телефон в руке,
Безумный человек идет по парку,
И режут Парки нити налегке.

И каждый этот шаг важней всего,
И кто-то шепчет в ухо: "ничего!" —
И остается в городе безумец —
И давняя мелодия его.

УЛИТКА

На нагретой солнцем плитке
Под шуршаньем мишуры
В домике сидит улитка
У подножия горы

Над горой туманы тают
Склоны белые пусты
Фудзияма процветает
От улиточьей мечты

Но невесел мир зеленый
Ей не хочется в поход
Вдруг какой-то просветленный
Не в ту сторону шагнет

И не то чтоб ты связался
С ним, и все за одного —
Как бы вдруг не оказаться
Под сандалией его

По тропе шагает прытко
Неизвестная судьба
В домике сидит улитка
И боится за себя

Чтобы двинуться однажды
По течению тропы
В очень страшном мирном мире
Полном хрупкой скорлупы

ВОЗДУХ

Сердитый художник берется за кисть
Писать на ветру без холста.
Хоть выйди из воздуха, хоть растворись,
А магия в мире не та.

Ты спящую птицу изловишь за хвост,
В любые истории вхож,
И рядом и краски, и кисти, и холст —
Но воздух откуда возьмёшь?

Платон Диогена хватает за нос,
А с кем диалоги вести?
Как водится, тут у меня есть вопрос,
Но ты не ответишь, прости.

Ах, если бы видеть как впишут ответ —
Хоть что-нибудь там, впереди!..
Без воздуха этой возможности нет.
А воздух, а воздух попробуй найди,
А воздух попробуй найди.

Римма Гольдман

КОРОВА КАКАДУ

ЭТО — ОСЕНЬ

Этот запах прелых листьев
Так знаком и так немыслим.
Словно путами стреножен,
Робок так и осторожен.

Он нас водит по аллее,
Как художник в галерее.
На пейзажах и портретах
Нет зимы, весны и лета —
Только осень...

На полотнах итальянцев
Веер листьев с ярким глянцем.
Солнце, наклонясь над садом,
Кисть целует винограда.

Но грустна улыбка пары
На картине Ренуара,
И еще сильней тревога
Модильяни и Ван Гога
Это осень...

Отступают удивленно
Фиолетовый с зеленым,
Голубого очень мало,
Больше охры и опала.

Пахнут дьявольской селитрой
Утомленные палитры,
На холсты ложатся тени
От предчувствий и сомнений.
Это осень...

1997

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА

Коммунальная квартира —
Запах хлорки и эфира.
Я совсем одна на свете.
Спят коты и даже дети,
Веки смежив.
Коммунальная квартира —
Центр сумрачного мира.
В час счастливый полнолунья
Я одна не сплю – колдунья.
Сумрак бежев.
Коммунальная квартира —
Место чудное для пира.
Я размешиваю травы
Для своей густой приправы —
Травы режу.
Коммунальная квартира —
В кухне — ведьма, два вампира.
К пиву ловко варят раков
Леший с парой вурдалаков —
Раки свежи.
Коммунальная квартира —
Словно шарик из пломбира,
На огне слегка согретый,
Растворится все к рассвету
Лужей снежной.
Коммунальная квартира —
Запах хлорки и эфира.
Очень тихо, все заснули.
Я мешаю щи в кастрюле —
Нежно, нежно.
Безмятежно
Спят соседи.
Цвета меди
Суп в кастрюле.
Все уснули,
Веки смежив.
Сумрак бежев.

1999

КОРОВА КАКАДУ

Моя корова Какаду
С утра валяется в саду.
А молока давать совсем, совсем не хочет.

Я жду и жду, но вот пока
Нет даже капли молока
В большом ведре, а Какаду моя хохочет.

Ей все как будто трын-трава.
Я целый день колю дрова,
Готовлю печь для ароматной пшенной каши.

Но молока все нет и нет.
Что ж, Какаду, держи ответ.
Вы, поглядите-ка, она по саду пляшет!

Прошло уже немало дней.
Не знаю, что мне делать с ней.
Пора давно ее наказывать сурово.

Но с Какаду не сводит глаз
Производитель — бык Алмаз:
Очаровательна веселая корова!

Она то пляшет, то поет.
А молоко? Нет, не дает.
Зато смешит нас лучше всяческих комедий.

С ней так забавно и легко!
А молоко? Что молоко?!
Его я просто покупаю у соседей.

05.18.18

НЕНАПИСАННЫЕ ПЕСНИ

Вечереет, звезды ближе.
Ночь на пальцы кольца нижет
Созвездий.

Лунный глаз и желт и страшен,
Словно с бубном в небе пляшет
Наездник.

Облаков сплошная масса
На поверхности атласной
Мережкой.

Мироздание с ладони
Землю то орлом уронит,
То решкой.

Вечность дымкой карамельной
Предвещает наступленье
Рассвета.

И летят из поднебесья
Ненаписанные песни
К поэтам.

2001

ПИСЬМО ИЗ ЛИВЕРПУЛЯ

Я увлечен романом новым:
Ах, Вы прекрасны, как заря.
Но корабли отплыть готовы,
Мы поднимаем якоря.
Ну что ж, прощайте, дорогая.
Я Вас за все благодарю.
Я возвращусь, пожалуй, к маю.
Или, скорее, к декабрю.
Я напишу из Ливерпуля:
Подробно, не теряя нить.
И где-то в недрах ридикюля
Письмо Вы станете хранить.
И вынимать все реже, реже:
Хозяйство, дети, стрижка роз.
Исчезнет Ваш румянец свежий
И потускнеет медь волос.
Я не вернусь — мне будет больно
Увидеть перемены в Вас.
Прощайте — вот уж ветер вольный
Наполнил парусов атлас.
Мотор стучит надежно, верно,
На знамени следы от пуль.
Вы ждите, ждите непременно
Письмо со штампом «Ливерпуль».

1998

ПЛАЩ ПРИКОСНОВЕНИЙ

Сяду шить неспешно
Из тоски осенней,
И из тьмы кромешной
Плащ прикосновений.

Как здесь будет кстати —
(Все почти готово)
Этот кант объятий
В нежно-васильковом.

Ты придешь под вечер —
Хмурый, недовольный.
Мысль тебе перечить
Кажется крамольной.

Нежность разобьется –
Соберу осколки.
Ниточка порвется,
Выпадет иголка.

И тогда защитой
(Вот и применение!)
Станет мною сшитый
Плащ прикосновений.

12.20.16

ВОЕННЫЙ - НЕ ВОЕННЫЙ...

По набережной Сены
Идёт, скрипя протезом,
Военный-не военный,
Но бывший и нетрезвый.

Когда-то не убитый,
Случайностью спасённый.
Давно уже пропиты
И зубы, и патроны.

Давно уже всё в прошлом,
Погибло в лихолетье.
Остались только брошка
И дамский пистолетик.

Забавные вещицы,
Смешные сувениры
Прижились за границей,
Проехав с ним полмира.

Из золота скорлупки,
Орешки в них – алмазы.
Зачем-то брошь из скупки
Он забирал три раза.

И стёрлась монограмма
На ручке пистолета.
Жизнь – это мелодрама.
А, может, оперетта?

Ни белых и ни красных.
И, никому не нужный,
Надеется напрасно
Найти монету в луже.

А табака ни крошки,
В кармане ни полушки.
Ну, что ему в той брошке
И дамской безделушке?

Ах, Глашенька, Глафира.
Пропала в круговерти.
Нет, эти сувениры
Он не продаст до смерти.

А вечер в Сене тонет,
Как воротник, подсинен.
Касаются ладони
Осколочков России.

Сегодня, непременно,
Напьётся просто в клочья,
Военный-не военный,
Но бывший, – это точно.

Я ЛЕТАЮ...

То ли кошка,
То ли птица,
То ли женщина была?
«Легенда о сфинксе»
Вероника Долина

Не вяжу, и не латаю,
И заплаты не кладу.
Я летаю, я летаю,
Над домами, и в саду.

Никаких приспособлений,
Даже крыльев, за спиной.
Эй, Ньютоны, Галилеи,
Вам не справиться со мной!

А внизу уже Аляски
Ледяная благодать.
Уставая, звезды гаснут,
И рождаются опять.

Облаков фата клубится,
Солнце кланяется дню.
На меня не злятся птицы,
Принимая за свою.

Для полетов в атмосфере
Людям нужен курс наук.
Ну а я лечу на север,
А могу лететь на юг.

Не вяжу, и не латаю,
Не варю семье лапшу.
Я летаю, я летаю….
Возвращаться не спешу.

06.05.23

Елена Макарова

ЧАРЛИ-ЦАПЛИ

Ищщы в куры

Няня – Ирина Михайловна Корочкова – родилась и проживала до наступления голода в деревне Хмелево Лесного района, п/о Никольское.
Няня: «А как дали землю народу – так все по кустам и попрятались. Думали, шшас им комунизьма! А ее, комунизьму, ковать надо! Нас у отца с матерью было одиннадцать душ. Помешшик выделит полоску на краю, отец запряжет, и все так и покатим на работы. А как стала вся земля наша – все по кустам. Голод сделался. Куды девацсы? Оставила детей на свекру – и с Дуней в Ленинград. Хорошо, Дуня в работницы была взятá по переписке, она меня и свела к Инге Палне и Петру Сергеичу. Пришла к ним, они спрашивают – готовить умеешь? А я одне шшы могла. Наварила, пондравилось. Петр Сергеич летчиком был, дак с летчицка пайка сам в деревню и отправлял. А дочь Нюры говорит теперь: мы у тебя по голяшкам протекли, мамы-то и не видали. По голяшкам протекли… Не пайки бы летчицки, с голоду б сдохли»!
В районном центре Максатиха я спросила бабусю на лавке, далеко ли до Никольского (про Хмелево она и не слыхивала), и та ответила: "Ой, доча, ить это глушь!"
И все же добралась я до глуши. С волшебной курицей, в которую няня тайком зашила десятку с запиской "Ищщы в куры". Няня все ценное зашивала в подол или в наволочку, – чекушку, часики, – но не все на "ч". На "д" она зашивала деньги, на "ц" – цепочку, которую считала золотой, на "к" – крестик. С «куры» вышло горе. Вера не углядела – сварила ее, не разделывая, с запиской и десяткой.

Медицинские изыскания старухи Паланьки из деревни Хмелево.

Как лечить болячки?

Обертками от конфет. Делается это так. Больной подвешивается вниз головой, на больное место налепляется бумажка от конфеты — все и вытянет. Так что мы бумажки не выкидываем, все лежат сложены. Зачем подвешивать вверх ногами? Чтобы кровь била на низ, так болячка нарвет, и гной вытечет сам.
А когда все конфеты кончатся?!

Как лечить понос?

Градусником. Няне Ирине Михайловне Корочковой занеможилось: все дрышшется и полышшется. Пошла она к фершалу, в Никольско (пять километров пешком), а тот ей вложил стеклянну палочку под мышку, и она пошла с ней назад.
Неделю продержала, и правда, улучшило. Пошла опять к фершалу. Спасибо вам, доктор, помогла ваша палочка, уже не дрышшется и не полышшется. А фершал…
Няня смеется, поддерживая языком верхнюю вставную челюсть: «Оказывается, это градусник был. А я с ним, ох, и намучилась, спать боялася, а ну-ка разобью и не выздоровею».
А если градусники прекратят выпускать?

Вера Завьялова, дочь Ирины Михайловны Корочковой

Ноги у Веры срослись с сапогами. Называла она эти сапоги "чарли-цапли", что указывает как на глубину проникновения средств массовой информации в деревню Хмелево и в рядом стоящее, за лягой, скособоченное Ивоново, — так и на то, какой мировой гений Чарли Чаплин. Нянина дочь в войну не ела шнурки от ботинок при помощи ножа и вилки, но ела лебеду, и, наверное, если бы она была не дояркой, а актрисой, то не хуже Чарли Чаплина изобразила бы нам, как она это делала. Верин эпистолярный архив (письма из деревни Хмелево) мог бы обогатить знания историков о счастливом быте крестьянства советской поры.
Почему мог бы? Обогатим, и не только историков. Переписано без единых поправок, но с сокращениями в начале и конце письма, ибо каждое начинается с привета из Хмелево и заканчивается досвиданием и поцелуем.

На болоте нету гула

Письма Веры Завьяловой Ирине Михайловне Корочковой и семье Макаровых (1975-1985)

1 декабря.
… Открытку от вас получили и большое спасибо что вы написали что мама доехала хорошо я очень беспокоилась. Мама поросенка зарезола бросил есть. Я работаю на старом месте теперь без выходных. Погода стоит то тепло то холодно не очень хорошая. …
4 февраля.
… Мама апельсины получила большое вам спасибо съем апельсин как усталось куда уходит. прихожу с фермы в седьмом часу затопляю маленькую печку а потом большую стоят сильные морозы будет потеплей тогда полегче. Нового пока ничего нет здоровье немного простыла но ничего все пройдет. Мама к лету поставят газ в апрели или мае мне будет потеплей. Мама ты часы забыла я их убрала дома все в порядке не беспокойся. Витька Данин женится 4 марта будет свадьба. Поросята оба живы большие выросли хорошие.
Сережа вы обищали дрозжей если можно то пожалуйста ребята послали муки а дрозжей нет.
… Очень устаю собралась уйти с фермы но приехало начальство зговорили опять осталось и скота прибавили 21 голова добавили еще телок… померла Голунова погода стоит плохая дожди дров еще не возила…

17 марта.
… Посылку вашу получила большое спасибо что вы меня не забываете все мне посылаите… Зубов вытощила мало три, два раза ездила зря врач болел не таскал еще три зуба вытощить в субботу еще съезжу два вытощу корня. … Карова еще не телилась должна 24 февраля еще работы прибавится. …
… Посылку вашу получили большое спасибо извените что сразу не написала все устаю. Коровушка отелилась 11 апреля был порез пришлось вызывать врача много пережила думала что и все с коровушкой прощусь а теперь нечего поправляется. Мама пенсию больше не дадут только на три месяца почтальон сказала. … мама чего же вы не отписали получили деньги или нет 40 руб я еще собиралась послать мама напиши то я еще сразу вышлю ведь у вас там лишних нет город все надо купить новостей нет погода стоит холодная. Надя еще не приехола Паланьки тоже нету Сережа напишите как у мамы здоровье и когда она приедит…

(без даты) …
Посылку и письмо в посылки получила сидели за столом в Ленины сорочины почтальонка привезла. Была на кладбище были собраны только свои помянули, а суда пришел ответ одному 5 лет другому 4 обоим лишения свободы. Мама покос выкосила и убрала не беспокойся живи спокойна с Юрой отгребали да тетя Надя помогла. Ваня Беляков косилкой покосил да косилка спортилась конечно дорого обошлось а я сама покосила воскресенье чуть жива пришла. Так устала все надо поднимать на сарай. Поясница заболела два дня лежала но теперь полегче. Огурцы неростут и тина пропадает от холода. …

(без даты)
… Мама письмо тебе написала но ответа не могла дождаться пишу второе каждый день ждала телеграмму что вот скоро приедишь но не могла дождаться вот мама дожила до таких лет и все некогда и в все как 17 лет тебе а у нас старушки сейчас сидят на улице полный день поделают чего маленько и опять свободные паста кончилась пишу другой а тебе никак не выбраться Мама напиши хоть два слова что да или нет что мать ты или нет теперь осталось пожить теперь немного тебе и хотела бы чтоб ты была со мной. Мама я купила зерколо теперь у меня хорошо в комноте тебе только пожить со мной пондравится. Мама приезжай Юра откроет и убежит а цыгане ходят все и переживай что утащут. Ты приедиш все отошлю обратно чтоб я не переживала что чего унесут. Сережа я очень прошу чтоб мама приехала ей время отдохнуть. …

(без даты)
… телеграмму получили спасибо что беспокоитесь у мамы здоровье пока ничего бегает устанет полежит отдохнет много бегает надобы поменьше но такой человек не седячий картошку выкопали капусту еще не рубили. … Клюквы нонче нету грибов немного поносили саленых а сухих мало…

(без даты)
… Посылку ваш получили большое спасибо и большое спасибо за приглашение в гости но нам некому не попасть я работаю без отпуска некому заменить. Мама очень болеит лежит в постели ни ест ни пьет лежит в очень тяжолом состоянии наверно не поправится соседка у нас старушка померла. пожила бы хоть еще годик мне бы повеселее ато одной очень скучно у болота как на хутори…

(без даты)
… Письма ваши все получили и посылки получили большое спасибо что не забываете. Была бы сама грамотна так сразубы ответила. Вера занета работой с 3 часов утра и до вечера придет уставши а я уже не прошу а Юра уходит на неделю в энтернате живет. Сережа здоровье пока не очень важное не так другое все болит у Веры мне хорошо чиста и сыта печку истоплю и лежу на печки только бы жить да здоровье не важное. … Сережа приезжайте к нам пообещался и не приехал я бы так на тебя и поглядела так соскучилась…
(приписка няни) Ленушка Сереженька ниужели вы меня бросили напиши что я написала ето написала целую скучаю сереженька ответь

(без даты)
Сережа у нас не город вогон поезда не могу указать береш билет и едиш почты тут нет. Подаем за раннее в никольское, когда едиш в пестово. Буду стоять на платформе тут меня гляди переживаю как попасть встречай ато я незнаю куда идти. …

28 сентября
… Посылки ваши получили с помидорами и колбасой большое спасибо но извените меня что я вам за ето за все не отблагодарила и не написала мне очень некогда все сегодня да завтро а время идет. Картошку выкопала и перепохала теперь капусту изрублю и поисправилась на зиму постилки покошу клюквы нончи нету некто не ходит на болоте нету гула. Саша с Людой Костиком были дома приезжали на свадьбу к Даши 18 сентября картошку помог Ваня Беляков два раза наезжал капалкой пришли Нюра и Саша Максимов помогли обирать Поля Татьяна спасибо всем с Ваней Беляковым не знаю чем и расплатится деньги не бирет даже неудобно безотказный человек. Мама ты не переживай живи спокойно я теперь исправилась Сережа Лена вам большое спасибо что бы тоже обомне беспокоитесь но вам далеко мне помоч. Мама и ты живи когда потребуется мне не обходимо так тогда я тебя попрошу приехать а так что взад вперед ездить если есть здоровье сама смотри то помоги Сережи с Леной. 30 сентября день рождение…

(без даты)
… Письмо и посылку получили большое спасибо вам не знаю как вас отблогодорить за посылку у нас токие новости умерла тетя Нюша Максимиха мало и болела очень жал Нюра очень плакала было много на похоронах… очень устала хотелось к Сережи на новый год но не попасть дома не кому даже на один день оставить да и очень холодно но ладно когданибудь сьезжжу очень скучно как на хутори но нечего как устану так упаду как камень в воду…

(без даты)
… Мама я хожу за телятами 90 голов ходим трое сами все делаем новоз и корм роботы полно с утра до вечера. У нас новости тетка Нюша Максимиха померла немного поболела очень жаль. У Даши Саша тоже помер ездили хоронить обгорел на работе все неприятности у всех горе. Мама мне охото сьездить к Сереже но вот не знаю как сможиш ты приехоть или нет отпишите я с 25 декабря пойду в отпуск больше некого оставить охото потдохнуть уже устала посмотреть хоть как у них в новой квартире…

(без даты)
… Письмо ваше получили посылки тоже получила большое спасибо но с ответом задержалась очень перед вами извеняюсь очень некогда сейчас работы много идет отел телята очень болеют много переживания. дома все хорошо коровушка отелилась своя теперь вода под окошком на много легче с водой. Купила холодильник бирюса привезли с пестово Клочкова Ваня Беляков уставил исправный 215 руб. Поставила на кухни теперь поставят газ. Мама когда приедиш напиши…

(без даты)
… Письмо и посылку получили большое спасибо меня не забываете… дров привезли еще 15 хлыстов половин рапелили дружбой еще раз придут и распилят Юра поленницу наколол даже не удобно все ховорю хватит а оне опять привезли… Вода очень мучеит на два дома много надо мало и роздеюсь на ферму ходить далеко дорогу завивывает очень плохо ходить а надо три раза сходить но ето все ничего… как мамыно здаровье ведь годы глубокие написала маленько время уже 11 часов а в три надо вставать
(без даты)

… Посылку от вас получили большое спасибо с ответом задержалась тку половики поставила 10 стен измучилась а вчера упала расшибла каленку делаю конпрес очень переживаю чего бы не получилось с ногой потерялась на ферме вода возим на лошади от водокачки побежала лошадь с горы опрокинулись

дровни к верх копыльям и я улетела в сторону об мороженые глызки. Мама там купите семян моркови и свеклы напиши когда приедиш у Нюры женится Виктор 28 свадьба дрова распелили еще не колоные. Маинес придется отдать Нюры на свадьбу корова еще не отеливши…

(без даты)
… Посылку вашу получила большое спасибо… Скот на дворе коров от меня угнали хожу за Иркиными и етих угонят оставят телят тех доить не надо полегче. … Витя Андреев женился взял работала в столовой свадьба будет после седьмого. новостей больше нет погода холодная…
… открытку вашу получили за что большое спасибо. У нас все нормально здоровье все также работы полно очень устаю но нечего некто не поможет. Саша обещался приехать на май на машине но я написала чтоб не приезжали очень плохо ехать грязи много
прислали мне подарки кофту и платок шерстяной зеленый пишут живут хорошо Костик большой не болеит. Сережа пишут тоже пока все по-старому. Анжела пока здоровенькая пишут живут дружно послали на 8 марта сережки чулки и адиколону не забывают спасибо семена получили помидоры растут. Мама ты напиши насчет холодильника сейчас вести много грязи пусть будет посуши приедиш сама купиш какой тебе надо поедиш в Левное а там тебе выбирит Лешкаа его сын привезет на машине. Корова еще не теливши должна на днях телится жду. А с продуктам все так же как и было масло нету яиц тоже макороны есть мучное. Мама тебя очень ждем приезжай…

(без даты)
У мамы здоровье пока ничего у меня тоже ничего все с огородом мучилась погода плохая сено не как не убрать все дожди… Приезжайте мы вас ждем. …

(без даты)
… Письмо ваше получили пишу ответ живу по старому здаровье все также. Сережа я на тебя очень обидилась что ты не хорошло зделал оставил 40 рублей а я им не попользовалась я ведь тебе дала едит мама надо для ней все покупать ведь город не деревня вы уехали я ушла на ферму замкнула дом пришла с фермы пришли Дарья Макарова Русакова Шурка маму провожать я их посадила за стол было красного бутылка они посидели я и не видала что были деньги кроме их некому они увидали так не ушли люди не честные очень жаль, и Юра меня поругал. получила пенсию посылаю 40 руб. Сережа как у мамы здоровье напишите я прямо говорю етой тройки кроме вас некому некого больше не было Макарова брала говорит стопки а как услыхала про деньги замолчала про стопки ты бы положил подальше чтобы не видно было. Сережа ну ладно нечего это не горе только жаль что и вам там лишку небылобы а особенно мама там Сережа мамы не говори ато она будет растраиваться.

(без даты)
… Посылку получили большое спасибо не положили записочки как мама какое здаровье у нас все хорошо здаровье нормальное дождались тепла ато все занесло снегом негде не пролезь. В совхозе жить хорошо но очень скучно как в лесу ни души. Мама у кресницы твоей Поли приехавши тетка Лена им двум хорошо. Коровушка еще не отелилась 6 марта буду ждать. …

(без даты)
… Посылку и письмо получили большое спасибо дома пока все хорошо здоровье ничего только ухо болит плохо им слышу. Мама приехала бы домой но как тебя привезти мне не успеть корову некому подоить да и цыгани живут в Таниной избе. Мама очень жаль что тебя мучит болезнь ты замучила Сережу с Леной спасибо большое вам за маму
Картошка выросла хорошая а клюквы нонче вообще небыло ни принисла ни клюквины год нонче очень плохой У Саши Люда была в Калинине на лечение незнаю помогло ей или нет. Мама незнаю как тебя привезти хорошо бы и мне с тобой повеселей… Мама Миша Тверцов помер поехал в покров на кладбище опракинулась тилега и сразу на смерть.

(без даты)
… Письмо ваше получили, за которое большое спасибо и еще большое спасибо вы меня поздравили в мой юбилей получаю пенсии 98 руб 70 к сижу дома делаю домашние дела не надо на ферме нос морозить. доверенность получила жизнь подошла хорошая но очень скучно у болота как в темном лесу Сережа Лена вы пишите приехать зубы вставлять а дома некого оставить как нибудь постораюсь к новому году поросенка зарежу а одну корову найду человека походить. Тетки Дуни твоей сестры умер Лешка Миша ездил хоронять. …

(без даты)
… Мама деньги не посылала в маи сейчас послала

50 руб. масло получено и банки получены одна разбилась извените что долго не писала очень устаю сейчас косим болел желудок три для болела было не тряхнутцы как тяжело поделою так и заболит повлияло наверно что не зжевавши глотаеш. осенью буду вставлять зубы теперь дождусь отдыха в конце августа буду оформляться а 1 сентября школьники в школу а я на пенсию пойду. огурцы еще не снимаем посожена гряда большая в огороде все растет хорошее. Мама а камне чего же не едит на лето…

(без даты)
доехала хорошо приехала в пестово в 3 ч 40 м пришли на вогзал маленько посидели пошли на вокзал где автобусы взяла билет и долго ждала в Никольском
….почталион с ней приехала до самого дома заехали к ним пообедали и поехали в Хмелево дома все хорошо в порядке собираю вам посылки лук сложила теперь клюкву приготовим Юра заколотит и отошлет с почтальоном она отошлет очень довольные гостинцам. сегодня первизала лук. Мама пенсию получила теперь сказала главной почты будем давать расписываться как за неграмотную…

(без даты)
… Посылку от вас получила большое спасибо посылаю 45 руб получила пенсию расписываюсь как за неграмотную глав почты так велела и получаю.
Саша Кранов помер зделали операцию призновали грижу невзяли анализ крови после операции изтекал кровью врачи полностью виноваты взялибы они анализ крови опирацию ему нестали делать у него бело кровие Галя очень плачит неуспели огоривать у Лены Сашиной дочки помер мальчик был на похоронах очень хорошенький третий годик двух стороннее восполение. … Паспорт получила теперь документ на руках с 1 сентября пойду на пенсию очень устаю да и очень скучно как в лесу живу негде огонька нету жутко как пережить зиму. Рука у меня очень болела три дня как прошлый год негде места ненаходила теперь ничего полегче делала канпрес…

(без даты)
… Посылку вашу получили большое вам спасибо извените что с ответом задержалась. Юра отправился в Армию 16 мая очень скучно были приехавши Саша с Людой и Сережа на проводы и быстро уехоли осталась одна. Мама приезжай мне повеселей но попась тебе конечно тяжело … огород посадила все исправила теперь можно отдохнуть очень устала. погода стоит хорошая теплая…

(без даты)
Посылку от вас получила большое спосибо. … Я осталась одна в краю ни где огонька не видна как хутор теперь хлопочу метрики послали в Калинин в архив от туда ответят нет то придется через суд по свидетелям а надо достовать к пенсии без метриков ничего незделаешь и паспорта не дают без метриков. Сейчас взяла поросеночка пока доит корова заправлю молоком нонче небыло и плохо наш магазин подломали шефы Жабрев попил а оне окатились полностью. Купила обоев 24 кус. весной буду клеить помаленьку… мама как твое здоровье…

(без даты)
… Посылки получили большое спасибо очень хорошо что у мамы здоровье нечего летом пусть приедит в Хмелево был приехавши Саша с Катей в отпуск побыл две недельки весь огород наново зделал ато у каждого столба три столба на огород не похож. живут они еще на старом месте у них живет теща и дед умерши. Мама доверенность надо за декабрь
5 декабря недали пенсию. Сережа вы пишите сиди в кресле и смотри в окно но не дают смотреть посылают работать заменяю отпуска очень устаю но ето очень хорошо усну и не боюсь а то очень страшно как на хутори. Юра учится в Максатихи от военкомата весной в Армию. встаю в 5 часов ухожу в 7 часов прихожу в 11 ч. все надо самим зделоть и силос и новоз двоим с Нюрой 87 голов а руки очень болят ночью беспокоят…
(няня: сереженька иленушка мне что делать приежать квам или нет напишыти тока нипишыти что я написала записку)

(без даты)
… Посылку вашу получили большое спасибо но с ответом задержалась с переменой жизни живу в Никольском и Саша посоветовали все перевезла кроме мебели теперь живу на большой дороги сел и поехал. Даже не думала приехали десять человек две дочки его и сестры с нам живет его дочка работает в садики а вторая замужем человек не плохой рабочий и Саша мне написали мы не против был бы человек лишь бы не пьяница моложе меня на 4 года унего умерла жена делали опирацию и не вынесла померла. вот совет ему дали на меня и оне все приехали. Сережа у вас есть телефон Саша вам все скажит все

было при ем а в хмелево ездили за сеном заехали к Алеше оба плачут таят снег все завело и им дают квартиру в Арлове а они туда не едут а в Никольском не дают. Мама кресница твоя уехала остались в хмелеве два жителя. Его зовут Коля а дочка его Вера. Пишите ответ очень жду снетерпением…

(без даты)
Посылку вашу получили большое спасибо и разделала пополам с Нюрой. … у нас навалилось снегу много но теперь растаял скоро гряды делоть и все сожать Люда была в Чехословакии Юра пишит служба идет отлично все по командировкам ездит был на черном море теперь был в Баку две недели работает на машине вот уже и год отслужил. Коровушка еще не телилась жду должна. Мама если можно приехоть в мае пораньше то приедь буду ходить встовлять зубы некому корову загнать. Дрожжи открыла как из ружья стрелило. Мама поедишь подайте телеграмму я встречу в Никольском.
Здоровье мое все постарому бок еще побаливает повоз повозила одна двадцать телег и разбило дров еще не рубила. Корову здала взяла телочку хотела не брать но весной не пообещали все брали сейчас в покров телочку взяла а на второй день приехали корову увезли очень скучно особенно вечером ноч долгоя всего в голову вбредет но надо как то жить жаловаться некому спосибо за приглашение к вам но много работы. Надо все убирать но ладно зиму проживу а там видно будет…

(без даты)
… Очень рады что вы обещаетеся приехоть здоровье наше пока ничего только я испортила бок но теперь заживает скоро приступим картошку копать а так все справили А насчет мамы вы договаривайтеся с ней лето провели хорошо всего заготовили на зиму на доме номера нет но его тут все знают…
(От няни: сиреженька привет вам всем я не знаю я буду вам нужна или нет вы мне ответти. я очень скучаю вам наварены варенья малина смарода. малина клубника черника. я тебя попрошу оставь 5 денечкав отпускных оставить чтобы приехат я понашу клюквы и грибов как ребята и яня как здорвье лены извените ниумею писать нада помочь убрать картошку в конце синтября приеть если паедиш привези мишки ибанки ей наомен)

(без даты)
… Посылку вашу получили большое спасибо но с ответом задержались все ненаходили все время готовили лес на двор мама ничего но теперь уже годы пока говорит и забывает а скажишь то не ндравится рассердится но ладно на все уступки надо идти глубокие ей годы. Маленько кое чего поделает да на печке полежит за хлебом сходит здесь не в Хмелеве не скучно. Юра живет в Калинине работает на машине кран 27 декабря будет свадьба на ее родине за Москвой. Приезжайте на свадьбу…

(без даты)
…Посылку получили большое спасибо с мукой и маслом еще большое спасибо что вы меня поздравили юбилей отметила были свои родные посидели вечер от совхоза подарили кресла и часы заводятся на год подарки привез сам директор поздравил угостила посидел за столом… сейчас вяжим лен. Как мамы здоровье Мама померла тетя Варя в Ленинграде.

(без даты)
Письмо ваше получили переживаити о мамы а с мамой плохо дело похоронили и справку не дают на похоронную. фершел в декрете а некто не догадался надо было вызвать и теперь незнаю чего будет так переживаю ночи не сплю плачу неужели придется вырывать так не знаю куда деваться токого горя и небыло може вы чего поможите только побыстрей досв видания Сережа може ты приедишь я одна незнаю чего и дела

(без даты)
Сережа вы пишите о смерти матери письма я не получала только получила которое написано 12 октября. Сережа Лена мы все ждали что приедити но раз такое дело умерла мать очень жал хороший человек но нечего не поделаешь столько жизни дадено все там будем только не водно время. Послала вам клюковки, Саша заколотил я все собиралась некак не собралась все некогда. …

(без даты)
… Письмо ваше получили большое спасибо все пережила тяжолую жизнь думала и не переживу половин жизни отдала за маму жалко мне ее но много она от меня взяла здоровья лучше бы жила чем столько дала работы и заботы теперь все в порядке.
Сельсовет вызвал участкового позвали свидетелей подтвердили трое доспросил оформил и мы оба были у доспроса оба и деда Колю 15 января получили о смерти теперь все в порядке. Ваше письмо в

сельсовете получили. … Сережа вы обищали дрозжей если можно то пожалуста ребята послали муки а дрозжей нет.

Няня и Люба

– А как дали землю народу – так все по кустам и попрятались. Думали, шшас им комунизьма! А ее, комунизьму, ковать надо! Нас у отца с матерью было одиннадцать душ. Помешшик выделит полоску на краю, отец запряжет, и все так и покатим на работы. А как стала вся земля наша – все по кустам. Голод сделался. Куды девацсы? Оставила детей на свекру – и с Дуней в Ленинград. Хорошо, Дуня в работницы была взятá по переписке, она меня и свела к Инге Палне и Петру Сергеичу. Пришла к ним, они спрашивают – готовить умеешь? А я одне шшы могла. Наварила, пондравилось. Петр Сергеич летчиком был, дак с летчицка пайка сам в деревню и отправлял. А дочь Нюры говорит теперь: мы у тебя по голяшкам протекли, мамы-то и не видали. По голяшкам протекли… Не пайки бы летчицки, с голоду б сдохли!

– Ой, не говори, не говори, нянюшка! Я всю жизнь при Симе и Геньке. И все бегом, все бегом, дома все надо, купить, приготовить, и в парикмахерской подметать, сколько волос перемела, нянюшка, ой, сколько волос… Придешь, на стул не сядешь, туда беги, сюда беги. А как Сима померла, я стала плохая. Плохая стала им Люба, пенсия сорок рублей, лишний рот, лишняя обуза.

– Меня Петр Сергеич оформили. Паспорт завели. Прошлый год пятерку прибавили к сорока. Дак почтальон у нас в Никольском требует – чтоб каждый месяц я за пенсию расписалась. Иначе нельзя. Дак куды мне ездить! Канитель.

– Хорошие люди тебя взяли, чужие лучше своих. Вовик тебе как сын, ты ему дороже матери.

– Ить он меня прошлый раз на вертолеты взял. Приехал в Хмелево, а я померши лежу. Дал мне лимону и чай, и на вертолеты. Привез и врачей-то всех на ноги поднял.

– Ой, няня, няня, няня, надо идти, за свеклой.

– Не ломотись, Любушка. Ить годы наши глыбокие, сапогам-то сколько в день истопчешь!

– Кто за меня будет, кто?

Няня и Люба померли друг за дружкой. Няня зимой, Люба – весной.

Няня уехала в деревню к дочери.

– Человеку, Любушка, надо на место. Ить я уже в землю расту, гроб по спине стучит. В апреле восемьдесят пять стукнет.

– Ой, няня, няня, место человеку – вся земля. Где закопают, там закопают. Не увидишь – не посмотришь.

Няня не послушалась Любу. Уехала к Нюре. А та вышла замуж в Никольское. Оставила в Хмелеве избу и ушла.

– И как вы с ей жили? Намаесся! Уж ноги не носят, а все норовит в лес, да на болоты. О вас только и печеццы: то Сережньки малины надо, то детям – клюквы, то Лены – грыбы. Чудит – не знаешь чо и ждать. Как-то хватились – нет нигде. До ночи искали. Кабы, думаем, не медведь ее на малины задрал! Пошли с Николаем Ивановичем на Хмелево. Входим в избы – дак она там и есь. Шесть километров одна ногам своим прошла. Мамы, говорю, да рази можно так! На тракторы свезли ее обратно в Никольское. Лежи, мамы, на печке, все-то хотела полежать на печке, дак и лежи, на всем готовом. Сделала ей поручь такую, чтоб слазать. А народ говорит, сними ты эту поручь, мало ли что старой ударит. Недавно парень шурихин удавился на такой штуке. Я и сняла. А мамы стала слезать, дак и повалилася с выши. Косточки у ней как спички, уж и поболела тяжело, винно и так старось, да ешшо этот удар случывшы…

Няня умерла, упав с печки.

Люба свалилась с подоконника – вешала шторы – разбилась сильно. Месяц отлежала в больнице – и конец.

Обе были – кожа да кости. Вся жизнь – на бегу. Столкнутся во дворе нос к носу, носы у обеих – вострые – и опять бежать.

– Молока все нет. Не везут и не везут!

– Ить весна. Коровам на телят не хватает. Вам в городе вынь да положь, а животины-то не заводные – молоко давать.

– Свеклы тоже нигде нет, нигде, и в Ленинградском была, и на станции – нигде нет.

– А ты поработай-ка на земле, Любушка, вот этим рукам, сгогонишь таку страну кормить. Комунизьму-то все хотят. А как объявят ее, так наутро всю на ногтях разнесут. Земля рук требует, а у них ешшо магазин не открыт, а они уже тут как тут, соскопляются. Хлеба скоро не станет, не то, что свеклы.

– Не говори, няня, не говори, просила: Генька, съезди на Речной за картошкой…

Няню схоронили в Никольском. Нюра прислала письмо: бригадир сказал – выкопаю твою старуху, коли не дашь справки. А где эту справку брать?

Любу сожгли. Урна с прахом стоит в квартире. Куда ее? Генькин отец не велит рядом с матерью

закапывать. Его место. И на урну – не потеснится.
Няня смотрит в окно:
– Люба опять ушоццы, за свеклой. Несклепистая наша жись. Был бы человек надувной: встал, надулся, пошел на работу. Вечером раздулся и лег спать. Ни грязи от него, ни вони. Чистота. А то одне отбросы от человека, что от картошки чишшеной.
Люба смотрит в окно:
– Ой, няня, няня, семерых вынянчила, опять в няньках. Кругом-бегом. И все надо быстро.
Няня выходит во двор.
Люба выходит во двор. Сбегаются посередине.
– В Ленинградский еду, тебе надо? Есть морковка, салат, редиска, все есть.
– Не нады. Вовик сумкам возит.
– Я говорю Геньке: – Сынок, съезди за картошкой, съезди, пока есть…
И разошлись.
– Кто она им, Люба? – спрашивает няня у Вовика.
– Чужая. Немцы в войну всю ее семью расстреляли. На Любу патрона не хватило. Ночью выкарабкалась из-под трупов, приползла к соседям-белорусам, те спрятали ее в подполе. И год там держали.
– Госпы, вот ужась дак ужась! Что люди над людями творят. Я и гляжу – она в уме повредивши. Из магазина идет, а сумка пустая. Сколько за день-то на дорогу изведет, – пустая возвращаецы. Уж так ее и жалко. Какой из нее помощник? Няня языком поддевает верхнюю челюсть, отправляет зубы на место. Нижних нет – "ить всю десну объело, на таку тонщину кто зубы приладит?"
Любе и морковку купить не на что.
Дашь трешку – не возьмет, на рубль уговорить можно.
– Ой, спасибо тебе, спасибо. Генька отдаст, Генька вернет, я ему скажу-скажу… – Булавкой пристегивает рублевую купюру к подолу старенького серого пальто. На ногах стоптанные ботинки, огромные, генькины, седые волосы убраны под гребенку, в глубоких глазницах – по льдинке. Взгляд пустой.
– Плохие ей хозявы достались, – вздыхает няня, не отрывая лица от окна. Смотрит вслед Любе. – Мне дак повезло. Петр Сергеич, царство небесное, подарил носовой платок. Вот умру я, Иринья, будешь плакать и слезы моим платком утирать.
От Любы ничего не осталось. Кроме урны с прахом.
– Сима была святая. – Няня с Любой – у помойки. Поставили ведра. Разговаривают. – Бухгалтером работала в парикмахерской. Цветущая. За полгода сгорела. Ой, няня, милая няня, э т о т еще при Симе завел. Она умирает, не ест, не пьет, Генка плачет, я плачу, а он утром – на физкультуру, вечером – на физкультуру. Не успели похоронить – женился. У нас так не положено, сразу жениться. Через два года у той – рак. Он и явился домой. Чтоб не ухаживать. Теперь меня гонит. Геньку гонит, меня гонит…
– А мне у Ингы Палны с Петром Сергеичем комнатку дали. Девичью. Я там на перины спала. Утром ребяты так и набегут – греццы подле няни. Хозяйка моя уж така была работящща! Всю ночь на машинке стрекочет, а утром – в редакцию. Вернеццы, на кровать в одежы плюхнеццы: "Няня, через полчаса разбуди". Заснет, что убитая. А я тихоонечко с нее туфли сниму, накрою одеялом… Василий, мой сын, в войну в госпитале помер. Дак оне и похоронку скрыли. Чтоб не отъезжала хоронить. В войну-то работы много, детей не кинешь. Потом показали, дак я и уревелася, перины слезам промокли.
– Ой, няня, няня, милая, и не говори про э т о!
Обе вываливают мусор в баки. Разбегаются.
Последний нянин день рождения, 13-го апреля. Люба принесла в подарок передник. Единственный подарок, который Люба сделала в своей жизни. Так она сказала, с гордостью.
– Хорошо у вас, хорошо, – приговаривала Люба, запивая котлету компотом.
Няня, выпив, прослезилась: "Уж как я тебя люблю, Любушка, как люблю. Поедем в деревню, заляжем на печке, да и помрем в одночасье. Красота будет, Любушка!" – И все кивала на Любину тарелку, мол, угостите еще, сама не смела – не ее это, х о з я й с к о е.
Но Любе и того, что в тарелке лежало, не съесть. Прикрывала тарелку скрюченными руками, мотала головой.
– Душа-мера, – соглашалась няня с Любой. – На все мера положена. А то выйдут-то из лавки, языками бьют, а сами что мешки гружены. Толшшина – это болесь.
Ни у Любы, ни у няни той болезни не было. Сухие, большерукие, выцветшие. Как остовы прошлогодних листьев.
– Зато мы и ходкие, – говорит няня, – пудам не обвешаны.
Ходкие отходили, угомонились по чужим местам.
– Ой, няня, няня, няня!
– Кушай, кушай, Любушка!

Игорь Евелев

ПЕРЕВОДЫ

МЫ ОЧЕНЬ УСТАЛИ
Edna St.Vincent Millay

Мы очень устали, мы веселы были,
туда и обратно на лодке мы плыли,
и с борта той лодки, вонявшей конюшней,
мы видели город, приклееный к суше.
Луна облака одевала как фраки,
свистки раздавались в густом полумраке...

Мы очень устали, мы веселы были,
туда и обратно на лодке мы плыли,
ты яблоко ела, я – грушу, мы вместе
купили корзину, но где – неизвестно.
А небо бледнело, был ветер холодным,
и солнце текло в золочёные вёдра...

Мы очень устали, мы веселы были,
туда и обратно на лодке мы плыли,
мы «здравствуй!» какой-то старушке кричали,
купили газеты, но их не читали,
старушка крестила нас, вспомнив добро,
мы дали ей денег, и сели в метро...

ПОСЛЕДНИЙ ВОЛК
Mary Tallmountain

последний волк последний на земле
бежал по улицам столиц спешил ко мне
вдоль небоскрёбов Он спешил с толпой
мне слышался Его протяжный вой
Он уходил кругами на восток
страшась и светофоров и дорог
вдали от города лежала ночь мертва
в глазницах серых стен росла трава
мне ж слышались то голос за холмом
то стон когда вошёл Он в тёмный дом
Он с этажа взбирался на этаж
Он чуял запахи иных волчиц-пропаж
я ж знала точно в доме бродит зверь
и зверь слегка мою обнюхал дверь
вошёл без звука и дрожа всем телом
Он растянулся на моей постели
Он стал седым он приоткрыл глаза
в которых догорала желтизна
а я смотрела с горечью слепой
я знала всё что сделали с тобой...

ПОЭТ
Tom Wayman

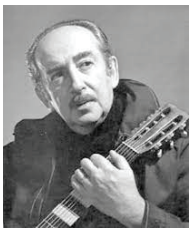
Теряет записи и в книгах меж страниц
оставит бисер строчки рукописной,
и может долго страстно говорить
о том, что вовсе не имеет смысла.
И нехотя беседует с Всевышним.
Не принимает боль ушедших лет,
не принимает фраз и вас не слышит,
не в силах выбрать между «да» и «нет».
И в заблуждении от древних притчей,
названий улиц, ресторанных блюд,
Он путаетПикассо и Да Винчи,
абстракцию, кубизм и абсурд.
Он любит вещи разбросать по полкам,
чтоб складывать стихи и вычитать,
Он словом дорожит и плачет долго,
чтоб сочинить и позабыть опять...

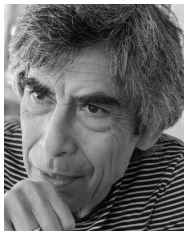
ГИМН ЛЮБВИ
Эдит Пиаф

Пусть небо голубое упадёт на Землю,
И пусть на камешки расколется Земля...
Мне всё равно. Я только чувству внемлю.
Мне безразлично, любишь ли меня.
И пусть любовь твоя вернётся утром,
Я вся дрожу от ласк знакомых рук,
Мне не нужны парады и салюты,
Моя любовь. Мой самый нежный друг.

Я за тобой пошла бы на край света,
В блондинку перекрашусь, утону
Лишь только намекни, и я в ответ
Взлечу как птица и сниму Луну.
Ради тебя вослед иным намекам
Сегодня, позже на исходе дня
Я стану и гадалкой и воровкой,
Ты только тихо попроси меня.

Я откажусь от родины жестокой,
И от друзей моих, и от подруг,
Лишь попроси меня. Одним намёком.
И я покину навсегда привычный круг.
Ты даже можешь надо мною посмеяться
Я сделаюсь послушной, как щенок
Ты попроси меня. И я от счастья
Приму, как миг удачи, твой намёк.
И если вдруг однажды ты, до срока,
Меня оставишь, я, узнав беду,
Не выдержу удар судьбы жестокой...
И в это же мгновение уйду.

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ В ПЕРЕВОДАХ ДМИТРИЯ МАНИНА

Alexander Galich (1918–1977) was one of the three original "bards" (along with Bulat Okudzhava and Vladimir Vysotsky), semi-underground singer-songwriters in the post-WWII USSR. Unbeholden to the official Soviet culture and ideological pressures, they were immensely popular, and their songs reached huge audiences via tape recordings. Of the three, Galich was the most overt dissident. His fearless, incisive and often hilarious satire was biting enough that in the early '70s he, a successful playwright, was expelled from the Writers' and Cinematographers' Unions, and in 1974 forced into emigration by the Soviet authorities.

I present here two ballads from a larger cycle Galich called "Poem about Stalin". The first one, "An Evening Conversation in the Dining Car" is a monologue of a former Gulag inmate telling a dining car waiter about the fateful day in 1956 when Khruschev denounced Stalin at the XX Congress of the CPSU. The second ballad probably doesn't need any explanations, as a passionate call against the siren song of populist authoritarianism.

The language of Galich's ballads is conversational, with many colorful colloquialisms and quotable lines. A master of form, Galich cemented his lines with rhymes that are often inexact, but rich, sonorous and unexpected. I tried to give the Anglophone reader a taste of this with rhymes like "bonkers/ Congress" and "opium/utopian". Needless to say, I wanted my translations to be as singable as the originals. One note on the first ballad is due here. It is sung to the traditional tune of Romani origin called "Tsyganochka". There are many versions of the song's lyrics, and the refrain "bassan, bassan, bassan-oh" occurs in some of them.

Глава 4
Ночной разговор в вагоне - ресторане

Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога…
Дай-ка, братец, мне трески
И водочки немного.

Бассан-бассан-бассана,
Бассаната-бассаната...
Что с вином, что без вина -
Мне на сердце косовато.

Я седой не по годам,
И с ногою высохшей.
Ты слыхал про Магадан?
Не слыхал?! Так выслушай.

А случилось дело так:
Как-то ночью странною

Poem about Stalin, Chapter 4
An Evening Conversation in the Dining Car

Twilight, railway, distant lights
Flickering through the treetops…
Get me, pal, some herring bites
And a vodka straight up.

Bassan, bassan, bassan-oh,
Bassan-atta, bassan-atta,
Look at me: I'm blue and low,
Wine or no wine, doesn't matter.

I'm not old, but I'm undone,
My hair is gray, teeth missing.
Have you heard of Magadan?
You have not? Then listen.

On the night we got the news
Everything went off the tracks,

Заявился к нам в барак
"Кум" со всей охраною.

Я подумал, что конец,
Распрощался матерно...
Малосольный огурец
Кум жевал внимательно.

Скажет слово и поест,
Морда вся в апатии,
"Был, – сказал он, – говны, съезд
Славной нашей партии.

Про Китай и про Лаос
Говорились прения,
Но особо встал вопрос
Про Отца и Гения".

Кум докушал огурец
И закончил с мукою :
"Оказался наш Отец
Не отцом, а сукою..."

Полный, братцы, ататуй!
Панихида с танцами!
И приказано статуй
За ночь снять на станции.

...Ты представь – метет метель,
Темень, стужа адская,
А на нем одна шинель
Грубая, солдатская,

И стоит он напролом,
И летит, как конница,
Я сапог его кайлом,
А сапог не колется.

Огляделся я вокруг –
Дай-ка, мол, помешкаю!
У статуя губы вдруг
Тронулись усмешкою...

Помню, глуп я был и мал,
Слышал от родителя,
Как родитель мой ломал
Храм Христа Спасителя.

Бассан-бассан-бассана,
Черт гуляет с опером.

When the Boss with all his screws
Popped into the barracks.

I cursed, I knew we'd all be shot,
Farewell, hammer-n-sickle…
But he just stood there, lost in thought,
Munching on a pickle.

He'd bite a chunk and nod his head,
Like he was going bonkers,
"Our Party, shitheads, held," he said,
"An historic Congress.

Over China and Vietnam
They exchanged opinions,
But the issue was with… uhm…
Our Father and our Genius."

He stuffed the pickle in his mouth
And finished, pained and flustered,
"Our dear Father, it turns out,
Was a bloody bastard…"

Total bedlam and meltdown!
Graveyard jubilation!
And we're ordered to take down
His statue at the station.

…Picture this: it's hours till dawn,
Blizzard, freezing cold,
He's out with just his trenchcoat on,
A soldier's simple coat,

And he stands there like a crag,
Flies like a horse unharnessed…
I swung my pickaxe at his leg,
And it bounced back harmless.

I looked around if I could shirk,
And right up there, I bet you,
There was this uncanny smirk
Cracking on the statue…

In my silly childhood days
Dad told me of his labors
On the crew assigned to raze
The Church of Christ the Savior.

Bassan, bassan, bassan-oh,
The devil goes utopian.

Храм – и мне бы – ни хрена,
Опиум, как опиум,

А это ж Гений всех времен,
Лучший друг навеки!
Все стоим ревмя ревем,
И вохровцы, и зэки.

Я кайлом по сапогу
Бью, как неприкаянный,
И внезапно сквозь пургу
Слышу голос каменный:

"Был я Вождь вам и Отец,
Сколько мук намелено!
Что ж ты делаешь, подлец?!
Брось кайло немедленно!"

Но тут шарахнули запал,
Применили санкции,–
Я упал, и он упал,
Завалил полстанции...

Ну, скостили нам срока,
Приписали в органы,
Я живой еще пока,
Но, как видишь, дерганый...

Бассан-бассан-бассана,
Бассаната-бассаната!
Лезут в поезд из окна
Бесенята, бесенята...

Отвяжитесь, мертвяки!
К черту, ради Бога...
Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога...

A church is just a church, you know,
Just the people’s opium,

But he’s the Greatest Man on earth,
Everybody's truest friend!
We cried for all we were damn worth,
Guards and inmates hand in hand.

So I was hitting at his boot,
My mind a roiling maelstrom,
Suddenly a stone voice boomed
Through the raging snowstorm:

“I loved you and I led you, son,
Through trouble, toil and revel!
What the hell have you just done?!
Drop the ax, you devil!”

But then they brought some TNT,
And blew up the foundation,
I fell down, and so did he,
Burying half the station…

That was it, they set us free
On a special package,
I’m still kicking, though, you see,
My nerves are total wreckage…

Bassan, bassan, bassan-oh,
Bassan-atta, bassan-atta!
Demons swarm out in the snow,
Rattle the windows, chatter, clatter…

Leave me, leave me, wicked ghouls!
Go to hell, for God's sake…
Railway, lights, electric poles,
A lonely journey’s heartache…

Поэма о Сталине. Глава 5, написанная в сильном подпитии и являющаяся авторским отступлением.

То-то радости пустомелям!
Темноты своей не стыжусь!
Не могу я быть птолемеем!
Даже в энгельсы не гожусь!

Но от вечного бегства в мыле,
Неустройством земным томим,
Вижу: что-то неладно в мире,
Хорошо-бы заняться им.

Только век меня держит цепко:
С ходу гасит любой порыв.
И от горести нет рецепта:
Все, что были, сданы в архив...

И все-таки я, рискуя прослыть
Шутом, дураком, паяцем,
И ночью и днем твержу об одном:
Не надо, люди, бояться!

Не бойтесь хвалы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: "Я знаю, КАК НАДО!"
Кто скажет: "Идите, люди за мной!
Я вас научу, КАК НАДО!"

И рассыпавшись мелким бесом,
И поклявшись вам всем в любви,
Он пройдет по стране железом,
И потопит ее в крови.

И наврет он такие враки,
И такой сочинит рассказ,
Что не раз тот рассказ в бараке
Вы помянете в горький час!

Слезы крови не солонее:
Даровой товар! Даровой!
Прет История-Саломея
С Иоанновой Головой...

Poem about Stalin. Chapter 5, written while seriously buzzed, as a literary digression.

Let the windbags get up and roll on me,
I'm nescient and unashamed!
I’m not any kind of Ptolemy,
Even Marx is above my grade!

But between a rat race and a squabble,
When my head is about to split,
I still see that the world's in trouble,
Someone's got to take care of it.

Yet, our time is a cruel jailer:
Move a finger, and you are bust.
And there is no pill for failure,
Old prescriptions are gathering dust…

And though I know I'll look like a fool,
I know they’ll taunt me and jeer,
All the same, I will say this all day, every day:
People, have no fear!

Don’t fear shame, don’t fear fame,
Don’t fear famine and plague,
There’s only one thing to fear in the world:
He who says, “I know THE WAY!”
Who says, “Listen, people, follow me!
And I will show you THE WAY!”

He’ll sing to you like a siren,
He’ll swear you're valued and loved,
Then he’ll burn your country with iron,
And fill your rivers with blood.

He'll tell outlandish stories,
He'll weave bald-faced lies and tall tales,
You'll remember his stories always
On the bunk beds in camps and jails.

Tears are salty, but blood’s the saltiest;
Cheap commodity, blood is free.
Salome with the head of the Baptist,
At full speed, there comes History…

Земля – зола, и вода – смола,
И некуда, вроде, податься.
Неисповедимы дороги зла,
Но не надо, люди, бояться!

Не бойтесь сумы, не бойтесь тюрьмы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: "Я знаю, КАК НАДО!"
Кто скажет: "Тем, кто пойдет за Мной,
Рай на земле награда!"

Потолкавшись в отделе винном,
Подойду к друзьям-алкашам.
При участии половинном
Побеседую по душам.

Алкаши наблюдают строго,
Чтоб ни капли не пролилось.
"Не встречали, – смеются, – бога?"
Ей же богу, не привелось!

Пусть пивнуха – не лучший случай
Рассуждать о добре и зле,
Но видали мы этот лучший
В белых тапочках на столе!

Кому – сучок, а кому – коньячок!
К начальству на кой паяться?..
А я все твержу им, как дурачок:
"Не надо, люди, боться!"

Ведь это ж бред, что проезда нет,
И нельзя входить без доклада!
А бояться-то нужно только того,
Кто скажет: "Я знаю, КАК НАДО!"
Не верьте ему! Гоните его!
Он врет! Он не знает, КАК НАДО!

The earth's burnt away, water's turned into clay,
And the rescue is nowhere near,
And evil moves in mysterious ways,
But people, have no fear!

Don't fear God's ire, nor brimstone and fire,
Don't fear disaster and jail,
There’s only one thing to fear in the world:
He who says, “I know THE WAY!”
Who says, “People, those who follow me
Are blessed for the rest of their days!”

I’ll go find my pisshead buddies
In the crowded liquor store.
We'll chip in for a bottle of ruddy
And we'll talk and then talk some more.

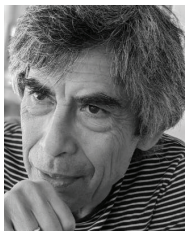
Drunkards pour with care: no trickle,
No drop can go down the drain.
“So have you met God?” they cackle,
“God forbid," I reply, "I ain’t.”

A pub isn’t the very best setting
For debates on evil and good,
But to hell with it, I’m not getting
That best setting until I’m screwed!

Some have good wine, and some have moonshine!
Don't suck up to the bosses, steer clear.
I'll keep on with this foolish mantra of mine:
"People, have no fear!"

Because it's nonsense that there’s no entrance,
It's wrong that we have no say,
Because there's only one thing to fear:
He who says, “I know THE WAY!”
Never believe him! Throw him out!
He lies! He does not know THE WAY!

БОРИС ВИАН В ПЕРЕВОДАХ ДМИТРИЯ МАНИНА

Quand j'aurai du vent dans mon crâne
Quand j'aurai du vert sur mes osses
P'tet qu'on croira que je ricane
Mais ça sera une impression fosse
Car il me manquera
Mon élément plastique
Plastique tique tique
Qu'auront bouffé les rats
Ma paire de bidules
Mes mollets mes rotules
Mes cuisses et mon cule
Sur quoi je m'asseyois
Mes cheveux mes fistules
Mes jolis yeux cérules
Mes couvre-mandibules
Dont je vous pourléchois
Mon nez considérable
Mon coeur mon foie mon râble
Tous ces riens admirables
Qui m'ont fait apprécier
Des ducs et des duchesses
Des papes des papesses
Des abbés des ânesses
Et des gens du métier
Et puis je n'aurai plus
Ce phosphore un peu mou
Cerveau qui me servit
A me prévoir sans vie
Les osses tout verts, le crâne venteux
Ah comme j'ai mal de devenir vieux.

Когда сквозняк в башке завьется
Когда червяк вползет в глазницы
Вы скажете мол он смеется
Но вам придется ошибиться
Ведь он протух прокис
Мой аппарат опорный
Опорный мой упорный
И в корм пошли для крыс
Суставы и оттяжки
Две голени две ляжки
И мягкие кругляшки
Теперь не сесть ни в жисть
Кудрей моих барашки
Очей моих фисташки
И челюсти и сяжки
Чтоб вас лизать и грызть
Мой нос изящно-тонкий
Печенки селезенки
Все эти шестеренки
Что для любви нужны
К баронам баронессам
И папам и папессам
Болтушкам и балбесам
Всем гражданам страны
И мягкий точно воск
Уже не сможет мозг
Мне показать меня
Без жизни без огня
И червь в костях и череп с ветерком
Как больно становиться стариком.

Elle serait là, si lourde
Avec son ventre de fer
Et ses volants de laiton
Ses tubes d'eau et de fièvre
Elle courrait sur ses rails
Comme la mort à la guerre
Comme l'ombre dans les yeux
Il y a tant de travail

Вот он стал бы здесь, тяжелый
Весь с железным животом
В блеске венчиков латунных
Трубок с жаром и водою
Мчась по рельсам громово
Будто гибель в гущу боя
Будто в очи смертный мрак
Было вложено в него

Tant et tant de coups de lime
Tant de peine et de douleurs

Tant de colère et d'ardeur
Et il y a tant d'années
Tant de visions entassées
De volonté ramassée
De blessures et d'orgueils
Métal arraché au sol
Martyrisé par la flamme
Plié, tourmenté, crevé
Tordu en forme de rêve
Il y a la sueur des âges
Enfermée dans cette cage
Dix et cent mille ans d'attente
Et de gaucherie vaincue
S'il restait
Un oiseau
Et une locomotive
Et moi seul dans le désert
Avec l'oiseau et le chose
Et si l'on disait choisis
Que ferais-je, que ferais-je
Il aurait un bec menu
Comme il sied aux conirostres
Deux boutons brillants aux yeux
Un petit ventre dodu
Je le tiendrais dans ma main
Et son coeur battrait si vite...
Tout autour, la fin du monde
En deux cent douze épisodes
Il aurait des plumes grises
Un peu de rouille au bréchet
Et ses fines pattes séches
Aiguilles gainées de peau
Allons, que garderez vous
Car il faut que tout périsse
Mais pour vos loyaux services
On vous laisse conserver
Un unique échantillon
Comotive ou zoizillon
Tout reprendre à son début
Tous ces lourds secrets perdus
Toute science abattue
Si je laisse la machine
Mais ses plumes sont si fines

Столько рвения и тщанья
Столько горестей и бед

Столько злости и побед
Многолетнее копленье
Дерзких взлетов вдохновенья
Воль стальных переплетенье
И амбиций и обид
Был металл из недр отрыт
Печью огненною пытан
Рван клещами, млатом бит
В форму мысли круто выгнут
В нем копившийся веками
Пот блестит меж рычагами
Десять тысяч лет терпенья
С косорукостью борьба
Если б птицу
И меня
И локомотив поставив
В одиночестве в пустыне
Между ними приказали
Выбрать это или то
Что же делать, что же делать
Мягкое брюшко у ней
Клиновидная головка
С аккуратным острием
Зерна огненных очей
Я б держал ее в руке
У нее бы сердце билось
Посреди скончанья мира
В двести тридцать восемь серий
Вся была бы нежно-серой
С рыжиною на груди
И ее сухие лапки
Спицы в кожаном чехле
Ну давай, кого берешь
Ибо все погибнет разом
Но тебе дано указом
За заслуги уберечь
Единичный образец
Комотивло иль лептец
Значит сгинут все навеки
Тайны веские науки
Механические штуки
Если будет он потерян
Но у ней так тонки перья

Et son coeur battrait si vite
Que je garderais l'oiseau.

Si les poètes étaient moins bêtes
Et s'ils étaient moins paresseux
Ils rendraient tout le monde heureux
Pour pouvoir s'occuper en paix
De leurs souffrances littéraires

Ils construiraient des maisons jaunes
Avec des grands jardins devant
Et des arbres pleins de zoizeaux
De mirliflûtes et de lizeaux
Des mésongres et des feuvertes
Des plumuches, des picassiettes
Et des petits corbeaux tout rouges
Qui diraient la bonne aventure
Il y aurait de grands jets d'eau
Avec des lumières dedans
Il y aurait deux cents poissons
Depuis le croûsque au ramusson
De la libelle au pépamule
De l'orphie au rara curule
Et de l'avoile au canisson
Il y aurait de l'air tout neuf
Parfumé de l'odeur des feuilles
On mangerait quand on voudrait
Et l'on travaillerait sans hâte
A construire des escaliers
De formes encor jamais vues
Avec des bois veinés de mauve
Lisses comme elle sous les doigts

Mais les poètes sont très bêtes
Ils écrivent pour commencer
Au lieu de s'mettre à travailler
Et ça leur donne des remords
Qu'ils conservent jusqu'à la mort
Ravis d'avoir tellement souffert
On leur donne des grands discours
Et on les oublie en un jour
Mais s'ils étaient moins paresseux
On ne les oublierait qu'en deux.

Так сердечко в ней стучится
Все же птицу предпочту.

Будь рифмоплет не идиот
Не будь лентяй любой поэт
Могли бы осчастливить свет
Когда б для творческих мучений
Взыскуя тихий уголок

Они обзавелись домами
Где позади обширный сад
И полные деревья птиц
Осоловьев и свищериц
И распугаев и горюшек
И свистулей и завирушек
И алых крошечных звездянок
Предсказывающих судьбу
Где бил бы в небеса фонтан
С мильоном лампочек внутри
И рыбой всяческих сортов
От ругачей до лживотов
От летунцов до мелких клеек
От веселёдок до желеек
И от бельдюг до трескотов
Там был бы воздух чист и свеж
Весь напоен уханьем листьев
Они бы ели в час любой
Трудясь без суеты и спешки
Над совершенствованьем форм
Невиданных доселе лестниц
Из дерева в лиловых жилках
На ощупь гладких как она

Но рифмоплеты – идиоты
Они спешат писать слова
Не поработавши сперва
И оттого они потом
До смерти мучатся стыдом
Страданьем их потрясены
Поют хвалы им славословы
И через день забыть готовы
А вот когда б не эта лень
Запомнили б ещё на день

L'évadé

Il a dévalé la colline
Ses pieds faisaient rouler des pierres
Là-haut, entre les quatre murs
La sirène chantait sans joie

Il respirait l'odeur des arbres
De tout son corps comme une forge
La lumière l'accompagnait
Et lui faisait danser son ombre

Pourvu qu'ils me laissent le temps
Il sautait à travers les herbes

Il a cueilli deux feuilles jaunes
Gorgées de sève et de soleil

Les canons d'acier bleu crachaient
De courtes flammes de feu sec
Pourvu qu'ils me laissent le temps
Il est arrivé près de l'eau

Il y a plongé son visage
Il riait de joie, il a bu
Pourvu qu'ils me laissent le temps
Il s'est relevé pour sauter

Pourvu qu'ils me laissent le temps
Une abeille de cuivre chaud
L'a foudroyé sur l'autre rive
Le sang et l'eau se sont mêlés

Il avait eu le temps de voir
Le temps de boire à ce ruisseau
Le temps de porter à sa bouche
Deux feuilles gorgées de soleil

Le temps de rire aux assassins
Le temps d'atteindre l'autre rive
Le temps de courir vers la femme

Il avait eu le temps de vivre.

Беглец

Он ссыпался по склону вниз
Катились камни из-под ног
А сверху за глухой стеной
Невесело сирена пела

Он запах впитывал лесной
Всем телом жарким словно печь
И свет сопутствовал ему
А рядом тень его плясала

Когда б мне только дали время
Он пробежал вприпрыжку луг

Он два листочка подобрал
Налитых соками и солнцем

А вороненые стволы
Коротким кашляли огнем
Когда б мне только дали время
Он встал на берегу ручья

Он в воду окунул лицо
Он засмеялся, он попил
Когда б мне только дали время
Он выпрямился чтобы прыгнуть

Когда б мне только дали время
Пчела из раскаленной меди
На том настигла берегу
Перемешались кровь с водою

Хватило времени глядеть
Хватило пить из ручейка
Хватило поднести к губам
Два листика налитых солнцем

И натянуть убийцам нос
И на берег другой ступить
Хватило к женщине рвануться

Хватило времени для жизни.

Михаил Голубовский

АНАГРАММЫ В ИСКУССТВЕ И НАУКЕ. НАБОКОВ, ГАЛИЛЕЙ И КЕПЛЕР

Одна из глав книги Кеплера «Гармония мира», вышедшей в 1619 г., посвящена теории музыки; в ней утверждается, что расположение планет гармонирует с интервалами звукоряда в пределах одной октавы — «музыка сфер». Как если бы некая невидимая струна простиралась от Солнца до каждой планеты. Эту красивую идею до сих пор нельзя считать ни опровергнутой, ни доказанной.

I
Набоков и анаграммы

Пожалуй, никто из современных писателей не вводил в свое творчество игру словами с таким разнообразием, изяществом и лукавством, как Владимир Набоков. Он любил играть плотью слова:

«Я не мешаю словам играть. Я даю им порезвиться. Некоторые из моих персонажей любят взять с поличным какое-нибудь выражение, ведь каламбур определяется как пара слов, застигнутые врасплох. Перестановка слогов зачаровывает и воодушевляет моих героев больше, чем меня самого».

Сколь язвительно звучит в «Даре» брошенное вскользь замечание, что Чернышевский постоянно писал о космическом и умозрительном, но при этом выпадала одна буква, то есть получалось нечто комическое и уморительное. Современный пример
удивительной ироничной метаморфозы: пропуск буквы «к» в пушкинском образе «*шести (к)рылый серафим*» (писатель В.Попов).

Набоков в «Даре» передает момент поиска ускользающей рифмы и невольного рождения анаграммы:

«Благодарю тебя Россия за чистый и… второе прилагательное я не успел разглядеть при вспышке, а жаль… Счастливый? Бессонный? Крылатый? За чистый и крылатый дар. Икры. Латы. Откуда этот римлянин?»

Призрак римлянина воскурился у главного героя романа поэта Годунова-Чердынцева из свободного звукового бормотания — слияния/разложения
«и крылатый» на «икры илаты» и мгновенного рождения новой ассоциации.

Поиск и истолкование анаграмм писателя — особая ветвь набоковедения [1]. Автобиографический роман «Другие берега» имеет английское название «Conclusive evidence». «Оно нравилось мне, — писал Набоков, — из-за двух смежных «V» — моего и моей жены Веры, но никто этого не заметил». В дополнение к смежным «V» Набокова, видимо, привлек и палиндромный блесток «ive-evi».

Название романа «Дар» не случайно. Оно перекликается со стихом Федора Годунова-Чердынцева к утраченной родине: «Благодарю тебя, отчизна, за злую даль благодарю» и за творческий дар — «мое ль безумие бормочет, твоя ли музыка растет» [2].

Недаром и Пушкин сознательно использовал анаграмму-перевертыш «нег-ген» в названии «Евгений Онегин». Имя героя вовсе не случайно: «Я думал уж о форме плана / И как героя назову …» — глава LX.

Роман «Ада» весь пронизан анаграммами, словесными розыгрышами и мистификациями сразу на трех языках, «словесным цирком», по выражению самого автора — verbal circus, poodles doodles, figly-migli (фигли-мигли). В одной из начальных глав со вкусом рассказано об игре «Флавита» — анаграмма слова алфавит, она же игра скрэббл («рытье» в словах). Создателя игры скрэббл Набоков называет гением («invented by

some genius»), но не указывает его имени.

Стоит его здесь назвать. Им был ровесник Набокова американский архитектор Альфред Блатт (1900-1993). Идея игры, поначалу названной «Лексикон», возникла у него еще в 30-е годы, в период Большой депрессии, когда у людей поневоле оставалось много времени для досуга. Блатту удалось соединить повсеместную страсть к решению кроссвордов и игре в слова со свободой их самостоятельного подбора и возникающими по ходу анаграммами, с азартом и количественной оценкой успеха. На «раскрутку» игры на американском рынке досуга ушло лет 20. Зато теперь, судя по Интернету, проводится даже первенство мира
по скрэббл. Русский вариант игры известен под именем эрудит.

По прихоти Набокова, 12-летняя нимфетка Ада, завороженная энтомологией и ботаникой, отличалась и особенным искусством в игре в скрэббл, обладая феноменальной способностью «сооружать аппетитно длинные слова из казалось бы никуда не годных обглодков алфавита». Именно в уста Ады автор вкладывает изобретение забавной фразочки с ключевым семантическим рефреном романа: *Dr. Entsic was scient in insect.* Здесь сразу три слова-анаграммы ведут к четвертому —*INCEST* или инцест (близкородственная связь). В инцест причудливо вовлечены Ада, ее единокровный брат Иван (Ван) и сестра Люсинда…

«Ада» — роман-аллегория, с элементами философии, космологии и мифологии, пристрастием автора к лингво-розыгрышам и шифровкам. Метафоры, закодированные в набоковских анаграммах, еще далеко не разгаданы, предлагаются разные варианты дешифровки.

Критик Рой Свенсон в интересном эссе «Nabokov's Ada as science fiction» (www.depauw.edu) обозначает основной прием Набокова словом *eversion*, по-русски несколько неуклюже можно перевести как «выворачивание». К примеру, уже первая фраза «Ады» — нарочитый выверт первой фразы «Анны Карениной». К перевертышам привычных сюжетов и привычного смысла писатель прибегает и касаясь глубоких метафизических вопросов: прошлое-настоящее, пространство-время, любовь-плоть.

Заманчиво предположить, что Набоков полагает науку, которая отделяет себя от философии и поэзии, формой инцеста, близкородственного скрещивания, ведущего к вырождению. Об этом намекает ключевая анаграмма *insect—scient—nicest — incest*. У самого Набокова занятия энтомологией (*insect — sci*ent) составляли гармонию (*nicest*) с его художественным творчеством. Недаром в «Даре» бабочкам посвящены живописные вдохновенные вставки — «знанием умноженная любовь: отверстые зеницы»;

«Он рассказывал о невероятном художественном остроумии мимикрии, которая не объяснима борьбой за жизнь (грубой спешкой чернорабочих сил эволюции), излишне изысканна для обмана случайных врагов… и словно придумана забавником-живописцем как раз ради умных глаз человека;… об этих магических масках мимикрии».

Кажется не случайным и сближение пары слов семантика — осеменение, озвученное любовником Ады, ее братом Ваном: *«I am not concerned with semantics or semination. One thing and only one matters…»*. Здесь важно, что сходное звучание анаграммной пары слов (парономазия) действует словно животворное плодотворное семя.

Звукосозидание Набокова сочеталось с его цветовыми ассоциациями. Писатель был одарен редкой наследственной способностью к синэстезии, звуковому восприятию букв и слов. Эта способность, наследуемая доминантно, перешла к нему от мамы.

«Не знаю, впрочем, правильно ли тут говорить о «слухе»: цветное ощущение создается, по моему, осязательным, губным, чуть ли не вкусовым чутьем. Чтобы основательно определить окраску буквы, я должен букву просмаковать, дать ей набухнуть или излучиться во рту, пока воображаю ее зрительный узор».

Отсюда в текстах Набокова и фразы типа «сумерки — какой это томный, сиреневый звук» («Другие берега»). Слова и целые фразы получают еще и цветовые обертона, вполне *ОЧЕ-видные* для писателя, но загадочные для большинства нормальных читателей, не синэстетов.

Итальянские художники-классики любили

помещать автопортрет в одном из неприметных уголоков своего полотна или тем или иным путем оставлять на нем графический автограф. Набоков-критик указывает на сходный прием у высокоценимого им писателя Джеймса Джойса.

Анаграммные шифровки своего имени, инсталлированные в текст полностью или в виде отдельных букв, привлекали писателя с «силой одержимости». Это сродни его любви к шахматным задачам, где тайный замысел скрыт в композиции фигур:

«*Всякий творец — заговорщик; и все фигуры на доске, разыгрывая в лицах его мысль, стояли тут конспираторами и колдунами. Только в последний миг ослепительно вскрывалась их тайна*» («Дар»).

В комментариях к «Аде» Набоков скрывается за изящной анаграммой, превратив *Vladimir Nabokov* в таинственную даму *Vivian DarkBloom* (Вивиан Темноцветущая). Вдругом варианте он анаграммно перевоплощается в некую философиню *Damor Block*. В эссе «Первое стихотворение» :

«*Вивиан Дамор Блок, моя философская подруга, в последние годы говаривала, что тогда, как ученый видит все, что происходит в точке пространства, поэт чувствует все, что происходит в точке времени*».

Среди одноклассников Лолиты попадается Виола Миранда — здесь анаграмма Н. Владимир. В романе «Король, дама, валет» встречается Блавдак Виномори — другая анаграммная вставка — Владимир Набоков. Ранняя пьеса «Скитальцы» обозначена как перевод В. Сирина из некоего старинного английского драматурга (1768 г.) по имени Вивиан Калмбруд — *Vivian Calmbrood* — конечно же, это розыгрыш, анаграммный *Vladimir Nabokov*.

Стиль Джойса с его потоком сознания или звуковаянием, был близок Набокову. В мае 2002 года мне довелось видеть в Британском музее в Лондоне выставку художника Р. Гамильтона, который около 50 лет рисует на темы Джойса. Одна из выставленных гравюр была названа словами из «Улисса»: «*Mellow yellow smellow melons*» («Сочные, желтые, пахнущие дыни» — но дословный перевод, увы, не передает аллитераций).

На гравюре изображена обнаженная женщина, с выпуклыми слегка расставленными формами, лежащая на спине, наискосок к зрителю. В подписи — цитата из «Улисса», с неподдающимся переводу крещендо близких по звучанию слов-ассоциаций:

«*He kissed the plump mellow yellow smellow melons of her rumps on each plump melonous hemispheres, in their mellow yellow furrow with obscure prolonged provocative melonsmellonous osculations*».

Подобный поток сознания можно встретить и в «Лолите». Кстати, судьба двух книг внешне сходна. «Лолита» была сначала издана в Париже. «Улисс» тоже вышел в Париже в 1922 году, но до 1936 года был запрещен в Британии и США.

Набоков любит двуязычные каламбуры и анаграммы. Вот квартирохозяйка, хищная немка *Clara Stoboy*. Про ее имя вскользь замечено, что мнимое подобие творительного падежа придавало ему звук сентиментального заверения («Дар»). Смысловые ответвления двуязычной анаграммы из романа *Bend Sinister* (в русском переводе «Под знаком незаконнорожденных») уже требуют комментария. Шекспировскую гравюру, которая висит в комнате переводчика, сопровождает странная надпись «Ink, a drug». Над ней пронумерованы буквы, так что если их озвучить по-русски, получается слово «грудинка» (вспомним сходное у Чехова: genуха=реникса). Грудинка в английской семио-трансформации ассоциируется с bacon. К чему бы это? По всей видимости, здесь Набоков закодировал лукавый намек на распространенную до сих пор гипотезу, что автором сочинений, приписываемых Шекспиру, мог быть философ Френсис Бэкон (Bacon).

Эта гипотеза стала популярной в конце XIX века. В спор включились не только гуманитарии. Американский геофизик Т. Менденхолл (1841-1924) предположил, что частота встречаемости слов различной длины в тексте является уникальной характеристикой автора, и по подобным языковым спектрам можно определить авторство. Менденхолл «перелопатил» пьесы Шекспира

и обнаружил, что в них 4-х буквенные слова встречаются гораздо чаще 3-х буквенных, а для текстов Бэкона справедливо обратное. Такой подход, видимо, может быть весьма полезен. Однако кембриджская языковая энциклопедия «Language» иронически замечает: доводы статистики убеждают только тех, кто хочет быть убежденным.

Поразительно, но эта гипотеза, начиная с 1884 года, захватила великого математика Георга Кантора (1845-1918), создателя теории множеств. В 1911 г. его пригласили в знаменитый университет St. Andrews в Шотландии прочесть лекцию по теории множеств. Кантор, к изумлению почтенной публики, всю лекцию посвятил проблеме Шекспир-Бэкон (см. A. Aczel. The Mystery of the Aleph. 2000). Наверняка Набоков, учившийся в Тринити-колледж в Кембридже спустя 10 лет, знал об этом давнем споре, спрятав лукавый закодированный намек в двуязычной анаграмме.

Другой излюбленный прием писателя иллюстрирует американский набоковед Гавриэль Шапиро [3]: анаграммная кодировка своего имени в виде отдельных букв, рассыпанных в одной фразе, помещенной либо в конце, либо в середине текста. Своего рода крипто-анаграмма, не столь очевидная, как акростих.

5 февраля 1925 г. Набоков создает стихотворение «Конькобежец», посвящая его своей будущей жене Вере Евсеевне Слоним. Заключительное четверостишие-признание звучит легко и невинно:

Оставил я один узор словесный,
Мгновенно раскружившийся цветок.
И завтра снег бесшумный и отвесный
Запорошит исчерченный каток.

Между тем, в этом словесном узоре изящно завуалировано анаграммное посвящение— **Владимир Набоков Сирин — Вера Евсеевна Слоним**. Это кажется настолько невероятным, что хочется поверить гармонию арифметикой. Перепечатаем текст, выделив буквы-кодировки заглавными и пронумеровав их в том порядке, в котором они встречаются в закодированном имени-посвящении. Вот предлагаемый вариант узора:

ВЛАДИМИР ост**АВ**и**Л** я о**ДИ**н узор ***сло-вес***ный,
1 2 3 4 5 6 7 8 3 1 2 4 5
вера **М**гно**в**енно ***ра***ск**Р**уж**И**вшийся цве**т**ок.
евсеевна 6 8 7
слоним ***и*** з**А**втра с**Н**ег **Б**есшум**н**ый и от**Вес**ный
НАБОКОВ 2 1 3 7
1 2 3 4 5 6 7 зап**ОР**ош**Ит** **ИС**черчен**Н**ый ка**тОК**
СИРИН 6 4 5

При арифметической тонировке легко видеть, как рисуется красивый словесный узор имени Владимир. Конькобежец с первой буквы имени В перебегает на вторую-третью Ли А, как бы вычерчивая восьмерку, и скользит к следующим двум буквам Д — И (4-5). Затем скольжение во второй строке вновь вычерчивает полу-восьмерку М — И — Р с концовкой точно посредине всей строки из 31-ой буквы. Сотворение фамилии Набоков начинается сходным узором в третьей строке Н-А — Б с переходом на 4-ую О-К и пируэтным возвратом на третью строку. Подобный же узор образует С — И-Р-И — Н впоследней строке.

Буквы, слагающие анаграмму Вера Евсеевна Слоним, выделены здесь италиком и прописными. Легко видеть анаграмму ***ве-ра*** из двух слогов во второй строке. Фамилия Слоним слагается из слога ***сло*** в 1-й строке и выделенных букв ***н, и, м*** — в 3-й. Отчество ***евсеевна*** составляется по вертикали из букв, входящих в последние слова каждой строки.

Такой подарок создал молодой Набоков своей избраннице Вере Евсеевне Слоним, горделиво намекнув выше этой строфы: «Не я ли сам, с таким певучим свистом / Коньком стиха блеснул перед тобой». Анаграммная кодировка ее имени и отчества, выделенная здесь заглавными буквами и италиком, легко прослеживается. Конечно, Вера Слоним быстро разгадала смысл узора-посвящения.

В «Анне Карениной» Левин и Китти ведут подобный любовный диалог, кодируя слова фраз одними начальными буквами. Непосвященному этот набор покажетсяа бракадаброй, но Левин и Китти без труда разгадывают сокрытые фразы в контексте любовного признания. Толстой сам прибегал к такой игре, делая предложение своей возлюбленной Софье Берс.

Иногда в английском и русском вариантах своих сочинений Набоков виртуозно сохраняет авторскую анаграммную инкрустацию-шифровку, несмотря на различие двух алфавитов. В повести «Король, дама, валет» есть такая фраза: «ее (героини Марты — М.Г.) кавалер, студент с индусскими глазами, отрывисто и тихо объяснялся ей в любви». Эта фраза, по мнению

Г. Шапиро, включает анаграмму — Владимир Набоков Сирин.

Догадка весьма усиливается тем, что английская версия этой фразы в авторском переводе тоже виртуозно скомпонована для сохранения закодированной анаграммы Vladimir Nabokov(w) Sirin: «*Her partner in full erection against her leg was declaring his love in panting sentences from some lewd book*». Похоже, Набоков нарочито ввел ванглийский вариант слово «*book*» (книга), ибо оно анаграммно содержится в его фамилии.

Шифровка хороша, когда она незаметна. Вот последняя, на одном легком дыхании, прощальная фраза из столь известной «Лолиты» — «И это единственное бессмертие, которое мы можем с тобой разделить, моя Лолита». Здесь, по догадке Шапиро, также вплетена авторская анаграмма-автограф. Пронумеровав все буквы автографа, мы без труда находим их рассыпанными в тексте этой вдохновенной фразы-прощания.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19

Все 19 букв для наглядности выделены заглавными с соответственной нумерацией снизу.

И эт**О** ед **И** **Н** ст**В**е**Н**ое **Б**ес**С**ме**Р**т**И**е, **К** **О** то**Р**ое
12 18 19 1 9 11 15 1716 13 14 8
Мы можем с тобой **Р** **А**з**Д**е**ЛИ**ть, **М**оя Ло**ЛИТА**
8 3 4 2 5. 6 7 10

30% букв прощальной фразы вовлечены в шифровку! Нет, это не случайное совпадение.

Упомяну здесь и про палиндромы. Их можно считать особым вариантом анаграмм, где исходное слово осмысленно прочитывается целиком или по частям в обратном порядке. Вот изящный 4-х строчный набоковский палиндром с античными аллитерациями:

Я ел мясо лося млея. Те ему, — Ишь и умеет
Рвал Эол алоэ, лавр. Рвать. Он им, — Я минотавр!

II
Анаграммный детектив в истории науки

Нарочито сотворяя анаграммы в их разных воплощениях, Набоков как бы возобновил традицию, которая была распространена в европейской культуре в XVI-XVII веках. Тогда в ходу были анаграммные псевдонимы. К примеру, лионский врач *Rabelais Froncois* — Франсуа Рабле — выпустил свои сатирические книги «Пантагрюэль» (1532) и «Гаргантюа» (1534) под анаграммным именем *Alcofribas Nasier*.

Особенно анаграммная мода процветала при дворе французского короля Людовика XIII (1601-1643), того самого, который приблизил к себе знаменитого кардинала Армана Ришелье (1585-1642), врага мушкетеров у Дюма. Людовик XIII ввел даже особую должность при дворе — королевский анаграммист. Здесь прославился Томас Бийон, создавший десятки и сотни анаграммных трансформаций королевского имени и его приближенных.

Как пишет венгерский эссеист Иштван Рат-Вег [4], в тот период «зараза анаграмм косила людей с той же мощью, что и чума кроссвордов». Анаграммную трансформацию имени стали связывать с судьбой человека. К примеру, имя William Shakespeare имеет такие анаграммные версии: «I swear he is like a lamp» (Клянусь, он как светильник) или I ask me, has Will a peer (Я спрашиваю, имеет ли Уилл равных себе), или We all make his praise (Мы все поем ему славу).

К тому же периоду ведет начало связанного с анаграммами одного из самых удивительных случаев или курьезов в истории науки. Современниками любителя анаграмм Людовика XIII были два самых знаменитых астронома Галилео Галилей (1564-1642) и Иоганн Кеплер (1571-1630). Они вели на латыни оживленный эпистолярный диалог, обсуждая космогонические проблемы и новые открытия. При этом иногда важные новости анаграммно кодировались в виде сплошного текста из букв, который посвященный мог легко декодировать, зная контекст.

Небольшое отступление о Кеплере. Он родился накануне 1572 года, когда Европу потрясли два события на небесах и на земле. В 1572 г. произошла вспышка сверхновой звезды, засиявшей на ночном небосклоне намного ярче Венеры и видимой даже днем. Редчайшее небесное явление наблюдалось 18 месяцев и усилило интерес к астрономии и астрологии (эти две ветви знаний тогда не различались).

Но если на небе воссияла дневная звезда, то на землю Европы в 1572 году опустилась Варфоломеевская ночь. Это было время кровопролитной 30-летней войны между протестантами и католиками. Кеплер, родившийся в семье лютеран, оказывался под перекрестным огнем двух лагерей. Его мать судили как ведьму. Так что события и на небесах, и на земле были частью его судьбы.

Истолкователь и переводчик на русский язык работ Кеплера, математик и культуролог Ю. Данилов [5] полагает, что по масштабу своих свершений, острой наблюдательности и отточенной интуиции, по цельности характера, благородства помыслов и

гениальности озарений Кеплер даже в ряду самых великих является скорее не правилом, а исключением.

В возрасте 23-х лет в 1594 г. Кеплер занял должность учителя математики в протестантской гимназии г. Граца (нынешняя Австрия). В обязанности Кеплера входил также выпуск ежегодного альманаха астрологических предсказаний. И здесь Кеплер заслужил репутацию пророка, предсказав грядущую необычайно холодную зиму и вторжение турок на территорию Австрии. Оба события сбылись!

19 июля 1595 г. во время подготовки к лекции по математике в гимназии Граца на Кеплера снизошло откровение: взаимное расположение шести известных к тому времени планет не случайно, но образует гармонию из чередования концентрических кругов и вписанных в них пяти правильных многогранников, так называемых платоновых тел.

Вокруг орбиты Земли можно описать 12-гранник или додекаэдр, где каждая грань — правильный пятиугольник. В свою очередь, если вокруг этого додекаэдра описать сферу — получим орбиту Марса. Вокруг сферы Марса описывается тетраэдр, а новая сфера тетраэдра образует уже орбиту Юпитера. В сферу же самой Земли вкладывается икосаэдр (20-гранник), а окружность вокруг него соответствует орбите Венеры и т.д. Гармония: шесть планет и пять платоновых тел. На старинных гравюрах модель этой гармонии в виде макета/среза выглядит очень красиво.

В 1596 г. Кеплер в возрасте 25 лет выпустил книгу «Тайны мироздания». Он уверовал, что ему удалось разгадать планетный порядок, который соответствует замыслу Бога. Вера в изначальную гармонию — числа движут миром — вдохновляла многих мыслителей, начиная с Платона, затем Кеплера, Гете, а в недавнее сугубо материалистическое время — биолога и философа Александра Любищева.

Однако Кеплера ждало разочарование, когда ему пришлось поверить интуитивную гармонию алгеброй точных наблюдений. На основе детального анализа орбиты Марса и обработки результатов наблюдений своего старшего коллеги и учителя знаменитого датского астронома Тихо Браге (человека легендарной судьбы, начиная от рождения и до смерти), Кеплер сформулировал в 1610 г. два планетарных закона: орбиты планет не круговые, а эллиптические; все планеты движутся по эллипсам вокруг Солнца, а радиус-вектор описывает одинаковые площади в один и тот же промежуток времени. Иными словами, планеты движутся по орбитам с разной скоростью. Прямая дорога к Ньютону: действие силы, заставляющей их двигаться вокруг солнца, убывает с расстоянием.

Хотя начальный вариант поиска порядка в расположении планет не прошел проверку прямыми наблюдениями, Кеплер не отказался от веры в неслучайное расположение планет. И вот в марте 1618 г. он все-таки открыл свой третий основной закон: квадраты времен обращения планет вокруг Солнца относятся как кубы их средних расстояний от Солнца. Этот закон вскоре нашел ясное истолкование в принципе всемирного тяготения Ньютона. Одна из глав книги Кеплера «Гармония мира», вышедшей в 1619 г., посвящена теории музыки и доводам, что расположение планет гармонирует с интервалами звукоряда в пределах одной октавы — «музыка сфер». Как если бы некая невидимая струна простиралась от Солнца до каждой планеты. Эту красивую идею до сих пор нельзя считать ни опровергнутой, ни доказанной.

Теперь, после необходимого контекстно-го отступления, вернемся к анаграмме. В том же 1609 году, когда Кеплер публикует свои знаменитые первые два закона движения планет, Галилей узнает, что в Голландии изобретена зрительная труба. Он сразу принялся за свою конструкцию трубы, достигнув к марту 1610 года 30-кратного увеличения. За несколько месяцев Галилей сделал больше новых наблюдений в мире планет и звезд, чем кто-либо до него за всю жизнь. К июлю 1610 г. Галилей стал совершать астрономические открытия с такой скоростью, что не успевал их публиковать.

Он сообщал о них в письмах Кеплеру, разделявшему систему Коперника. Галилей обнаружил четыре спутника Юпитера и опубликовал это открытие. Вскоре он заметил два спутника у Сатурна и решил сообщить об этом в письме Кеплеру. Однако, желая соблюсти приоритет, Галилей анаграммно закодировал свое сообщение [6]. По латыни фраза Галилея из 37 букв выглядела так:

Altissimum planetam tergeminum observeri

Вольный перевод: «Я наблюдал у самой удаленной планеты тройное строение». Однако это сообщение в письме к Кеплеру Галилей кодирует в виде такой последовательности букв:

smaismrmilmepoetaleumibunenugttauriras.

Галилей был уверен, что Кеплер, великий математик и тайновед, легко разгадает сообщение, зная контекст.

Но тут-то и произошел совершенно заме-чательный казус, получивший лишь частичное разрешение спустя более 250 лет [6]. Кеплер был платоником, идеалистом, убежденным, что числа и

формы управляют миром. Узнав об открытии четырех лун Юпитера, он заключил, что число лун у планет соответствует прогрессии 1, 2, 4. Если у Земли один спутник, а у Юпитера — четыре, то у расположенного между ними Марса должно быть два спутника. Кеплер решил, что именно об этом ему пишет Галилей, и составил свой вариант фразы-анаграммы из присланного набора букв:

Salve ubistineum geminatum Martia proles.

В примерном переводе: «Приветствую близнецов, порождение Марса». Иными словами, Кеплер прочитал то, что так алкало его воображение.

В 1611 г. Галилей по просьбе императора дешифровал истинный смысл своего послания. Однако неверная анаграммная дешифровка Кеплера стала известна и имела свое таинственное фантастическое продолжение, до сих пор непостижимое.

Спустя 125 лет, в 1726 году писатель-сатирик, публицист и доктор богословия Джонатан Свифт (1667-1745) анонимно публикует знаменитые «Путешествия Лемуэля Гулливера». В третьем из них Гулливер попадает на летающий остров Лапута. Свифт спародировал это название от испанского «la puta» — путана, проститутка.

Жители Лапуты, по Свифту, были столь поглощены размышлениями об астрономии и математике, что для продолжения разговора нуждались в постоянном похлопывании друг друга (или при помощи слуг) пузырем по губам или по правому уху. Между тем лапутяне составили каталог из 10 тысяч звезд (во времена Свифта было известнолишь около 800) и открыли два спутника Марса.

Один спутник якобы удален от Марса на три диаметра, другой — на пять. Первый спутник обращается вокруг планеты за 10 часов, а второй — за 21,5. Квадраты времени оборота спутников вокруг Марса пропорциональны примерно кубам их расстояния от центра планеты (третий закон Кеплера). Лапутяне обнаружили, как сказано в пародии Свифта, что «спутники управляются теми же законами тяготения, которым подчинены другие небесные тела». Наукообразный вымысел — явная пародия на Кеплера.

Однако спустя 150 лет в 1877 г. американский астроном Асаф Холл (1829-1907), используя телескоп гораздо более мощный, чем у Галилея, действительно обнаружил два спутника Марса. Они были названы им мифологическими именами Фобос (Страх) и Деймос (Ужас) — по имени лошадей из колесницы бога Марса [6]. Расстояния спутников от центра Марса составляют 2.7 и 6.9 его радиуса, а периоды обращения 7 часов 39 минуты и 30 часов 17 минут. Размер спутников очень мал, края их изорваны. Открытие Холла находится в неплохом соответствии с данными лапутян, созданных воображением Свифта [7].

И вот здесь настоящая мистика или тайна, до сих пор непостижимая. Как возможно столь поразительное совпадение сатирического вымысла Свифта и реальности? Несомненно, Свифт был знаком с законами Кеплера и видимо знал о его ошибочном прочтении письма Галилея. В «Путешествиях Гулливера» Свифт решил осмеять и другие космогонические представления великого астронома, сатирически описав лапутян, регулярно собиравшихся слушать кеплеровскую «музыку сфер».

Однако история посмеялась над самим Свифтом. Ибо его фантазия-сатира по поводу количества спутников и их орбит — все это оказалось фантастически близко к реальности. И не исключено, что в недалеком будущем наши потомки, подобно лапутянам, будут на сеансах в планетариях слушать музыку сфер. Во всяком случае, историки сообщают о таком признании провозвестника будущего Велемира Хлебникова: «Кеплер писал, что он слушает музыку небесных сфер. Я тоже слушаю эту музыку, и это началось в 1905 году. Я ощущаю пение вселенной не только ушами, но и глазами, разумом, и всем телом» [8].

Литература

1. Дональд Бартон Джонсон. Миры и антимиры Владимира Набокова. Ч. II.Набоков-анаграммист. Предисловие 2001 (nabokov-lit.ru).
2. Долинин А.А. Три заметки о романе Владимира Набокова «Дар» (nabokov-lit.ru).
3. Шапиро Г. Поместив в своем тексте мириады лиц. Старое Литер. Обозрение.№1, 2001.
4. Рат-Вег. Иштван. Комедия книги. М. 1982
5. Данилов Ю. Гармония и астрология в трудах Кеплера. (filosof.historic.ru).
6. Galileo’s anagram’s and the moons of Mars.(www.mathpages.com/home/kmath151).
7. 7.Wilson T. This months in the astronomical history. 2016. (www.aas.org)
8. Бабков. В. Законы времени Велимира Хлебникова. Человек 6. 2000.

Статья написана по мотивам авторских публикаций: Голубовский М. Анаграммные вариации: состукивание слов. Вестник. 24. 2003. Голубовский М.Д. Состукивание слов в жанре анаграмм и палиндромов. Образы жизни. Альманах. Калифорния. 2014.

Валерий Черешня

Предисловие к неизданной книге. «ПО ДОРОГЕ В НЕВЕРМОР»

Это предисловие писать непросто, поскольку автор этой книги был сверхчувствителен к малейшему привкусу пошлости и фальши в людях и их творчестве. А кто без греха? Так и вижу скептическую его улыбку по поводу всего, что будет здесь написано. И всё же, необходимо попытаться познакомить читателя с человеком, писавшим столь странные стихи и прозу, а заодно и обосновать их выбор для этого издания.

Александр Рихтер родился в 1939 году в Одессе. После школы он учился в Одесском художественном училище вместе с моим старшим братом, так что помню я его с раннего детства. И уже тогда, несмотря на разницу в возрасте (а может, благодаря ей: дети чувствительней ко всему необычному), я ощутил неординарность его натуры, его острый взгляд, остроумно подмечавший в людях и обстоятельствах нелепое и смешное, но не с высоты собственной непогрешимости, как это свойственно записным острякам, а с теплом и нежностью сопереживания, с грустью сопричастности, с библейской умудренностью, что, дескать, никто не без порока и, прежде всего, он сам. Жил он в типичном одесском дворике, недалеко от Привоза; атмосфера этого покосившегося пространства, с развешанным на провисающих веревках бельём, с ленивым переругиванием соседок из окон, с затаённой надеждой на удачу и неизбежным разочарованием замечательно передана в совершенно оригинальной ритмике стихотворения «Агитенахт», которым открывается эта книга. При тогдашнем отсутствии телефона, поход к Шуре отсылал к библейским временам: пришедший задирал голову и несколько раз взывал «Шура!», пока в окне не появлялся хозяин и взмахом руки не приглашал гостя. Поднимаясь по скрипучей деревянной лестнице, вы попадали в прокуренную небольшую комнату, где жил Шура с мамой (отец, насколько помню, погиб на войне). На подоконнике, любимом месте обитания Шуры («сижу я себе на окне») валялось очередное открытие хозяина, то было время сплошных счастливых открытий: один раз это могли быть стихи Цветаевой, отпечатанные на тонкой папиросной бумаге, в другой раз – журнал с только что вышедшим «Мастером» Булгакова. Шура угощал гостя чтением самых лакомых отрывков, пряча за сигаретным дымом блеск глаз и восхищенное выражение лица. Душевный подъём, вызванный чтением, подкреплялся походом в ближайший подвальчик с дешевым сухим вином и бесконечными провожаниями друг друга по притихшему ночному городу.

После окончания художественного училища и неудачной попытки поступления в ленинградскую Академию художеств, Шура остался в Одессе и стал работать в Художественном фонде. Это странное заведение, созданное идеологическим государством для эстетического воспитания народа и прокорма художников, требовало бригадной работы, роли в бригаде были распределены: одни рыскали по окрестным заведениям и колхозам в поисках заказов, другие исполняли полученные заказы, делая эскизы и работу в материале. Шура был исполнителем, и одним из самых востребованных, его намётанный глаз и трезвое понимание вкусов заказчика и художественного совета позволяли сдавать работу с первой попытки. Это было время относительного благополучия, помню Шуру с рублевой бумажкой, зажатой между средним и указательным пальцами, голосующим на обочине дороги в лёгком подпитии. «Волшебный рублик, взмахнёшь ручкой, и любая машина – твоя!» В это же время появилась в его жизни Рашель, женщина с непростым характером, обыденная пресная жизнь была ей невмоготу, и она сдабривала её по своему разумению розыгрышами и провокациями, иногда довольно чувствительными для гордой натуры Шуры. Но эта эксцентрика только подпитывала его чувство к ней, какой нежностью и любовью проникнуты «Стихи для Рухл», которые вы тоже найдёте в этой книге! И когда Рашель, следуя зову своего авантюрного характера и любви к свободе отправилась в Америку, Шура, промаявшись пару лет, отправился с матерью вслед за ней в начале 70-х. Так жизнь разделилась пополам.

В Америке было непросто: скитания по разным городам, работа за гроши художником на ткацкой фабрике в Балтиморе... В конце концов, удалось осесть в дальнем районе Нью-Йорка Фар-Ракавэй, в доме, с тринадцатого этажа которого открывался замечательный вид на океан и облака над ним, а дождливым вечером на красные слезы огней автомобилей на дороге, идущей вдоль океана. Родился сын Исаак, мать жила неподалёку, у неё началась старческая деменция. Несмотря на то, что за ней присматривал социальный работник, приходилось каждый день навещать ее, приносить продукты и убирать. Однажды, когда мы шли вдоль берега океана, Шура, только что побывавший у матери, с горькой улыбкой рассказывал: «Она уже многого не понимает и не помнит, но вдруг говорит: «сыночек, зачем ты привёз меня в этот супермаркет?» Шура и сам не очень понимал, зачем он попал в «этот

супермаркет», но был благодарен «дядюшке Сэму», – так он величал приютившую его страну, – за те минимальные жизненные блага, которые позволяли сводить концы с концами, не впадая в нищету, которая, вполне возможно, ждала его на родине после известных событий, пустивших художников в вольное плавание. Это «вольное плавание» ему тоже довелось испытать, когда он пытался продавать свои работы, но его острогротескная живопись, близкая аскетизму Руо и Бюффе, не пользовалась спросом в Америке. Почему он писал именно так при том, что любил совсем другую живопись, полнокровную и избыточную, идущую от Рембрандта и Сутина, остаётся одной из психологических загадок его сложной натуры. Как бы там ни было, жил он в добровольном отшельничестве, всё реже выбираясь в Манхэттен, довольствуясь редкими встречами с несколькими друзьями. Сын вырос и женился, его жизнь ортодоксального еврея была не слишком близка Шуре. Рашель тоже жила своей особой жизнью этажом выше, они ходили друг к другу в гости, церемонно предупреждая о визите заранее. Скудные излишки, остававшиеся после покупки еды и ужасающих дешёвых сигарет, за которыми он таскался в ближайшую афганскую лавочку, Шура предпочитал отдавать Рашели довольно оригинальным образом, не ущемляя её гордыни: он спорил с ней на деньги, утверждая нечто заведомо абсурдное и, естественно, проиграв, доставал очередные двадцать долларов. В этом он был достойным последователем своего любимого Беккета, которого, наряду с Кафкой, он постоянно читал и часто цитировал. Любил он повторять и двустишие Мандельштама, слегка переделав его на свой лад:

А не дул бы ты в трубу, молодой человек,
Полежал бы ты в гробу, молодой человек.

Двустишие произносилось при упоминании слишком громко дующих в трубу своей жизни. Да, Шура не очень любил тех, кто шумно и с видимым удовольствием барахтался в волнах современности, дурача наивных обывателей дешевыми фокусами в искусстве, лишь бы приплыть первым. Он предпочитал другое искусство, в котором слышна была нота человеческого тепла, осознанной скромности, знающей пределы человеческих возможностей, честной констатации трагизма существования: офорты Рембрандта, натюрморты Шардена, яростную издёвку картин Маньяско. Ему необходим был этот снижающий пафос налет патины на всём, искусство должно помнить о своей изначальной увечности и неизбежной смертности, он и классическую музыку предпочитал слушать на дешевом проигрывателе с пластинок, отягченных старческим придыханием и шепелявостью. Замах на «величие замысла» в искусстве отталкивал его, не зря в его прозе звучат издевательские нотки при упоминании «гете и льва николаевича», именно что с маленькой буквы. Ему хватало бессловесного величия замысла, которое он всегда мог видеть из своего окна: бескрайняя ширь океана и разнообразие неба над ним, – то акварельно легкое и чистое, то в невероятном нагромождении лобастых облаков.

В последние годы он всё реже выходил из своей квартиры, больные ноги не позволяли никаких излишеств, кроме необходимых походов за сигаретами. В один из дней февраля 2015 года он почувствовал себя плохо, Рашель отвезла его в госпиталь, где он скончался в тот же день от обширного инфаркта.

Остались картины, стихи и проза, которую он писал последние годы, посылая по мере написания нескольким друзьям. Проза эта принципиально фрагментарна, не имеет сюжетной последовательности, не имеет даже названия. Название «Шмойс» дано мной по имени героя повествования, теневой ипостаси Шуры, той меры пошлости, тщеславия, глупости, которая есть в каждом из нас. Шмойс не существует в отрыве от Шуры, он часть портрета его расколотого сознания, а многочисленные персонажи, встречающиеся в этом повествовании, ничего существенного не теряют от незнания прототипов, они тоже часть этого портрета. Своеобразный язык этой прозы подчинен той же задаче: дать портрет этого сознания во всей эмоциональной насыщенности: от бессильной ярости перед торжествующей пошлостью до издёвки над благими намерениями, ведущими известно куда. Некоторые фрагменты проникнуты подлинным лирическим чувством и теплотой, в этом они перекликаются со стихами. Именно поэтому было решено в этом издании поместить стихи и прозу вперемежку и, где уместно, проиллюстрировать графикой и фотографиями автора, а в конце приложить несколько писем, адресованных составителю. Такой объёмный портрет позволит читателю не только лучше воспринять его творчество, но и почувствовать обаяние личности автора.

В письме другу, посылая ему свою первую книгу, Марсель Пруст писал: «Люби мои недостатки, и они, – лучшее, что есть во мне, – принесут плоды. Наши достоинства принадлежат нам в меньшей мере и не рождают потребности в столь родной нежности». Родную нежность ощущали все близко знавшие А. Рихтера, отсвет этой нежности, надеюсь, коснётся и чуткого читателя.

Алла Ходос

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Об одном стихотворении Вдадимира Гандельсмана

Давай прекрасными слегка
мы перекинемся словами,
пока, озябшая, слегла,
дрожа, река под облаками.

Пусть речь не будет нам тесна,
смотри, как в сентябрях и маях
река играет дотемна
свою мелодию на сваях.

Она очнётся поутру,
как ласковая жизнь — ни всхлипа —
ребёнка, медленно игру
затеявшего после гриппа.

Когда протянет руку снег
и станет холодно в квартире,
когда устанем, как вовек
не уставали в этом мире,

давай представим перед сном,
что не проснёмся, но по мере
рассвета солнце колесом
пройдётся от окна до двери.

Человек стоит у реки. Зябко. Погружаясь во внешнее, отождествляясь с ним, он выныривает для того, чтобы успеть записать. Не это ли жизнь? Прожить ее всю в один миг. Прожить как ребенок, медленно игру затеявший после гриппа, зрелый человек, играющий дотемна свою мелодию, и как человек, ощутивший смертельную усталость. И в конце - это ребячливое солнце, колесом проходящее через комнату.

Жить в речи. Как река живёт в себе.

Робость, остановки, придыхания, инверсия в первой строфе. Так музыкант настраивает инструмент. И вот течение речи-реки. Препятствие. Преодоление. Солнце.

“В одном мгновенье видеть вечностьt”, – сказал другой поэт.

Каждый раз, ложась, не знаешь, проснешься ли завтра. Но в этом нет ужаса. Веришь или не веришь в бессмертие души. Надеешься ли потом в другое тело воплотиться. В компьютерную флэшку себя переписать. Не важно. Воображение – вот бессмертие! Записывай, поэт.

Для себя и для нас, читателей, работай.

Олицетворение. Душа живёт жизнью реки. Или это река живёт твоей жизнью? Река – человек, речь – течение жизни и воскрешение жизни – после болезни, сна, смерти.

Об одном стихотворении Мартина Мелодьева

ФЕШИН

Не имея пристрастия к теремам,
жить здесь можно — пусть и не как в раю.
...Мастер Фешин по тем же ходил холмам,
на которых и я стою.

Ту же зону Залива обозревал,
то же небо. Ну разве чуть голубей.
...На его натюрмортах лежит Урал,
фрукты светят, как стадо цветных камней.

Быть эстетом опасно, и неспроста
над художниками Дамоклов нож…
Вдоль пролёта ржавеющего моста
перекатываясь, клубится туман, как ёж.

Здешний климат помог ему, но не спас.
Отлетая на север, душа, как лист
побледнев, прошептала: «In God we trust.»
...И вдали засмеялись: «Ну ты артист!»

Не отыщешь в музеях сухую трость.
Не тряхнёшь, как термометр, сухую кисть.
И грачи не обрушат сухую грусть,
потому что грачи не бывают здесь.

Но вздохнёт любознательный ротозей:
(в Калифорнии птица такая есть)
«Мастер Фешин, художник цветных камней,
призрак сих виноградных мест».

Искусства дружат и перекликаются. Стихотворение Мартина Мелодьева о русском и американском художнике Николае Фешине – это и портрет русского поэта, живущего в Америке. Две души, вобравшие две культуры.

“На его натюрмортах лежит Урал,
Фрукты светят как стадо цветных камней.”

Фрукты, будто принесенные в Америку Хозяйкой Медной горы. Сквозь изломы истории, исходы и переходы художник сохраняет себя.

“Быть эстетом опасно,
И неспроста
над художниками Дамоклов нож.
Вдоль пролета ржавеющего моста,
Перекатываясь, клубится туман, как еж.”

Как много вмещает метафора! Помогает ли перенесение художника в другую страну навести мост между культурами?

Мост есть, но ржавеет, а в воздухе витает опасность.

“Здешний климат помог ему, но не спас.
Отправляясь на север, душа как лист, побледев, прошептала: In God we trust”
И вдали засмеялись: “Ну, ты, артист!”

Историческая фраза, присутствующая на американских купюрах, когда ее произносит побледневшая душа художника, отправляясь в мир иной, – как же это смешно, тепло и утешительно. И в ответ смех Бога сквозь тучи, эдакое постмодернистское его приветствие. (Вспоминается “Имя Розы”Умберто Эко).

“Не отыщешь в музеях сухую трость,
Не тряхнешь, как термометр, сухую кисть,
И грачи не обрушат сухую грусть,
Потому что грачи не бывают здесь.”

Пастернаковская “сухая грусть” есть и в Калифорнии, хоть и грачи не бывают здесь. Есть здесь и птица Ротозей, придуманная поэтом Мелодьевым. Многое тут есть. И мандельштамовский щегол, высовывая носик из романа Донны Тарт, смотрит на мир с грустной улыбкой.

О цикле стихов Саши Немировского "Весна и вирус"

ЕВРЕЙСКИЙ ДОМ

Ну что, Марленочка, туманный Сан Франциско?
Корона-вирус.
В дом престарелых не пускают даже внуков.
Всё развалилось.
А ты, как в детстве, снова в группе риска —
при встрече значит — ни щеку, ни руку
не подставить. И слова не с кем.
Всё по-английски.

Что эпидемия?
Видали много хуже.
За окнами, снаружи
весна, светло, и тени
выросших деревьев на тротуарах —
дрожащих листьев кружево.
Несовместимость траура
людей с природой на подъёме,
тем контрастней, что кроме
опустевших улиц, да пешеходов в масках,
особых признаков у смерти то и нет.

Марленочка, нам столько лет.
Война, разруха, ласки,
твой с импозантным выцветший портрет.
Мы глазки
строили. А сколько же нам было?

Семья, заботы, дети — как у всех.
Немного пыла
ещё осталось. Вкус на ужин, на смех
с подругой, на книжку перед сном.
В ответ
на страх мы заперты листом
указа на стеклянной двери,
ведущей в комнат ряд.

Всё без толку. Должно быть первый
случай уже давно. Лишь нам не говорят.
Искусственное легкое, поверьте,
такая гадость. Трубка внутрь.
Какой-то грипп. Не поскользнуться с выси,
не упасть на кухне, разбивая утварь.
Ни, даже, случай под трамваем.
Да так бывает,
что развязка смерти
не тянет на масштабность жизни.

Вольное дыхание джаза. Жизнь как импровизация. Вечно живая и при этом всегда новая. Поэзия Саши Немировского об этом. Обилие живописных и животрепещущих деталей. Жизнь, бьющая через край. Даже в предчувствии, даже в присутствии смерти. Ударные строчки звучат как сильное молодое сердце. Цикл “Весна и вирус” написан в разгар пандемии. Экспрессивные ударные образы вызревают по мере того как идёт описание обстановки, герои обмениваются репликами, развивается сюжет. И вот:“Давай соберёмся толпой единиц и нулей на дружеский митинг”!

“Услышав струйки, бьющие в весло Харона, выжать насухо в себе шуршание страха”. “ Курсив людей без лиц, где я неосторожной кляксой на страницах улиц”.

“Так чокнемся, друже! Так выплеснем пену наружу! Пусть кнопки залипнут, как мы, неуклюже обнимаем друг друга, похлопав по спинам, в компьютерной луже навечно при жизни застынув.” Преодоление страха, горе, вечность,– все пережито и одновременно виртуозно исполнено.

Пушкинский “Пир во время чумы” сегодня звучит в исполнении джазового оркестра.

Фаина Петрова

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ. ПОРТРЕТ НА ФОНЕ…

Лет 30 назад я прочитала в каком-то журнале поразившую меня информацию о том, что тиражи книг Достоевского порой опережают тиражи Библии. При этом было понятно, что Библии печатаются по заказам бесчисленных христианских организаций всего мира, а о Достоевском никто специально не заботится: значит, интерес вызывает само его творчество.

А несколько позже, лет двадцать назад, нам с мужем, можно сказать, вживую довелось узнать о степени популярности наших великих соотечественников в мире.

Мы возвращались из Сеула в Сувон, где мы тогда жили. Вдруг нас остановил полицейский: оказалось, что мы что-то нарушили. По правилам мы должны были выйти из машины, оплатить штраф в банке и только после этого ехать дальше. Но был поздний вечер, банки были закрыты, как добраться домой без машины, мы не представляли, и полицейский, выслушав наши объяснения, заколебался. “А откуда вы?” — спросил он. Мы ответили, что из России. «А Достоевский, Чайковский! — воскликнул страж порядка. Мы согласно закивали, и он, улыбаясь, сделал жест, позволяющий нам продолжить свой путь.

Закономерный вопрос: все ли стражи порядка в Корее так образованы? Этого я не знаю, но как раз в то время по корейскому телевидению шла экранизация «Братьев Карамазовых». Действие почему-то происходило на Красной площади, около храма Василия Блаженного. Из декораций, кроме величественного фона, была только ажурная металлическая скамейка, на и около которой все и крутилось. Был и музыкальный фон — естественно, Чайковский, «Четвертая симфония», где звучит обработанная композитором мелодия русской народной песни «Во поле береза стояла», под которую корейская Грушенька, поигрывая полушалком, лихо отплясывала.

Все это было весьма забавным, но, как бы то ни было, популярность великих соотечественников нам тогда очень помогла!

Сейчас ситуация изменилась: среди десяти наиболее популярных авторов не значится никто из классиков, даже такие, как, например, Шекспир. Тем не менее, имя Достоевского знают все культурные люди мира, а три его главных романа продолжают читать и обсуждать.

Что же в творчестве этого писателя такого особенного, что оно до сих пор не оставляет людей равнодушными? Может, именно у этого автора читатели находят ответы на волнующие их вопросы? А, может, их привлекает то, как гениально «сделаны» его произведения?

Мы попытаемся сегодня немножко разобраться в этих вопросах.

Известно, что сам роман как жанр литературы (а именно в этом жанре, в основном, работал Достоевский) возник в 12 веке у романских народов. Собственно говоря, он потому и получил такое название, что писались эти произведения не на латинском, а на народном, романском языке. К 18 веку, когда, по образному выражению Гоголя, русская литература из церкви сразу попала на бал, т.е. когда появились первые русские произведения светского характера, европейский роман прошел уже весьма долгий путь.

Россия отставала здесь более, чем на 6 веков, и это, с одной стороны, давало Европе большое преимущество (накопленный опыт), а с другой, она как бы отчасти «забронзовела»: были, можно сказать, канонизированы какие-то правила и законы написания этого вида эпических произведений.

Русская литература воспользовалась готовыми наработками и с жаром неофита начала разрабатывать свои варианты усвоенного. Говорят, что дети, вырастая, встают на плечи родителей и видят дальше и больше. Примерно это и случилось с русской литературой, да и со всем русским искусством.

При этом, надо отметить, что многое из наследия мировой литературы русскими писателями было переосознано. Это касается как формы, так и содержания. За редким исключением (Тургенев, Гончаров) в России не соблюдались правила и каноны европейского романа. Если и брались разработанные схемы, то подчас переосмысливались полностью. К тому же,

пересаженные на русскую почву, они получали совсем иной, порой пародийный, эффект.

Так для Пушкинского романа в стихах образцом послужил «Дон Жуан» Байрона. Но взяв эту форму (в частности, постоянное вмешательство повествователя — столь любимые нами лирические отступления), Пушкин наполнил ее совсем другим содержанием: Евгений Онегин, «москвич в гарольдовом плаще», как называет его автор, — не эпигон, не подражатель, а пародия на попытки некоторых молодых дворян того времени изображать из себя байроновских героев. Но наш поэт заменил сатирический, часто даже саркастический тон Байрона на добродушную иронию; череду отдельных авантюрных приключений Жуана, за которые тот не несет никакой ответственности, на трагическую развязку.

Лев Толстой также имел великого предшественника в лице Гюго: в «Отверженных» мы видим то же смешение художественных и публицистических глав, что и в «Войне и мире». Но, как и в случае с Пушкиным, заимствованная форма наполняется совершенно противоположным по смыслу содержанием: если «Отверженные» — апология индивидуализма, то Толстой воспевает «теплую волну патриотизма». Главная мысль романа — формирование национального самосознания русского народа в Отечественной войне 1812 года.

Русскоязычных людей обычно удивляет тот факт, что Пушкин не очень популярен на Западе. Но форма (роман в стихах) и главный герой были, как я уже сказала, неоригинальными, а, кроме того, пушкинские стихи почти невозможно перевести адекватно, и иностранцы не в состоянии почувствовать изящество и легкость пушкинской строфы. Даже героические усилия Владимира Набокова по переводу «Евгения Онегина» на английский язык не смогли радикально изменить ситуацию. Что ж, нам остается только пожалеть тех, кто не может припасть к этому дивному источнику светлой мудрости нашего кумира.

Но вот, например, Лермонтов написал роман, состоящий из отдельных повестей. И это уже был новый жанр. До этого в самой России были известны несколько повестей под одним названием («Повести Белкина», «Вечера на хуторе близ Диканьки»), но они были объединены рассказчиком, а у Лермонтова пять повестей объединены главным героем. Почему не он стал властителем душ в мире? Потому что Печорин — это тот же Чайльд-Гарольд или Евгений Онегин!

Гоголь, казалось бы, вполне самобытен и характерами своих героев, и формой: назвал свой роман «Мертвые души» поэмой. Образ птицы-тройки, которой он уподобил Россию, действительно очень поэтичен. Но типы (помещиков и чиновников), которые вывел писатель, не очень тянут на общечеловеческие, а те, что тянут, тоже уже были известны. Так, у Гоголя есть тема маленького человека. Позиция автора («он маленький, но он человек: не обижай его!») для его времени выглядела весьма гуманистической, но, во-первых, для Европы это тоже не был новый тип (вспомним Диккенса), а, во-вторых, взгляд Чехова на этот вопрос оказался привлекательней и достойней («ты маленький, но ты человек, не позволяй обижать себя!»)

Поэтому о Гоголе на Западе знают только специалисты, а Чехов до сих пор актуален.

Но вернемся к Достоевскому: интерес к нему не ослабевает уже второе столетие. Что же он сделал такого, что определило этот успех?

Создал новое направление в искусстве? Нет, это невозможно. По большому счету есть только два способа изобразить жизнь: такой, какая она есть в глазах автора, и такой, какой он хотел бы ее видеть, т.е. реализм или романтизм (все остальное — варианты этих двух).

Достоевский, понятно, выбрал реализм.

Может, он, как Шекспир и Сервантес, создал новый тип?

Нет, этих типов, по определению Ивана Сергеевича Тургенева, тоже существует в мировой (европейской) литературе только два: Гамлет и Дон Кихот. “В этих двух типах, — по словам писателя, — воплощены две коренные, противоположные особенности человеческой природы — оба конца той оси, на которой она вертится.” Я бы кратко сформулировала это так: один размышляет, не действуя; другой действует, не размышляя. У Достоевского мы находим смешение этих типов человеческого поведения с преимущественным перевесом то в одну, то в другую сторону.

Возможно, Достоевский создал новый язык? Это было бы важно, конечно, в первую

очередь для русскоязычных, но все же…

Нет, современный русский язык создал Пушкин, а больше всех для его дальнейшего развития сделали два гениальных стилиста: Набоков и Бродский (не знаю, как у Набокова, но у Бродского в словаре исследователи насчитали 16 900 слов, в то время, как у Ахматовой, например, только 7 000.)

Достоевский же позволял себе языковые небрежности: редактор журнала как-то заметил писателю: «У вас тут написано: “В гостиной стоял круглый стол овальной формы.” Надо бы исправить». Достоевский подумал и сказал: «Оставьте так, как есть».

А Набоков отмечал крайнюю неуместность употребления Достоевским слов “убийца” и “блудница” в сцене чтения Евангелия. Действительно, по крайней мере, слово блудница как-то совсем не вяжется с образом Сони.

Значит, и не здесь, не в языке, загадка востребованности Достоевского. Тогда, может, он создал какой-то абсолютно новый сюжет?

Но и тут перебор возможностей оказывается также весьма небольшим: снова всего к двум сводит Хорхе Луис Борхес все кажущееся многообразие сюжетов, которые люди, по его словам, всегда будут пересказывать. “В том или ином виде, — говорит он, — это истории про Женщину и Мужчину и про Мужчину и его Путь. То есть истории, в которых события вращаются вокруг женщины или женщин, и истории, в которых обходятся без этого”.

Поскольку такая классификация отдает неприкрытым мужским шовинизмом, я бы добавила третий вариант (или подвариант), где вместо Мужчины поставила бы Женщину, т.е. этот вариант звучит так: “Женщина и ее Путь”. И хотя примеров этого в мировой литературе мы найдем не так много (почти все человеческие общества, миновав эпоху матриархата, не давали женщине проявить себя), но несколько весьма замечательных у меня все же есть.

Первая — это история пророчицы и судьи Деборы (из Книги судей), которая подняла израильтян на борьбу за независимость, убедив Барака, одного из тогдашних еврейских лидеров, возглавить войско. Победа в том сражении принадлежала в полной мере и ей.

Вторая известна как замечательная поэтесса по имени Сапфо. Она так воспела любовь женщины к женщине, что само это явление стали называть словом, полученным от названия острова Лесбос, где она жила.

Из современной литературы мы можем вспомнить Скарлетт О’Хара из «Унесенных ветром» Маргарет Митчелл (кстати, в десятке самых популярных книг она на десятом месте) А еще там на пятом месте Агата Кристи (после Библии, цитатника Мао Цзедуна, Корана и книги рекордов Гиннеса), а шестая — Джоан Роулинг с Гарри Поттером.

У Достоевского всегда на первом месте, как оно и должно быть в российском мужском шовинистическом обществе, рассматривается “Путь мужчины”, хотя женщины присутствуют, а в случае с Сонечкой Мармеладовой даже олицетворяют собой весьма важную функцию: Соня воплощает собой человеческую совесть.

Если упростить сюжеты Достоевского до чистой фабулы, то можно увидеть вполне тривиальную схему: преступник совершает преступление, не выдерживает мук совести, и в одном случае сам вершит суд над собой, а в другом — отдает себя в руки правосудия. В третьем варианте тоже присутствует преступление, и даже несколько: имеется неуравновешенный молодой человек, которого злые искусители подталкивают к убийству, причем он должен взять на себя преступление, которое совершат другие люди. Нет, фабулы тоже не впечатляют.

Тогда, может, проблематика? Но у литературы, искусства, а также у философии и даже у религии есть вообще всего-навсего одна-единственная, общая для них всех проблема. Формулируется она так: “В чем смысл жизни?” Или что, по сути, то же самое: ”В чем смысл мироздания?”

Не умея ответить на этот вопрос, люди заменили его на другой: “Как следует жить?”

Религия отвечает на этот вопрос заповедями, философия (устами Канта) — категорическим императивом, а искусство в лице ее величайших представителей иллюстрирует ответы религии и философии или предлагает свои. Это именно то, на чем держится литература и искусство в целом: на различных поворотах одних и тех же сюжетов

и на разнообразии авторских ответов. В скобках заметим, что, когда и сюжетов не стало, то вообще осталось только то, что наиболее важно: ответ художника, его "указующий перст", как называл это Достоевский.

Как ни странно, наиболее прямой ответ на главный вопрос дает человек дна Лука в пьесе Горького "На дне". На вопрос Сатина:

"Для чего люди живут?" — старик говорит: "«А — для лучшего люди-то живут, милачок!" — И поясняет: «Вот, вот от них рождается столяр… такой столяр, какого подобного и не видала земля, — всех превысил, и нет ему во столярах равного. Всему он столярному делу свой облик дает… и сразу дело на двадцать лет вперед двигает… Всяк думает, что для себя проживает, ан выходит, что для лучшего! По сту лет… а может, и больше — для лучшего человека живут!»

Имя Лука обычно трактуется, как сокращенное от Лукавого, что в русской традиции синонимично Дьяволу… И действительно, цитируют обычно только первую фразу, а не последнюю, а между тем "жить для лучшего" и "жить для лучшего человека" — «две большие разницы», как говорят в Одессе. В первом случае — надежда, что внуки, правнуки, последующие поколения будут жить лучше, а во втором — жить для того, чтобы из миллионов нас явился какой-либо гений?!

И, как ни нелепо выглядит сама эта идея — создание совершенного человека (именно создание, а не ожидание его появления в результате естественного отбора, как у Луки) — как раз она и была положена в основу как коммунистической, так и нацистской идеологии. Но если в первом случае речь шла о сознательном члене общества, для которого благо всех выше личного, то нацисты подошли к проблеме с другого конца: там речь шла о сверхчеловеке и, если хотите, сверхнации голубоглазых бестий. И эта идея, как и первая, нашла своих приверженцев в России, и даже раньше, чем в Германии, до Ницше, в частности, в творчестве Достоевского.

Здесь следует отметить одну исключительно важную деталь, касающуюся русской литературы в целом. Дмитрий Быков как-то отметил, я бы сказала, неожиданную, но, похоже, очень точную, характерную черту русской литературы: апологию бездеятельности.

Если Европа еще в эпоху Возрождения (15-16 вв.) на ослабление влияния церкви ответила трудовой этикой протестантизма, то есть религиозно обоснованной доктриной о добродетельности труда, необходимости работать добросовестно и усердно, то в русской литературе мы видим рассказы о бездельниках, не знающих, чем заняться. И это не только Обломов (крайняя, законченная форма), но и Евгений Онегин ("дожив без цели, без трудов до двадцати шести годов), и Печорин, и многие другие.

Да и сам Пушкин в одном стихотворении замечает: «А труд — и холоден, и пуст…», а в другом: "Друзья! Не всё ль одно и то же: Забыться праздною душой В блестящей зале, в модной ложе, Или в кибитке кочевой?"

Единственный человек, который пытался что-то делать, оказывается не русским, а немцем (Штольц), но он-то как раз изображается Гончаровым безо всякой симпатии, зато Обломова, умершего от ожирения сердца, сам Штольц величает "хрустальным сердцем".

И Пушкин, и Лермонтов довольно добродушно относятся к своим бездельникам-героям, а Быков напоминает еще о "проклятиях труду, нёсшихся из уст Чехова («Дом с мезонином»), Горького («На дне»), Шаламова. И далее, поясняя свою мысль, он говорит: "Всё в России делается не рациональным и тяжёлым трудом, а гениальным озарением либо мудрым бездействием."

Можно добавить, что протестантская этика была тесно связана с нарождающимся капитализмом, а мыслящая часть общества в России заботу о прибылях никогда не приветствовала, она казалась делом низким, скучным, не достойным высоких порывов души. Как формулировал это Достоевский: «В Европе — выгода, у нас — жертва».

В общем-то, в этой апологии бездеятельности, можно сказать, выявилась суть русского национального характера, отразившаяся не только в литературе, но, что в данном случае гораздо важней, и в народном творчестве — в сказках и былинах. Вспомним Емелю-дурака и сказку о рыбаке и рыбке, и Илью Муромца, тридцать лет и три года просидевшего или пролежавшего на печи…

Говорят, что вся советская история есть отрицательный опыт построения общества. По аналогии можно сказать, что русская литература (та ее часть, которая стремилась быть «учебником жизни» — Чернышевский) показывает не как надо жить, а как не надо?

И как раз Достоевский изображает это наиболее разносторонне и основательно, с глубоким пониманием психологии своих героев, потому что сам отчасти был в их шкуре и испытал все это на себе.

Так, в частности, то, как поступили со студентом Шатовым в «Бесах, было запланировано, но не успели осуществить и в кружке Петрашевского, к которому принадлежал Достоевский. Но, как мы знаем, группой Нечаева именно такое ритуальное убийство студента, пожелавшего выйти из террористической организации, было реально осуществлено. Эта история широко обсуждалась в то время, и именно она была положена Достоевским в основу своего романа.

Вообще кажется, что в русской литературе герои сплошь отрицательные: действительно, кто из них сделал что-то хорошее, кто кого-нибудь осчастливил? Онегин, Печорин — убийцы. Конечно, в то время кодекс чести был таков, и дуэли не считались уголовным преступлением, хоть и не разрешались… И все же… Мы же не можем простить ни Дантеса, ни Мартынова, сколько бы нам ни объясняли, что они вынуждены были стреляться, и вслед за любимым поэтом с горечью повторяем: «Пустое сердце бьется ровно. В руке не дрогнул пистолет…»

Разве только Пьер Безухов и князь Мышкин задуманы авторами как положительные образы? Но они, как это обычно и бывает с положительными героями, какие-то странные, как бы не от мира сего. Авторам как будто неловко за них: они не умеют вести себя в обществе, не знают, по выражению Толстого, как войти и как выйти.

А каково отношение к женщине? Конечно, ни о каком культе прекрасной дамы, как это было на Западе, и речи нет. Вспомним слова Базарова об Ольге: «Этакое богатое тело! Хоть сейчас в анатомический театр». Неприкрытый цинизм!

В чем видел предназначение женщины Лев Толстой? Как любуется он располневшей, не следящей за собой Наташей, всецело занятой своим материнством! Как строго осуждает даже свою любимицу Анну Каренину за нарушение святости брака! Конечно, эту святость должна хранить только женщина, а мужчина свободен от всяких стесняющих его условностей!

У Достоевского мы видим сочувствие к женщине, у которой, как он представлял, было только два пути: продаться мужу или продаться всем желающим. И первый путь порой был не легче второго. В повести “Кроткая” писатель показывает, что было бы с Дунечкой Раскольниковой, выйди она замуж за Лужина. От постоянных попреков мужа, как выяснилось, по-своему любившего ее, но не сумевшего справиться со своим гнусным характером, со стремлением постоянно унижать взятую из нищеты жену, “кроткая” кончает жизнь самоубийством…

На искренние человеческие отношения надежды мало.

Равные, партнерские — даже не предполагаются.

Из школы мы вынесли представление об обаятельном герое Льва Толстого — Андрее Болконском. Но позвольте напомнить вам его размышления:

«Я никогда никому не скажу этого, но, Боже мой! Что же мне делать, ежели я ничего не люблю, как только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи — ничего мне не страшно. И как ни дороги, ни милы мне многие люди — отец, сестра, жена — самые дорогие мне люди — но, как ни страшно и неестественно это, кажется, я всех их отдам сейчас за минуту славы, торжества над людьми…“

Здесь на весы положены, с одной стороны, — слава, которая понимается как торжество над людьми, а с другой — жизнь самых дорогих и близких людей. Стоит ли после такого чудовищного признания одного из самых благородных героев русской литературы удивляться той легкости, с которой жертвуют человеческими жизнями ради карьеры или славы Наполеоны всех масштабов во все времена?

Образ Наполеона был весьма притягателен для русской мыслящей части общества. Как сказал Абрам Терц (Андрей Синявский) в своей нашумевшей и, я бы сказала, провокативной

работе “Прогулки с Пушкиным”: “Ею — сверхчеловеческой личностью, возникшей из пустоты и себе лишь обязанной восхождением к мировому престолу, — бредил век.”

Упоминание о Наполеоне мы встречаем не только у Толстого и Достовского, но и у Пушкина:

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно…

Любой человек, сделавший себя сам, добившийся успехов вопреки обстоятельствам, всегда привлекает к себе внимание людей. А если результаты его действий таковы, что в их орбиту оказываются втянуты страны и народы, миллионы и миллионы людей, то это завораживает. Особенно русских мальчиков, у которых, по словам Ивана Карамазова, «то, что в Европе — гипотеза, тотчас же становится аксиомой».

Вот именно это свойство русских мальчиков и раскрывает в своих произведениях Достоевский. Дмитрий Быков говорит:

“Собственно, весь Достоевский в том, что вопрос задается в одной плоскости, а ответ дается в другой. В «Преступлении и наказании» он задан в плоскости отвлеченно-нравственной: можно ли убить старуху, почему бы и не убить старуху, — а ответ дан в физиологической: убить-то можно, но вместо сверхчеловека из убийцы получится раздавленная тварь дрожащая, такова уж особенность человеческой психики. Можно ли устраивать революцию — как в «Бесах»? Можно, но из величайшей свободы именно в силу личной человеческой природы получится величайшее закрепощение”.

Европейцы могли позволить себе задавать подобные вопросы, как выражается Быков, в плоскости отвлеченно-нравственной (они и так достойно жили), да и то Ницше, поставившему его в виде «гипотезы», далось это нелегко, и, возможно, способствовало развитию наследственного душевного заболевания. А у русских не было сил и времени ждать, им нужно было избавляться от рабства, культивируемого веками и потому глубоко сидящего в их душе. Вот почему они и принимали подобные идеи как руководство к действию. Вот почему, начиная с размышлений в духе Гамлета: «Тварь ли я дрожащая или право имею?», быстро оказывались в стане Дон Кихота и начинали действовать, не размышляя, не пытаясь осознать все последствия своего безрассудства.

В «Отцах и детях» Тургенев приводит слова Аркадия Кирсанова своему дяде, Павлу Петровичу: «Мы ломаем, потому что мы сила… Да, сила — так и не дает отчета, — проговорил Аркадий и выпрямился.”

Обратите внимание на эту деталь: «выпрямился». Очень красноречиво, не правда ли?

Поскольку у европейской, в том числе и русской, литературы и религии основная проблема общая («Для чего люди живут?»), то, естественно, для более глубокого понимания литературы желательно знать главный источник религиозных идей и сюжетов — Библию.

Например, в “Преступлении и наказании” есть эпизод, который невозможно понять, если не знать соответствующего места из Евангелия, потому что на этом знании построен подтекст разговора.

Вот этот эпизод: следователь Порфирий Петрович приглашает к себе в контору на беседу Раскольникова, которого он подозревает в убийстве старухи-ростовщицы и ее сестры. Прямых доказательств у следователя нет, и он пытается добиться признания, воздействуя на психику преступника. Порфирий Петрович спрашивает Раскольникова, верует ли тот в воскрешение Лазаря и, получив утвердительный ответ, уточняет, буквально ли верует. Раскольников подтверждает, а потом, придя к Соне, просит прочитать ему соответствующий отрывок из Библии, чтобы лучше понять, что имел в виду Порфирий Петрович.

О чем идет речь? О главе, в которой рассказывается, что Христос, узнав о смерти своего друга Лазаря, пришел с учениками к его дому.

У Лазаря было две сестры: Марфа и Мария (католическая церковь отождествляет последнюю с Марией Магдалиной)

Мария верила в то, что Иисус сможет воскресить брата, а Марфа считала это невозможным: ведь прошло много времени, он уже смердит!

Христос с помощью Бога-отца воскрешает Лазаря, а дальше в Библии следует важнейшая фраза, которая в тот момент окрылила Раскольникова

и утвердила его в своей правоте: “Тогда многие из Иудеев, пришедшие к Марии и увидевшие, что Он сотворил, уверовали в Него.”

Вот и он, Раскольников, на полученные у убитой старухи деньги осчастливит людей, и они уверуют в то, что он “право имел”, что он только “вошь убил!”

Раскольников здесь дерзает поставить себя рядом с Христом, не сознавая всего кощунства своих рассуждений! Но одновременно Родион воплощает в себе и сомневающихся иудеев, и Лазаря, который может воскреснуть.

Именно в этом смысл намека Порфирия Петровича: воскрешение Лазаря произошло через четыре дня после его смерти, четыре дня прошло и после преступления Раскольникова к моменту первой его встречи со следователем. “Надеется ли Родион на воскрешение своей души — ведь она уже смердит?” — вот, что хотел сказать Порфирий Петрович своим, казалось бы, не связанным с делом вопросом об отношении Раскольникова к сцене воскрешения Лазаря.

Соня, в свою очередь, прочитав эту сцену, укрепляется в своей надежде: Бог Всеблаг и Всемогущ, он не допустит, чтобы Полинька пошла по ее пути, как то предрекает Раскольников, объясняя бедной девушке бесполезность ее жертвы.

Этот эпизод, помимо того, что знакомит читателя с позициями героев, интересен и важным психологическим моментом: мы видим, как люди под влиянием идей, которыми они руководствуются в жизни, совершенно по-разному воспринимают, толкуют один и тот же факт.

А иной раз, опять-таки под влиянием идеи, люди, напротив, объединяются в своей неправоте в единое целое — в некий, я бы сказала, монолит, что особенно опасно.

… На заключительном уроке по творчеству Достоевского я напоминала учащимся о вопросе, который Раскольников задает Соне во время его второго визита к ней — после того, как Лужин обвинил несчастную девушку в воровстве. Не находящий себе места после совершения преступления, стремящийся найти точку опоры, чтобы удержаться, не отступиться от своих убеждений, Родион обращается к Соне, которая воплощает для него правду и совесть мира: «Вот если бы тебе, Соня, решать — Лужину ли жить, а Екатерине Ивановне умереть, или Екатерине Ивановне жить, а Лужину умереть, то что бы ты выбрала?»

Ответить на этот вопрос, предварительно закрыв книгу, я просила каждого ученика в отдельности, и всегда все до одного, не колеблясь, присуждали к смерти Лужина.

А затем мы читали, что ответила Соня. «Разве я Бог, чтобы решать, кому жить, а кому умирать?» — слышали студенты то, что уже видели и читали прежде, но не зафиксировали, пропустили мимо своего сознания.

Этот простой и глубокий смысл Сониных слов, к сожалению, пропускают, не осознают очень и очень многие читатели, бездумно-жестоко решая судьбы сначала литературных героев, а потом, порой, и реальных людей…

Надо сказать, что Россия по своему культурологическому типу страна восточная, азиатская. Петр Первый, по образному выражению Пушкина, вздернул ее на дыбы, чтобы прорубить окно в Европу. Но как сделать европейской страну, в которой все сверху донизу рабы, где все, без исключения, являются подданными царя и он может в любой момент лишить любого из них не только всех прав состояния, но и жизни?

Это положение подкреплялось авторитетом церкви, которая себя позиционировала как связующее звено между Богом и людьми. То есть получалось, по слову Пушкина, что не только «нет правды на земле. Но правды нет — и выше.” Вот почему Михаил Юрьевич Лермонтов, один из самых ярких и любимых русских поэтов, не принимая такого положение вещей, провозгласил главной идеей своего творчества «С небом гордую вражду!»

Верхушка русского общества, побывав в Европе, увидела пропасть, которая отделяет ее от России. Приобщившись к европейским ценностям, эти молодые люди захотели изменений и в своей стране. Отсюда декабристы. Но их бунт был связан со стремлением обрести свободу только для своего класса, для дворян.

Следующее поколение бунтующих людей[1] не ограничилось желанием улучшить условия

1 «Бунтующий человек» — самое знаменитое произведение Альбера Камю, французского писателя, публициста и философа, лауреата Нобелевской премии по литературе 1957 года, получившего при жизни нарицательное имя «совесть Запада».

своей жизни, их волновали главные вопросы мироздания: “Что делать и можно ли дальше жить, если в мире больше нет Бога, а, стало быть, мир не имеет смысла, и человек в нем смертен?“

Это вопрос, пусть не так точно сформулированный, был поставлен перед человеком во всей остроте еще в 19 в., и его-то и исследует Достоевский в своем творчестве. Как писал русский религиозный философ Николай Бердяев, «Достоевский берет человека отпущенным на свободу, вышедшим из-под закона, выпавшим из космического порядка и исследует судьбу его на свободе… открывает неотвратимые результаты путей свободы.” А сам писатель так описывал состояние современного ему общества: «…точно с корней соскочили, точно пол из-под ног у всех выскользнул».

Писарев, анализируя роман “Преступление и наказание”, ставит вполне закономерный вопрос: “В чем причина преступления Раскольникова — «в кармане» или «в голове»? Сам Достоевский рассматривает эту проблему со всех возможных сторон.

Если бы Раскольников просто совершил уголовное преступление из-за бедности, то не было бы ни гениального романа, ни даже детектива, потому что преступника искать не надо: он сразу обозначен.

Да, в какой-то мере его стесненное положение могло послужить спусковым крючком, но, как мы знаем из других романов Достоевского об идеях, порабощающих людей, этот мотив, который увидели некоторые читатели и критики, вовсе не обязателен и тонет в системе авторских опровержений — в частности, с помощью приема двойников.

Надо заметить, что фамилия главного героя — Раскольников — неслучайна. Первое ее толкование: потомок раскольников (на это намекает его мать), а, значит, некий фанатизм, истовость в характере должна присутствовать. Но главное другое: он расколот на части, и читателю вместе с автором предстоит собрать его из этих отдельных частей.

Достоевский был великим психологом, показавшим, что человек не одномерен, каким его изображали в классической литературе (например, у Фонвизина в «Недоросле» тоже говорящие фамилии — Правдин, Простаков, Скотинин. Но все они выделяют только одно, главное качество). От Достоевского мы узнаем, что в каждом человеке намешано столько всего, что порой трудно понять, как это может совмещаться в одной личности.

Вообще говоря, людям давно было известно о том, что «в человеческой психике существует одновременно несколько аспектов одной и той же личности, а человек, как таковой, есть продукт одновременного совмещённого действия всех этих личностей.” (Роберт Стивенсон, автор знаменитой повести «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»).

Повесть много раз инсценировалась и экранизировалась, поэтому нет нужды подробно рассказывать о том, как один человек то был злодеем (мистер Хайд), то допропорядочным доктором (мистер Джекил), чем вводил всех окружающих в заблуждение и вызывал полнейшее недоумение. По форме повесть — переосмысление традиционной для романтизма темы двойничества.

У Достоевского в романе также присутствует тема двойничества, но решена она совсем в другом, гораздо более сложном, новаторском духе: во-первых, там нет никакого романтического флера, никакой загадочности, а, во-вторых, двойники Раскольникова — это не схемы, а живые, полнокровные, самостоятельно действующие лица, каждый из которых имеет свою историю и свои взаимоотношения не только с Раскольниковым, но и с другими персонажами. Каждый из двойников уточняет, раскрывает одну из сторон образа Раскольникова, олицетворяет один из возможных вариантов развития личности Родиона. Это Разумихин, Лужин, Свидригайлов, Лебезятников, маляр-раскольник Николай и даже Соня, а также несколько проходных персонажей.

Соня, ее отец и мачеха, мать и сестра самого Раскольникова — все эти люди живут в очень стесненных условиях, но не помышляют о том, чтобы с помощью преступления изменить свое положение. Но, могут возразить, это — женщины (пьяница Мармеладов не в счет).

Что ж, тогда обратимся к образу Разумихина: здесь уже полное совпадение ситуации, но и Разумихин также не признает такого выхода.

Соня, Дуня и маляр-раскольник как бы дублируют другую идею Родиона — взять страдание на себя. Лебезятников доводит до

предела, до пошлости образ человека, являющегося рабом идеи, Лужин — человека, пытающегося управлять судьбами людей, а Свидригайлов является законченным образом своеволия: Раскольников сознательно преступил закон ради идеи, Свидригайлов тоже сознательно преступил закон, но ради наслаждения.

Как писал Дмитрий Мережковский, все три основные, параллельно развивающиеся завязки романа — драма Раскольникова, Сони и Дуни — показывают загадочное, роковое смешение в жизни добра и зла. Все они наполовину преступники, наполовину святые. В то же время в развратном, погибшем человеке — в Свидригайлове — вдруг открывается возможность добра и великодушия, когда он вдруг отпускает Дунечку, которая, казалась бы, в закрытой комнате гостиницы была в полной его власти.

"Человеку для его существования абсолютно необходима свобода. Но на путях свободы человека подстерегает опасность своеволия,"— писал Николай Бердяев. Понятно, что особенно эта опасность сильна для людей и стран, где нет опыта свободной жизни, каковой является, в частности, Россия. Именно здесь идея своеволия принимает наиболее уродливые формы. Известно, что перенесенные страдания (жестокие родители, пьяница-отец, крайняя бедность, учеба на медные пятаки, трудные первые годы эмиграции и т.д.) действуют на людей двояко: одни не хотят повторения такой ситуации ни для кого, а другие рассуждают так: «Мы наелись дерьма, теперь ваша очередь».

К последнему типу относится Лужин, а к первому — Раскольников, но своеволие, затрагивающее чужую свободу, приводит их обоих к одному и тому же бесчеловечному результату.

Опасность своеволия возникает тогда,
когда те или иные религиозные или светские устои перестают удовлетворять людей. В мире, как известно, есть добро и зло. Как может Бог, задаются многие вопросом, попустительствовать злу? Ведь Он Всеведущ, Всеблаг и Всемогущ! Этот вопрос (Лейбниц назвал его теодицеей) особенно остро встал в монотеистических религиях, потому что в язычестве есть разные боги — добрые и злые. И они борются: иногда побеждают добрые, иногда злые. Все понятно.

Религиозные мудрецы нашли выход: Бог, де, сознательно наделил людей свободной волей. Да, наделил, но… Фараон, конечно, сам отпустил евреев из Египта, но принять такое решение ему очень помогли 10 казней египетских, которые Бог «устроил» властителю. Похоже, не правда ли, на то, как отжимают бизнес в России у более слабых: те тоже сами подписывают все, что от них требуют…

Христос решил взять на себя все грехи мира, чтобы человечество могло начать жить с чистого листа. Стало ли меньше зла в мире? Стали ли люди лучше? Нет, ничуть: именно именем Христа совершались кровавые крестовые походы, именно его именем устраивались антиеврейские погромы, именно его именем жгли еретиков.

Коль религиозная идея перестала удовлетворять людей, то, возможно, цивилизационный прогресс решит проблемы справедливого устройства общества, как на то надеялись некоторые? Нет, он только усугубил ситуацию: возникли небывалые возможности уничтожения людей. И это понятно: ведь цивилизация делает лучше нам, а не нас.

Для меня наиболее привлекательна позиция Конфуция из китайской притчи: "Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учитель сказал: «А чем же тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости, а за добро — добром."

Вернемся к Достоевскому. Одна из недодуманностей теории Раскольникова состоит в том, что он не определил, куда, к какому разряду отнести Сонечку, Дунечку, мать? Готов ли он, как в свое время Болконский, жертвовать ими? Тот для славы, а Раскольников — для справедливого устройства жизни? Но будущая справедливость для всех начинается с огромной несправедливости для конкретных людей. И где гарантия, что будет осуществлена эта общая справедливость? Возможна ли она вообще? Это то, над чем размышляет, мучается другой герой Достоевского — Иван Карамазов, и к этому мы еще вернемся.

Итак, как мы видим, идея Раскольникова не выдерживает проверки практикой, но еще долго наш герой не отказывается от нее, он только делает вывод, что сам не является тем сильным человеком, который не боится последствий содеянного. Вспоминая, как Наполеон впервые в истории человечества использовал артиллерию против безоружных людей, с чего и началось его

восхождение к власти, Родион рассуждает сам с собой: «Прав, прав «пророк», когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостаивая даже и объясниться».

Читателю хочется надеяться, что под влиянием Сони, может быть, Раскольников пересмотрит свои представления, как пересмотрел их раненый Болконский. Но, вообще говоря, Болконскому просто повезло больше: ему не представился случай действовать. У него было время, если использовать образ Юнга, увидеть «свою тень», т.е. темные стороны своей души, и под Аустерлицем, глядя в бесконечное небо, изжить их. Раскольникова же мы застаем в тот момент, когда он еще не сумел преодолеть в себе своеволия, а повод проявить его, к несчастью, «подвернулся». И даже не просто подвернулся: автор подводит читателя к мысли, что все роковые совпадения (подслушанная теория студента о двух разрядах людей; подслушанный разговор Лизаветы, сестры и сожительницы старухи, с мещанином, откуда Родион узнает, что ее в 7 часов не будет дома; чей-то крик, когда он прилаживал топор в петлю, пришитую внутри пальто: «Семой час давно!») подталкивают, вовлекают его в преступление, «точно он, — как замечает писатель, — попал клочком одежды в колесо машины и его начало в нее втягивать».

На путях свободы, кроме соблазна своеволия, отмечал Бердяев, есть и другая опасность, другой соблазн, когда свободный человек может попасть под власть свободно выбранной им идеи.

К чему это приводит, Достоевский показывает не только в “Преступлении и наказании”, но и в “Бесах”, и в “Братьях Карамазовых”.

Если Родион Раскольников, восприняв теорию о двух разрядах людей, сам преступает закон и сам несет и юридическое, и нравственное наказание, то в “Братьях Карамазовых” развитие подобных мыслей подводит Ивана к идее вседозволенности, юридическое наказание несет его старший сводный брат Дмитрий, который неоднократно грозился убить отца, а реально совершает это убийство незаконнорожденный брат Ивана и Дмитрия — Смердяков, который не выдерживает груза вины и вешается. Сам же Иван, понимая, что именно он подтолкнул лакея к этому шагу, сходит с ума.

Еще более опасные формы воздействия страшной идеи своеволия показаны писателем в “Бесах”. Собственно говоря, бесовщина — это одержимость идеей, отъединяющей человека от реальной жизни. Петр Верховенский, исступленно верящий в Ивана-Царевича — Ставрогина, Кириллов, решивший доказать истинность своей идеи путем самоубийства, и даже Шатов, фанатически верящий в богоносность русского народа, — все они становятся рабами своей идеи, своего исступления, к которым, умело манипулируя, подталкивает их бес-искуситель Ставрогин.

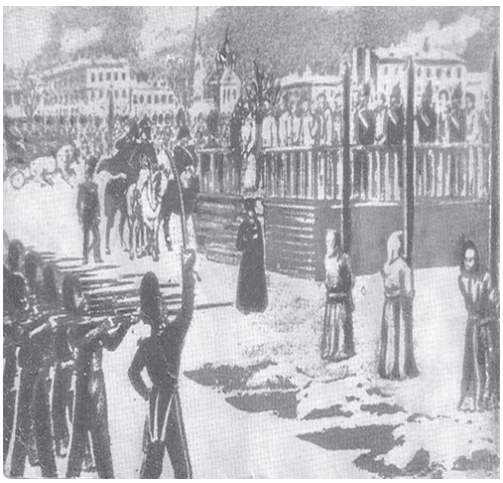
Так, он весьма ловко использует суицидальные наклонности своего духовного ученика Кириллова. Суть идеи последнего — необходимость избавиться от Бога, который есть не что иное, как «боль страха смерти», и заявить своеволие, убив самого себя и став, таким образом, Человекобогом. Само же самоубийство Кириллова нужно Ставрогину, чтобы прикрыть намеченное убийство студента Шатова (Кириллов согласился в предсмертной записке взять вину на себя)

Шатов захотел выйти из дела, куда попал только из-за душевной травмы — его бросила женщина. Потом она вернулась, и ему больше ничего не нужно: он мечтает об обычной человеческой жизни. Но криминальные авторитеты всегда поступают в таких случаях одинаково: единство остальных должно было быть скреплено кровью, т.е. общим участием в преступлении.

Шигалев со своей программой «конечного разрешения вопроса» доводит до логического конца не совсем конкретные высказывания Ставрогина. Суть его теории в разделении человечества на две неравные части, из которых одна десятая получает свободу и безграничное право над остальными девятью десятыми, превращёнными в стадо.

«Бесы» — один из самых сложных философских романов писателя — отчасти отражает тот период его жизни, когда он стал революционером под влиянием Николая Спешнева — лидера левого крыла петрашевцев. Впоследствии этот “премудрый змий” был воплощен в образе главного героя «Бесов» — прекрасного и опасного Николая Ставрогина. Многие другие герои романов Достоевского (например, Версилов в «Подростке») также были списаны со Спешнева — человека, которого Достоевский одновременно и ненавидел, и обожал, и из-за которого попал на

четыре года на каторгу, описанную им в романе «Мертвый дом»

На картине отмененная в последнюю минуту казнь «петрашевцев». Спешнев стоит в середине, Петрашевский (справа) сошел с ума и сорвал с себя капюшон, а Достоевский стоит в очереди в ограде с остальными 18-тью приговоренными. Позже он намекнет на эту историю в романе «Идиот», когда Епанчины попросят рассказать что-нибудь интересное.

Себя же в «Бесах» писатель персонифицировал отчасти, как Шатова, отчасти, как Верховенского, отчасти как всех, кто окружал Ставрогина, и даже некоторыми своими чертами наделил и самого главного героя.

Фактически весь роман «Бесы» посвящен разгадке тайны Ставрогина, поскольку душевная смута главного героя, его духовная раздвоенность захватывает сначала несколько его учеников, затем целые кружки, а потом, наконец, и весь город.

Для Достоевского распад личности главного беса символизирует религиозный кризис, переживаемый Россией.

Наиболее глубоким, можно сказать, итоговым, охватывающим многие стороны жизни России, да и всего человечества, стал последний роман Достоевского “Братья Карамазовы”. Он публиковался в журнале «Русский вестник» в 1879-1880 гг. и вызвал множество отзывов как читателей, так и критиков. «Никогда я еще не имел такого успеха», — писал автор. С выходом в свет этого романа Достоевский стал в глазах читателей духовным учителем.

Одна из проблем, которая волнует главного героя романа Ивана Карамазова, как в свое время волновала другого литературного героя, Андрея Болконского (а на самом же деле их авторов) — это мысль о невозможности, невыполнимости заповеди «Возлюби своего ближнего, как самого себя». Вот размышления Болконского по этому поводу: «Всё, всех любить, всегда жертвовать собой для любви значило никого не любить, значило не жить этою земною жизнию.”

Несколько в иной плоскости, исповедуясь перед Алешей, трактует эту евангельскую заповедь Иван Карамазов:

Я тебе должен сделать одно признание: я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних.” И далее: “Вопрос ведь в том, от дурных ли качеств людей это происходит, или уж оттого, что такова их натура. По-моему, Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо. Правда, он был Бог. Но мы-то не боги. Положим, я, например, глубоко могу страдать, но другой никогда ведь не может узнать, до какой степени я страдаю, потому что он другой, а не я…

“…Отвлеченно еще можно любить ближнего и даже иногда издали, но вблизи почти никогда…”

Эти сомнения, порой даже не в универсальности религиозных догм, а в простой возможности их выполнения, приводят некоторых людей к атеизму, а вслед затем и к аморализму, так как они не представляют возможности существования нравственности вне религии.

Даже более естественная максима конфуцианства и иудаизма — “не делай другому, чего не хочешь себе” — оказывается также не очень работающей отчасти в силу того, что некоторые почитают, по словам Пушкина, “всех нулями, а единицами себя”.

Есть и другая прекрасная максима, или аксиома, еще в 18 веке провозглашенная Французским Конвентом: «Свобода одного гражданина кончается там, где начинается свобода другого.“ Как заметил Виктор Гюго, “в одной этой фразе заключены все условия совместного существования людей».

Но и на этом не сошлись, не примирились люди.

Знаменитый философ и общественный

деятель 20 в. Исайя Берлин высказал такую мысль:

“Свобода, равенство и братство, которые были на знамени французской революции, — это первичные цели, к которым веками стремились люди; но абсолютная свобода для волков — это смерть для овец. Полная свобода для сильных и одаренных несовместима с тем правом на достойное существование, которое имеют слабые и менее способные.” И, кроме того, — как замечает он же: “Суровая справедливость — абсолютная ценность для многих, но она несовместима с милосердием, которое в конкретных случаях не менее ценно для тех же самых людей”

.

Я не вижу здесь несовместимости: в иудаизме, наряду с самой суровой справедливостью (“око за око, зуб за зуб”), есть место и милосердию. Но к кому? К тем, кто слаб в силу естественных причин: к детям, старикам, вдовам, работникам. А не, например, к горьким пьяницам, как Мармеладов, устами которого как раз и проповедуется надежда на милосердие Бога, а, точнее, на Его всепрощение.

Федор Михайлович писал: “Высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее.” И для самого писателя понятия справедливости и милосердия — краеугольные камни его философии.

Но сами эти понятия у Достоевского как-то своеобразно преломляются. Как замечает русский религиозный философ С.Л.Франк в статье от 1932 г.: *«По Достоевскому, зло, слепота, хаотичность, дисгармония не только вообще присущи человеку, но в каком-то смысле связаны с его последним, глубинным существом». При этом: «Беспощадное обличение человека как-то само собой переходит в своеобразное оправдание его. Мы ощущаем это прежде всего чисто эстетически: Достоевский не отворачивается с брезгливостью или презрением ни от одного человеческого существа, как бы дико, зло и слепо оно ни было».*

Мысль Франка хорошо иллюстрирует монолог Мармеладова: “Бог всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смирных!”? И это при том, что сам он понимает: “…Жалеть! зачем меня жалеть! Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть!”

Другой известный русский религиозный философ, исследователь творчества писателя Сергей Булгаков величие Достоевского усматривал в том, что ”дух нашего романиста” не только сформулировал с пророческой прозорливостью проблему Ницше (проблему атеистического аморализма), но и в противоположность немецкому философу оказался «способен рядом с душою Ницше— Ивана вместить душу Алеши и пророческий дух старца Зосимы».

Достоевский, может, и вместил, да очень уж неубедительны они оба: и Алеша, и его духовный наставник.

«Русский инок», шестая книга “Братьев Карамазовых”, раскрывающая учение старца, следует непосредственно за исповедью Ивана Карамазова. Таким образом, Достоевский композиционно ставит старца Зосиму в положение идейного антипода брата Ивана. Их главное разногласие — в отношении к миру. Зосима выражает его умиленно-восторженно, а Иван бунтует против действительности, основанной на слезах и крови детей . “Богомученичество” Ивана кажется понятным Зосиме, но на самом деле они говорят о разном: старец имеет в виду Богочеловека, т.е. Христа, а его собеседник — Человекобога, т.е Сверхчеловека. Если бы Зосима на самом деле понял Ивана, он вряд ли бы дал ему такой совет: «Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, ищи восторга и исступления сего, омочи землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои”.

Но, по-видимому, эта идея была очень дорога писателю, так как и в более раннем романе («Преступление и наказание») звучит подобный совет. Он исходит от Сони Мармеладовой, и Раскольников принимает его:

“…Всё разом в нём размягчилось, и хлынули слёзы. Как стоял, так и упал он на землю… Он стал на колени посреди площади, поклонился до земли, поцеловал эту грязную землю с наслаждением и счастием…”

Чутье художника не позволило Достоевскому сделать из покаяния Раскольникова душещипательную сентиментальную сцену:

— Ишь нахлестался! — заметил подле него один парень. Раздался смех.

— Это он в Иерусалим идет, братцы,

с детьми, с родиной прощается, всему миру поклоняется, столичный город Санкт-Петербург и его грунт лобызает, — прибавил какой-то пьяненький из мещан.

В этой обстановке Раскольников не смог произнести рвавшиеся из него слова: “Я — убийца!”

Современная Достоевскому либеральная критика не приняла образа старца Зосимы. Известный русский религиозный философ К.Н. Леонтьев в статье «О всемирной любви» (1880 г.) упрекал Достоевского в серьезном уклонении от “церковного пути”:

«Братство по возможности и гуманность действительно рекомендуются Святым писанием Нового завета для загробного спасения личной души; но в Святом писании нигде не сказано, что люди дойдут посредством этой гуманности до мира и благоденствия. Христос нам этого не обещал… Это неправда…»

Но, что еще более симптоматично, оптинскими старцами, в том числе и самим старцем Амвросием, ставшим прототипом Зосимы, этот образ также был отвергнут.

Иван Сергеевич Тургенев в статье “Гамлет и Дон-Кихот” писал:

“Все люди живут — сознательно или бессознательно — и силу своего принципа, своего идеала, т. е. в силу того, что они почитают правдой, красотою, добром. Многие получают свой идеал уже совершенно готовым, в определенных, исторически сложившихся формах; они живут, соображая жизнь свою с этим идеалом, иногда отступая от него под влиянием страстей или случайностей, — но они не рассуждают о нем, не сомневаются в нем; другие, напротив, подвергают его анализу собственной мысли ”.

Братья Карамазовы в этом плане являются, можно сказать, антиподами: если Алеша относится к первому типу людей (а таким, конечно, жить легче: им все кажется ясным и понятным), то Иван, без сомнения, — человек второго типа: он, как и все главные герои Достоевского, идеолог, все подвергающий сомнению, стремящийся создать собственную теорию правильного устройства жизни людей.

Черт, являющийся Ивану в бреду (по замыслу автора, он — персонификация некоторых сторон души Ивана), говорит про подвижников, которых последнему приходилось искушать и душа которых “стоит целого созвездия”: “такие бездны веры и неверия могут созерцать в один и тот же момент, что, право, иной раз кажется только бы еще один волосок — и полетит человек «вверх тормашки».

Именно об этом — о безднах веры и неверия — мы узнаем из беседы Ивана и Алеши Карамазовых в главе “Братья знакомятся”. Иван говорит Алеше, призывающему его любить жизнь, не задумываясь о логике ее:

“Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка… Не стоит потому, что слезки его остались неискупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем, чем ты искупишь их? Разве это возможно? Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены …. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. Это и делаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю”.

Возвратить Богу билет — значит, отказаться от жизни. Но Иван пока не помышляет об этом: может, к 30 годам “и разобьет свой кубок”, а пока хочется припасть к европейским могилам, да и клейкие весенние листочки, да и голубое небо, да и женщины еще волнуют его: он ведь всего только двадцатитрехлетний желторотый птенец, как говорит Алеша. Как же жить с этим противоречием? Остается, по мнению Ивана, одно: признать, что Бога нет, и все позволено.

В мире сложились два типа воспитания, два типа привития правил человеческого общежития: с помощью культуры вины и страха наказания или с помощью культуры чести и стыда, страха потери лица. Например, в восточном менталитете (Китай, Япония и иже с ними) господствует второй тип: потеря лица в кодексе чести самураев, например, требовала незамедлительно совершить харакири. Но и наказание, конечно, не исключается: в Древнем Китае за нарушения одного человека

могли наказать всю семью, а то и всю деревню.

В иудео-христианском мире господствует первый рычаг — страх вины и наказания. Причем, наказание не только и не столько людьми, сколько, главное, Богом. Правда, у русской аристократии кодекс чести также требовал при потере лица (проигрыш сражения, растрата казенnых денег) стреляться, но он не исполнялся столь уж неукоснительно (вспомним историю замечательного поэта Баратынского: обвиненный в растрате казеных денег, уволенный со службы, он, однако, стреляться не стал).

А на более низком социальном уровне это и вовсе не было принято.

Поэтому, если признать, что Бога нет и не следует опасаться наказания за плохие поступки, то, по мнению некоторых, можно делать все, что вздумается, то есть это именно та позиция, которую формулирует Иван Карамазов. Результат его «умствований» — гибель почти всей семьи. Слишком большая цена, не правда ли? И, в принципе, за подстрекательства, подобные ивановским, во всем мире предусмотрено и уголовное наказание.

Но, главное в другом: Иван Карамазов (как и Родион Раскольников) не додумывает до конца свою позицию: для юного мыслителя мораль оказывается имманентной религиозности. Как же тогда вина Каина? Ведь Бог в его время еще не дал заповеди «Не убий!»?

В главе «Великий инквизитор» Иван высказывает мысль о том, что Римская церковь и масоны подменили учение Христа, потому что все их действия говорят о полном попрании его идей. Если бы Иисус вновь явился в мир, церковные иерархи не допустили бы его общения с народом. Свою позицию «великий инквизитор» объясняет тем, что свободную веру в Бога, к чему стремился Иисус, люди не в состоянии вынести, потому что на самом деле им нужна не свобода, а чудо, тайна и авторитет.

По словам писателя, Римская церковь реально стала государством, а православная, мол, стремится государство сделать церковью. Но это рассуждение выглядит скорее мечтой Достоевского, чем реальностью.

Исайя Берлин в своей статье «Стремление к идеалу» (1958 г.) говорит:

«Думаю, что на человеческую историю в XX в. больше всего повлияли два фактора. Первый — развитие естественных наук и технологии, самый большой успех нашего времени, который всегда и со всех сторон привлекал к себе внимание. Второй — великие идеологические бури, которые изменили жизнь почти всего человечества: это русская революция и все, что за ней последовало; тоталитарные тирании правых и левых, взрыв национализма и расизма, а иногда — религиозный фанатизм. Самые проницательные мыслители XIX в. не предсказывали ничего подобного».

Я думаю, что здесь этот умнейший человек ошибается: конечно, Достоевский не мог предвидеть масштабов явлений, о которых пишет Берлин, но опасность такого исхода чувствовал и о нем предупреждал. В оценке их он был антагонистом Ницше, который, напротив, ждал и призывал явление Сверхчеловека. Достоевский не знал ни марксизма, ни Ницше, но предвосхитил в своих произведениях оба эти течения.

Он одним из первых понял, какое зло несут они с собой, и в своих гениальных произведениях раскрывал их смертельно опасную, нечеловеческую сущность.

Когда античеловеческие идеи покоряют членов одной семьи, группы людей, город — это ужасно. Но когда массы, народы…

О такой страшной возможности провидчески предупреждал Достоевский. Так что предостережение Достоевским было заявлено, и весьма громко, но, к сожалению, как это часто бывает с пророками, его не услышали.

В эпилоге «Преступления и наказания», в третьем сне Раскольникова, им было, можно сказать, предсказано страшное будущее человечества.

Точнее, это был даже и не сон, а некое помрачение рассудка, пережитое Раскольниковым во время лихорадки, которая поразила его на каторге. Тогда перед глазами Родиона развернулись грандиозные фантастические картины:

«Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве… Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в

истине, как считали зараженные».

Фрагмент, описывающий эту галлюцинацию, обнажает перед нами внутреннюю сторону всего случившегося с Раскольниковым. Именно в этот момент мы начинаем понимать уродливый характер непомерной человеческой гордыни, следствием которой является неугасаемое желание подчинить своей воле все окружающее — земельные недра, животных и даже себе подобных. Отсюда — борьба за власть, агрессивность, стяжательство, неразборчивость в средствах, которые используются для достижения цели.

Разве не с этим мир столкнулся в 20 веке? Разве не это же мы видим и сейчас, в 21веке?

Подводя итог, можно сказать, что Достоевский дал нам то знание о человеке, за стремление получить которое гетевский Фауст чуть не заплатил своей душой. Или, по крайней мере, ту часть этого знания, которое формулируется как ответ на вопрос: "Что есть человек?"

В античное время господствовало представление, что от человека мало что зависит: судьба, рок определяют его жизнь. А нравственность понималась как возвышение человека над собой. В эпоху Просвещения (17–18 в.в.) возникло представление о человеке как существе "разумном" с "прекрасной душой", которую с воодушевлением стал воспевать возникший несколько позже (начало 19 в.) романтизм.

В творчестве Достоевского мы находим понимание того, что в душе одного и того же человека могут уживаться, как выразился сам автор, "идеал содомский" с "идеалом Мадонны". Эта нерасчленимость, слияние добра и зла в одном и том же человеке, похоже, — главное открытие Достоевского.

Конечно, и мудрецы Торы, и христианские мыслители знали об этих безднах человеческого духа, но писатель показал нам трудность осознания себя и своего места в мире именно человека новой эпохи — эпохи, когда цивилизация начала секуляризироваться.

При этом Достоевский своими произведениями помогает, можно сказать, воочию увидеть крайнюю опасность неверия в нравственные законы человечества и вытекающее из этого неверия своеволие, а также те катастрофические последствия, к которым приводят людей зацикленность на ложных идеях, на ложных идеалах, которые не в состоянии никого сделать счастливым — ни самих носителей идей, ни их близких. Это та правда, которую открывает нам Достоевский.

А каков "указующий перст" великого писателя? В чем, по его представлению, добро и красота? Достоевский полагал, что спастись можно только верой, прошедшей в его случае через горнило сомнений. "Смирись, гордый человек!" — такова главная идея его творчества.

Как легко заметить, эта идея антагонистична главной мысли творчества Лермонтова: Достоевскому, в отличие от его старшего, рано ушедшего собрата по перу, довелось увидеть, к чему приводит "гордая вражда"!

Но и смирение, покаяние не помогают его героям. Как идея покаяние, может, и прекрасно, а в реальности оно превращается в фарс, в надрыв. Тем не менее, прекрасно зная об этом, Достоевский дважды повторяет свою, казалось бы, такую беспомощную, надуманную и неестественную до фальши рекомендацию. При всем желании непредвзятому читателю принять ее как олицетворение добра и красоты не представляется возможным.

Достоевский хотел верить, что "Россия скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал", но, как заметил Дмитрий Мережковский в своей книге «Л.Толстой и Достоевский. Вечные спутники»,

«это пророчество оказалось преждевременным, потому что сам он не договорил этого слова до конца… испугался последнего вывода из собственных мыслей… дойдя до края бездны, отвернулся от нее и, чтобы не упасть, снова ухватился за неподвижные, окаменелые исторические формы славянофильства, те самые, для разрушения которых он, может быть, сделал больше, чем кто-либо».

О каких «окаменелых исторических формах славянофильства» идет речь? О тех, где утверждалось, что русский народ — это народ-богоносец, что у него особый путь и что ему дано указать другим народам, в чем истина и как следует жить.

Хотя Достоевский, точно нащупав нерв и указав на болевые точки своего времени, не смог

найти способа их излечения, читать его романы без волнения, если не сказать, без трепета, невозможно.

Это связано, на мой взгляд, с двумя причинами: во-первых, время показало, что все острые вопросы, мучившие Россию перед зреющей революцией, остаются наиболее важными для человеческого бытия и сейчас. А во-вторых, Достоевский, как сам говорил, писал свои романы кровью сердца: то, что переживают его герои, было для него не умозрительными рассуждениями, а глубоко прочувствованными личными страданиями. А потому они не могут не трогать читателя.

Известно, что каждое произведение, если оно искренне и сущностно, появляется не из соображений, задумок, а непременно из какого-то сильного чувства — впечатления. Что это за впечатление? Несомненно, мысль о странности и непостижимости человеческой судьбы: почему все сложилось так, а не иначе? А вот если бы… Представляется, что эти вопросы писатель задавал себе не единожды. Несостоявшаяся казнь была, по-видимому, самым сильным, но не единственным потрясением в его очень не простой жизни: ведь он был человеком весьма и весьма сильных страстей и, возможно, не без оснований ощущал себя великим грешником! А изживал он свои грехи творчеством, поворачивая свою жизнь разными гранями в разных воплощениях.

Каждый из многочисленных читателей и исследователей творчества Достоевского ищет и находит у него то, что наиболее важно ему. Для одних — это художественное мастерство писателя: то, как он строит диалоги и внутренние монологи; как использует слова-образы; как описывает соучастника преступления Раскольникова — желтый Петербург с его душными, похожими на шкаф, каморками, летней жарой, запахом известки и невыносимой вонью из распивочных; каким архитектурным шедевром выглядит композиция его произведений и т.д., и т.п.

Для других более существенно глубокое проникновение писателя в человеческую душу: то, с какой силой и проницательностью, с каким бесстрашием Достоевский-психолог открывает слепые, темные, злые глубины человеческого существа, хаос диких страстей, бушующих в человеческом сердце.

Для третьих — предостережение Достоевского-философа: вот к чему приводят безнравственные идеи!

Уже упомянутый мною русский религиозный философ Сергей Булгаков писал: *«В лице Достоевского мы имеем не только бесспорно гениального художника, великого гуманиста и народолюбца, но и выдающийся философский талант».*

А наш современник, прекрасный педагог, бывший преподаватель литературы в Колмагоровском математическом интернате, Юрий Викторович Подлипчук так выразил свое отношение к писателю:

«У меня свой Достоевский. «Моим» его делает острое чувство бездны. У Пушкина и Толстого — твердь, с отдельными провалами. У Тютчева — пропасть и вера в спасение. У Достоевского — кружение в бездне, парение, которое само по себе становится опорой». И еще: «Достоевский — истерика. Но есть такие надломы и узлы, когда высказаться можно только так. Он — единственный, кто вполне постиг предельную искренность и нашел способ открыться в слове человеку. Я понимаю людей, которые не могут выдержать этого напряжения, их приводят в ужас темные двойники. Они есть, и каждый вынимает черта из собственной души».

Но: *“В том и состоит,* — как заметил когда-то И.С.Тургенев*, — особенное преимущество великих поэтических произведений, которым гений их творцов вдохнул неумирающую жизнь, что воззрения на них, как и на жизнь вообще, могут быть бесконечно разнообразны, даже противоречащи — и в то же время одинаково справедливы.”*

А еще, на мой взгляд, следует добавить, что, сколько бы мы ни говорили о великих произведениях и их гениальных авторах, всегда останется что-то недосказанное, что-то недопонятое и непостижимое, что и делает их такими привлекательными и интересными для многих поколений людей разных стран и народов.

Галина Курляндчик

ВПЕЧАТЛЕНИЯ, РАЗДУМЬЯ, БЕСЕДЫ[1]

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ИСТОКАМ «НАШЕГО НАСЛЕДИЯ». ВСТУПЛЕНИЕ

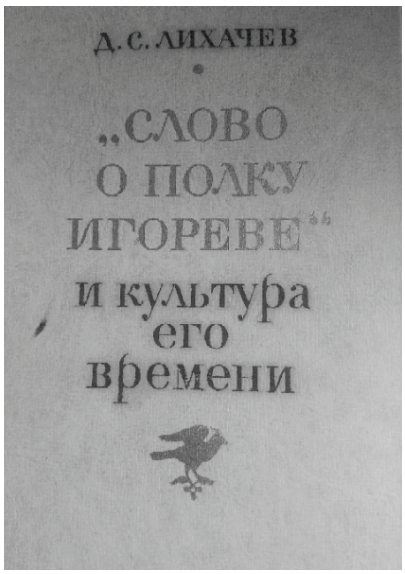
28 июля 2024 года в городе Менло-Парк (Калифорния) состоялся Вечер памяти поэта, писателя, философа Владимира Яковлевича Лазарева (1936-2024), где тепло вспоминали его как человека, поэта, писателя, общественного деятеля и литературного редактора. Многим присутствующим была дорога память о журнале «Наше наследие». Этот советский, затем российский культурно-исторический журнал, учреждённый по инициативе литературоведа академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, издавался в Москве с 1988 по 2018 годы. Владимир Яковлевич был близко знаком с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, который и пригласил его для работы в этом журнале. Мы публикуем главы из книги, в которых речь идёт о сотрудничестве Владимира Яковлевича с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым и публикациях в этом журнале самого Лазарева.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЁВ

Уже после ухода в мир иной Лосева, я узнал, что академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, светлая голова, будучи совсем молодым человеком, отсидел за свободомыслие в Соловецком концлагере, так называемом «СЛОНе» (бывшем Соловецком монастыре).

Галина Курляндчик: Вы с ним познакомились, когда во время «перестройки» в новом журнале «Наше наследие» возглавили отдел литературы (историко-литературных и философских публикаций), а в Фонде культуры, где он был председателем, основали и возглавили Совет содействия библиотечному делу?

Владимир Лазарев: Мы тогда сблизились, а познакомились раньше, когда я написал эпическую поэму «Задонщина» по мотивам одноименной древнерусской повести старца Сафония Рязанца. Я к нему приходил, когда Лихачёв отдыхал в академическом санатории в Узком, бывшем имении Трубецких, приезжая из Ленинграда. Крупнейший знаток древнерусской литературы и культуры вцелом. Дмитрий Сергеевич говорил о русском народе: «Народ среди народов». Он был замечательный рассказчик, воспламеняя собеседника неожиданными идеями и мыслями. Подарил мне несколько своих книг, которые я храню по сей день. Книг, исполненных высокого и глубокого знания: среди них « «Великое наследие» (классические произведения Древней Руси)», ««Слово о Полку Игореве» и культура его времени» и другие. Лихачёв после своего

освобождения не пережил преследований, которые пережил Лосев, как вечно подозреваемый «идеалистически мыслящий». Лихачёву не запрещали быть философом. Его защищала тема исследований. Он был не философ, а крупнейший литературовед. Кроме того, Лихачёв был почитаем, как отзывчивый общественный деятель. Он позвонил мне из Ленинграда, сообщил, что был сильный пожар в библиотеке в Пулковской обсерватории, и по улицам летала пена от обгоревших книг. (Это был не единственный

1 Из книги Галины Курляндчик «Путь жизни и творчества Владимира Лазарева, писателя и мыслителя», 2019

случай в то «перестроечное» время!) «Надо подготовить материалы, — сказал он, — Фонд культуры должен обязательно помочь Пулкову восстановить библиотеку». Я ему дал также сведения о положении библиотек страны для его выступления в Верховном Совете о бедственном положении библиотек и музеев в этот период. Его речь была блистательна. И он сильно переживал, что депутаты её приняли прохладно. Им было не до музеев и библиотек: Жизнь народа на местах была ужасна.

Запомнился мне и незаметный на посторонний взгляд случай. Как я уже, кажется, говорил Вам, я был членом Научного совета по истории мировой культуры Академии наук. На одном из заседаний Совета было решено выпустить основательную книгу-сборник, посвященный Д.С. Лихачёву, к его 90-летию. Я написал статью «Трагедия социума и импульс к возделыванию духовной почвы». И спросил ученого секретаря Совета Татьяну Борисовну Князевскую, как решено назвать сборник. Она сказала: «Как предложил Сергей Сергеевич Аверинцев «Венок Лихачёву». Так и назовём». Я позвонил Дмитрию Сергеевичу и заметил в ходе разговора, что лучше назвать «О русском подвижничестве». «Только не «О», а «Русское подвижничество», — отозвался он.

Надо заметить, что, глубоко любя русскую культуру, он живо интересовался и, можно сказать, почитал европейскую культуру во всём её многообразии. Особенно итальянскую, был италофилом. В этих наших беседах его любимое «народ среди народов» — о русских звучало не только в государственном, но и в самом широком, всемирном смысле. Нельзя не вспомнить его замечательное исследование «Поэзия садов», где он не раз ссылается на Андрея Тимофеевича Болотова (XVIII-XIX вв.), создателя одного из первых пейзажных парков в России, в Богородицке Тульской губернии, автора уникальных записок: «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Это один из моих любимых образов. Я рад беседовать о нём, многократно бывал в местах, связанных с кго жизнью: Богородицке, Дворянинове, Русятине. Много писал о нём в разных жанрах, в том числе, повесть «Возрождение в Богородицке» (Дворянииово должно ещё возрождаться!) По моему сценарию снят документальный фильм «А.Т. Болотов и письма из XIII века». С одним из его потомков Толмачовым мы опубликовали в журнале «Наше наследие» ранее не публиковавшийся «Домашний исторический журнал 1812 года» Болотова (с предисловием и комментариями) о том, что происходило в окрестностях Оки во время Первой Отечественной войны. Много замечательных живых подробностей.

Эхо болотовской жизни докатилось и до иностранцев и заинтересовало их. Об этом в России мало кому известно. Я познакомился в Москве с Присцилой Рузвельт, родственницей знаменитого президента. Потом мы с моей женой Ольгой были у неё в гостях в Вашингтоне. Оказывается, она написала большое исследование о Болотове. И рассказал, что ещё несколько американских учёных последовали её примеру. Я посоветовал Присциле подарить свою работу Богородицкому музею. Там будут удивлены и обрадованы.

ТРИ ЛИЧНОСТИ ТВОРЦОВ: БОЛОТОВ, ЖУКОВСКИЙ И БУНИН

Три личности творцов: кроме Болотова, —Жуковский и Бунин, страстно привлекали моё внимание. Они были независимыми, достойными людьми, так или иначе связанными с Тульским краем. Мне было мало написать о каждом из них один очерк, один рассказ, или даже одну повесть. И отойти в сторону. Хотелось глубже и глубже узнавать их. Страстно притягивали их образы. О Жуковском, как раньше о Болотове, написал сценарий документального кинофильма: «Душа поэта (Жуковский)». В издательстве «Планета» выпустил серии фотографий : «В.А. Жуковский» и «И.А. Бунин» с моими эссе о них на внутренней стороне обложек. Написал несколько статей и очерков о Жуковском. Несколько из них составили книжку, вышедшую в издательстве «Правда» «Уроки Василя Жуковского (очерки о великом русском поэте)» (Москва, Библиотека «Огонёк», 1984 г., № 11). У него была совершенно необыкновенная судьба. Будучи незаконнорожденным сыном одного из дворян Буниных и пленной турчанки Сальхи, Жуковский получил в наследство небольшое имение и двух крепостных, которых тотчас отпустил на волю. Автор поэмы «Певец

во стане русских воинов» (1982 г.) , получившей сразу широкую известность, он по рекомендации поэта И.И. Дмитриева, получил приглашение во Двору и стал чтецом у императрицы. Обладая необыкновенной добротой и правдивостью, Жуковский со временем становится воспитателем будущего Александра II-го, великого царя-освободителя от крепостного права. Василий Андреевич помог освободиться от крепостничества Тарасу Шевченко, фактически выкупил его. Постоянно выступал в защиту правдолюбцев и, в том числе, декабристов, был ходатаем за всех несправедливо осуждённых. Николай I упрекал его раздраженно: «Ты воспитателем при моём сыне.
Как же тебе слыть сообщником людей беспорядочных или осуждённых за преступление?» Жуковский, оборванный на полуслове записал: «У меня есть другой вожатый – моя совесть…» Эти слова могут быть отнесены по сути их жизни и к Андрею Тимофеевичу Болотову, и к Ивану Алексеевичу Бунину.

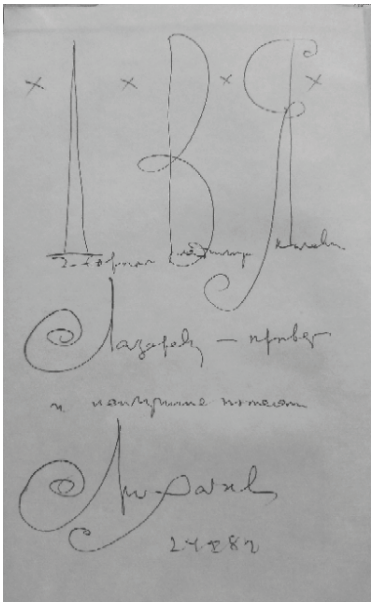
Позже, пребывая в Германии, Жуковский познакомился с Гёте, несколько раз гостил у него в Веймаре, беседовал основательно. Гёте, строгий ценитель, отнесся к нему с большой теплотой и вниманием, открылся душой. Жуковский написал стихи, обращённые к Гёте, перевёл их на немецкий язык и передал великому немцу. У них возникло высокое взаимопонимание.

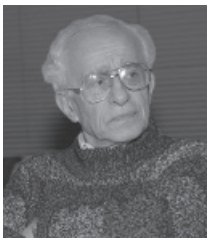
Великий русский философ Владимир Соловьёв называл родные места Жуковского: село Мишенское, город Белёв – родиной русской поэзии. Ни в Белёве, ни в Мишенском никаких достойных знаков памяти о Жуковском до сих пор не воздвигнуто. Недооценка истинно великого, к сожалению, свойственна нам.

Юный Василий Жуковский на всю жизнь запомнил Болотова, с которым познакомился у своих родственников в Туле. Он произвёл сильное впечатление на мальчика. Иван Алексеевич Бунин нередко говорил и писал о своих родственных связях с Жуковским, гордился этим. В моём сознании выстроилась своеобразная связь трёх образов.

В своё время в сборнике «Силуэты» (Москва, 1986 г.) был опубликован мой очерк «И.А.Бунин», из которого было вырезано упоминание его «Окаяннных дней», в которой на редкость проникновенно изображена картина русской жизни накануне эмиграции писателя. Я осмысливал цельный образ прозаика и поэта. Точнее будет сказать: поэта-прозаика. Бунин как поэт недооценен. Порой кажется, что у его поэзии и прозы стилистически образная похожесть. У Бунина, как ни у кого из русских классиков, - живая связь между его поэзией и прозой. Иногда он даже публиковал в одной книге и то, и другое. Меня привлекала глубина его души и творчества. Я бывал в местах, с которыми он был связан. В газете «Советская Россия» появилась моя статья «Дом Бунинах в Ефремове». Ратовал за то, чтобы создан в нём музей писателя. Уже живя в Америке, написал рассказ «Синие камни», посвящённый его памяти («Новый журнал», Нью-Йорк, № 327, 2004): в основном, об Ефремове, о живущих там Буниных, внучатых племянниках Ивана Алексеевича, судя по всему, одарённых людях. Смогут ли они раскрыться во всей полноте заложенного в них дара?

В малых городах особенно важны живые огни памяти.

Борис Бернштейн

ВОСПОМИНАНИЯ

О СЕМЕНЕ ВЕРХОВСКОМ

Однажды я наблюдал его в деле.

Там был мой интерес. Питерское издательство прислало мне проект обложки будушей книги. Проект был ужасен, по праву автора я отверг его начисто. Более того, я послал в издательство несколько репродукций – на выбор, каждая из них каким-то образом была связана с центральными мотивами книги. Неведомый мне питерский художник использовал две из них, да так, что обложка стала еще хуже, уже совершенно никуда. Я заподозрил, что в Питере перевелись грамотные художники книги. Дело пахло катастрофой. И я бросился в ноги Семену.

– Боря, – отвечал он в своей естественной манере и с присущей ему неповторимой интонацией – что за разговор! Конечно, заходите!

Против ожиданий, издательство согласилось с моим предложением попросить помощи у мастера. И вот я – со всеми бумажками, набросками и репродукциями – у Верховских.

Первым делом, определяя общую концепция и настроение лицевой стороны и корешка, Семен выбирает шрифты и решает расположение надписей. Рука и глаз профессионала: все делается быстро и точно, тут ничего не скажешь. Но надписи соотнесены не только друг с другом и с форматом переплета, они соотнесены с репродукциями, которые будут там размещены в качестве главных, определяющих образных акцентов. Тут начинается основная интрига.

Репродукций я принес три. Одна (я пред-полагал, что она должна быть самой главной, на фасаде) была картина раннеренессансного живопис-ца, фра Филиппо Липпи, из музея Метрополитен, парный портрет: молодая дама, изображенная по моде того времени в профиль, сидит в комнате, молодой мужчина, тоже в профиль, заглядывает в комнату через окно. Они глядят друг мимо друга. Так надо: в книге много разговоров о непонимании.

Другая, альтернативная картина «на фасад» – гравюра XVIII в., где изображена старинная художественная выставка, парижский «Салон» 1787-го года. Эта репродукция тоже идет к делу – история выставок составляет одну из тем книги. Кстати, именно ее выбрал было неведомый мне питерский художник – и разместил на лицевой стороне переплета, перемешав со шрифтом самым невозможным образом.

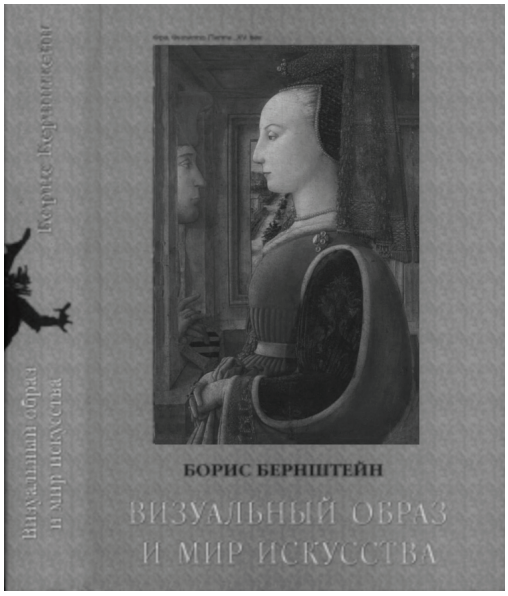
Семен решительно выбирает первую – и тут начало драматической завязки. Несмотря на питерскую неудачу, я все еще исхожу из того, что книга по своему содержанию – специальная, не только суховатая, но и несколько, скажем так, эзотерическая, и строгий, аскетичный язык чернобелой гравюры куда как хорошо подходит для такого сочинения. Из чего исходит Семен – мы сейчас увидим, но на лицевую сторону переплета определяется цветная, красивая и недосказанно-загадочная картина фра Филиппо. При этом фантазия художника-книжника уже заработала, выбрасывая нестандартные идеи. Так над репродукцией появляется надпись мелким и лаконичным рубленым шрифтом: «Фра Филиппо Липпи. XV век». Этот шрифт ничему не соразмерен, он – сам по себе, приложение к картине. Так никто еще не делал, обложка сразу выбивается из стандарта, начинается игра по неведомым правилам: а вот мы возьмем и на обложке книги передразним принцип, который обычно действует внутри книги, и рядом с картинкой поместим подпись, но только не снизу и не сбоку, как принято, а вовсе сверху. Это весело. Заодно сама репродукция, вступив в союз с надписью о себе, отвоевывает известную долю автономии — образуется такая себе структурная пара.

Теперь у нас в запасе есть еще одна репродукция. Это грубоватая, не очень ловко нарезанная гравюра на дереве, иллюстрация из книги конца того же XV века. Что касается качества, то тут уж не взыщите: сама техника гравюры на дереве изобретена была едва за сто лет до публикации книги, а тут еще доску резал явно второстепенный и не очень искушенный мастер. Именно в этом ее обаяние. К тому же, какой сюжет! Книга – собрание средневековых легенд о чудесах Богородицы; одно чудо связано с трудом живописца. А именно, однажды некий живописец писал на стене образ Богородицы – образ столь прекрасный, что черт не мог этого вынести и решил сбросить художника с высоких лесов. Вот нечистый схватил живописца за руку, бедняга уронил кисти, он уже теряет равновесие, одна его нога беспомощно болтается в воздухе... В этот момент написанный на стене образ Богородицы протягивает свою руку из картины и, крепко схватив свободную руку художника, удерживает его на лесах. Бес улетит ни с чем.

Семену гравюра нравится. Он пристраивает

ее на тыльную сторону обложки, несколько уменьшает, увеличивает, находя нужную меру, а затем... Ну, а это еще что!

Он сдвигает всю гравюру вправо, настолько, что черный, омерзительно колючий, крылатый силуэт черта отчасти переползает с тыльной стороны обложки на корешок! Значит, если вы поставите книгу на полку рядом с другими, дело будет выглядеть так: внизу по вертикали – название книги, вверху – имя автора, а между ними – гадкий, колючий профиль черта, его четырехпалая лапа и когтистое крыло, все сплошь черной заливкой.

Хм. Где же такое видано, чтобы функционально разные пространства книжного переплета, со своими отношениями двухмерного и трехмерного вида, вот так вольно перетекали друг в друга, образуя как бы одно непрерывное зрительное повествование, части которого глядят в разные стороны!? Правду сказать, идея Семена меня сильно смущает.

Я этого не скрываю.

Тут оказывается, что мягкий, интеллигентный Семен Верховский умеет быть тверже титанового сплава. Можно заподозрить, что сплав закалялся в советских издательствах, где собственные идеи приходилось отстаивать в борьбе с главными редакторами, просто редакторами, художественными редакторами, директорами, авторами и цензорами; кое-какие истории подобного рода я от него слышал, другие нетрудно вообразить, кое-что подобное я и сам видывал. Так или иначе, но Семен не уступает. Я надеялся, в соответствии с давно известными догмами, что переплет будет зримой символической квинтэссенцией характера книги. И вот, моя концеп-ция строгого, классически правильного научного издания рушится на глазах.

– Семен, – говорю я – книга специальная, даже узко специальная, а переплет получается не то, чтобы легкомысленный, но в некотором смысле игривый.

– Ну и что! – парирует Семен. – Почему строгий, Боря? Не нужно этого!

В конце концов злобный черный черт остается на своем незаконном месте: он пытается тащить живописца на тыльной стороне переплета, его мерзкая летящая фигура (на фоне дальних холмов) загибается на корешок, где разделяет на две части надписи, а выброшенная вперед дьявольская лапа тянется к лицевой полосе обложки – и не может дотянуться.

И хорошо, что остается. Так, оказывается, правильно.

Все дело в том, что я – пленник традиции, а Семен – вольно мыслящий художник. Он наконец-то свободен! Он хочет сделать из этого прямугольного книжного блока, зажатого переплетом, самоценное произведение искусства. Ему важно, чтобы оно было цельным и в то же время внутренне конфликтным, чтобы академическая симметрия сохранялась – где очевидно, а где – сокрыто, и в то же время подрывалась, создавая архитектоническое напряжение. Так на простые симметрии и асимметрии передней и задней сторон накладывается наиболее общее, стягивающее встречное движение, которое держит в равновесии всю композицию: энергия взгляда дамы с картины Липпи направлена навстречу движению черта.

Наконец, вид книги должен привлекать внимание и хорошо запоминаться, черт возьми! И я уже слышал, как работает семенов знак: люди сразу вспоминают книгу – стоит лишь назвать черта на корешке...

Вот так, за столом в углу кухни Верховских, я еще раз увидел своими глазами, что такое внутренняя свобода мастера и как из взрывчатой смеси соблюдения и нарушения правил рождается новый образ. Теперь этот переплет стал для меня драгоценным напоминанием о его создателе.

Сын народа книги, он был человеком книги.

Как-то я услышал несправедливые слова – вот, мол, такой талантливый человек, а вынужден был растрачивать свое дарование, оформляя какие-то книги. Простите за откровенность, но это хуже чем несправедливость, это невежество. Персидские цари и турецкие султаны ценили украшенные рукописные книги из своих библиотек выше других сокровищ. В тишине монастырских скрипториев монахи-переписчики, монахи – мастера затейливых цветных инициалов и терпеливые миниатюристы красотою исполненных ими манускриптов славили Господа. Им подражали первые печатные книги: знаменитая 42-строчная библия Гутенберга, первая книга, напечатанная наборным шрифтом, была украшена вручную и похожа на роскошную монастырскую рукопись. Вскоре печатная книга нашла собственные языки. Ее история знает великое множество выдающихся произведений. «Галактика Гутенберга», мир высокой издательской культуры, это пространство, где создаются вещи не менее ценные, нежели картины или статуи. Там было место Семена.

КУРСАНТ ГИРШГОРН, СЕМЕН ИОСИФОВИЧ

Вот он направляется к нашему бравому взводному, технику-лейтенанту Прохорову. Его сильно похудевший живот все еще неловко выдается вперед, руки болтаются... Глаза б мои не смотрели. Сейчас опять что-нибудь случится.

— Товарищ техник-лейтетнант, — начинает он по-деловому излагать свою просьбу...

Вздернутый нос техника-лейтетнанта поднимается чуть выше:

— Курсант Гиршгорн, кто вам разрешил ко мне обратиться? Круу-гом!

И курсант Гиршгорн, безобразно, не по форме повернувшись, удаляется вместе со своей проблемой. Поговорили, называется. Этот старый осел никак не может запомнить, что, обратившись, следует прежде всего попросить разрешения обратиться. Вот так: выправка, хороший шаг, подошел, поприветствовал (хоть ботинками бы щелкнул!) и говоришь бодро:

—Товарищ техник-лейтенант, разрешите обратиться!

Тогда он разрешит – и ты обратишься.

Но Сенька так не умеет. Избыточный жизненный опыт, видимо, не пускает, или – как говорят нынче грамотеи – «довлеет на него». Или «над ним довлеет», тут какая-то грамматическая неясность, ладно. Сенька действительно старый, ему лет тридцать или даже тридцать один. Не то что мы – семнадцати-восемнадцатилетние. У него за плечами большая жизнь. Он уже побывал значительным лицом, Семеном Иосифовичем, директором московского ателье индивидуального пошива (индпошива) обуви, мужской и особенно женской.

Феномен индпошива был столько же знаком повышения ценности отдельной личности, сколько и симптомом повышения материального благосостояния советского народа во второй половине тридцатых годов. Социализм в стране, как известно, победил к 1934-му году, о чем было сообщено XVII съезду партии – Съезду Победителей – и всему советскому народу. Затем социализм еще более укрепился благодаря истреблению или изоляции в лагерях бесчисленных врагов народа, включая сюда и большинство делегатов победного XVII съезда. Вследствие этого, в частности, общий объем произведенных товаров народного потребления и еды был приведен в лучшее соответствие с числом еще не арестованных потребителей. К тому же, среди истребленных и изолированных был значителен процент людей, которые, в силу ошибочно доверенной им ответственности, потребляли больше и лучше остальных. Странно, что этот экономический эффект репрессий тридцатых годов до сих пор по-настоящему не освещен патриотической историографией.

Так вот, благодаря столь мудрому менеджменту, советские люди убедились на опыте, что социализм вовсе не предусматривает механической уравниловки и предоставляет человеку свободу выбора – в разумных и контролируемых пределах, разумеется. Т.е., вы могли пойти в обувной магазин и купить нечто безобразное или не купить вовсе ничего. Но вы могли посетить мастерскую индпошива и, уплатив подороже, заказать себе там фасонистую обувь на вашу персональную ногу. Такая обувь называлась почему-то модельной.

Именно это дело – в хозяйственной констелляции московского Военторга – и было доверено Семену Гиршгорну. Любой видный командир Красной Армии мог записаться в очередь и, подождав месяц-другой, заказать своей супруге изящные туфельки. А если это был командарм или, иначе, генерал, то он запросто заходил к директору, Семену Иосифовичу, в кабинет, вежливо пожимал ему руку, присаживался на минуту-другую («Казбек не желаете?») – и уже через несколько дней генеральша могла блистать в модельном изделии «на перепонке», скажем, на лекции о международном положении в Центральном Доме Красной Армии (ЦДКА), что на площади Коммуны.

Вот такие отношения были у Семена Гиршгорна с военной косточкой в добрые довоенные годы. А тут – мальчишка, недавно окончивший училище курносый лейтенантишко, каких-нибудь двадцати с небольшим лет...

***

15 октября 1941 г. началась быстрая эвакуация центральных учреждений из Москвы. А 16 октября был день большой московской

паники – ожидали вступления в город немцев. Семен Иосифович поддался панике и бежал. Он в конечном счете добежал до сибирских краев. Тут его призвали в армию. Когда обнаружилось, что у него законченное среднее образование, а это в тамошних краях было редкостью, его направили в военное училище, куда специально набирали ученых людей с аттестатом об окончании средней школы в кармане. Потому что училище было артиллерийско-техническое и для обучения будущих арт-техников (в отличие, скажем, от будущих арт-критиков) от учащихся требовались хоть какие-нибудь предварительные знания из математики, физики и даже химии. Этим требованиям – как мы увидим далее, чисто формальным – отвечали несколько парней, только что окончивших среднюю школу в гор. Рубцовске, Алтайского края; в их числе был и пишущий эти строки. Вот так мы встретились с Семеном Иосифовичем в стенах Ленинградского арт-технического училища зенитной артиллерии (ЛАТУЗА). Верней сказать, стены принадлежали Томскому политехническому институту, поскольку именно туда было эвакуировано (или была эвакуирована?) ЛАТУЗА. Но институциональное, телесное и духовное наполнение было военно-ленинградское. Там Семен Иосифович превратился в курсанта Сеньку.

Судьба свела нас с Сенькой куда как близко: мы оказались в одной батарее, в одном взводе, в одном отделении, мы стояли в строю почти что рядом днем и хорошо соотносились по вертикали ночью: нары были двухэтажные, и Сенька спал почти что надо мной.

Наше взаимное расположение по вертикали имело известное значение.

Служба-учеба наша медом не казалась. В условиях военного времени трехгодичный курс училища был сжат до одного года, учебная и военно-воспитательная нагрузка была свирепая. Желаний у личного состава оставалось всего два: желание есть и желание спать. Желание есть, о котором мы еще поговорим, изредка можно было кое-как утолить. Желание спать было перманентным. Некоторые навострились отсыпаться в строю, во время похода. Вот, например, Пилюков, здоровенный сибиряк, спал, мерно шагая, не сбиваясь с шага и поворачиваясь вместе со строем. Но – не всем дано. А отведенная курсанту законная доза сна была скудной. Ровно в пять утра раздавался вопль старшины или дневального, хуже трубы Страшного суда: паадъъёём!!!

Через пять минут надо было уже стоять в строю, а за эти жалкие минуты надо было одеться и, главное, обуться: хорошо, грамотно, без морщин окутать каждую из ног портянкой, натянуть и зашнуровать ботинки и красивой, точной и прочной спиралью намотать обмотки. И беда тому, у кого обмотка будет выглядеть расслабленной или, еще хуже, размотается в строю! Словом, одевание надо было производить на пределе скорости и в то же время без нервного напряжения, которое чревато ошибкой. Это не каждому дано – и Сенька пошел на хитрость. Он научился просыпаться за пять минут до подъёма и тихою сапой под одеялом натягивать штаны и даже гимнастерку. Оставались ноги, это было уже легче. Однако, на всякую уловку есть контруловка. Старшина батареи подметил в поведении курсанта Гиршгорна подозрительное и за минуту-другую до подъёма стал сдергивать с него одеяло. Выходило еще хуже, но Сенька упорствовал, полагая, что старшина – тоже человек и даст слабину. Он мог бы подсчитать, что за одетые до подьема штаны он получит наряд вне очереди точно так же, как за опоздание в строй. Так чего же суетиться? Но этот человек, который так хорошо считал, будучи директором ателье индпошива, в армейских условиях совершенно терялся.

Ну, вот, представьте себе, что Сенька внял уроку и решился обратиться к командиру взвода, технику-лейтенанту Прохорову, вторично. Вот он собрался, настроился, отмобилизовался, подошел к взводному вторично – и почти четко, по-солдатски, попросил разрешения обратиться. И техник-лейтенант ему великодушно разрешает.

Тогда курсант Гиршгорн, как положено, имеет право доложить суть дела. И он докладывает. Оказывается, у курсанта Гиршгорна украли зимнюю шапку. Между тем, на дворе сибирская зима, в Томске холодно.

Курносый нос техника-лейтетнанта Прохорова возносится еще выше.

– Чтоооо!? – возражает он грозно. – Я этого не слышал. Достать! Можете итти.

И Сенька отдаляется в полном недоумении. Лейтенант сказал «достать». А где он, Сенька, достанет?

Опять надо ему переводить с армейского языка на гиршгорновский.

– Сеня, у тебя шапку сперли? Кто-то, не так ли? Теперь **ты** должен у кого-нибудь спереть, другого пути нет. Именно это Прохоров тебе и сказал. Имей в виду, когда украдешь, на голову не одевай, а то еще владелец опознает, метка там какая может быть. Отнеси к Ивану в каптерку и обменяй на другую.

Между прочим, у меня лично за год, проведенный в училище, зимнюю шапку крали дважды...

***

Справа от меня стоял в строю и спал на нарах Янька Рутгайзер, тоже одессит, а слева – Аркашка Бачурин. Мы дружили, несмотря на разницу характеров, воспитания и темперамента.

Аркашка был человек гениальный. По нынешним временам он бы был другим Дерипаской или там Прохоровым. Но он родился не вовремя и потому реализовывал себя в ограниченных масштабах. Он где-то искусно воровал пищу и прятал ее в поленницах на училищном дворе. Он дружил с поварихами на училищной кухне – и ему иногда перепадал добрый бачок каши! Однажды он вернулся с такой подпольной кормежки минут за пятнадцать до ужина и со стоном рухнул на нары. Живот был набит доотказа.

– Борис – зашептал он, едва дыша, – ой, не могу, переел, съешь мой ужин, а?

Не было ничего проще, чем оказать дружескую услугу соседу по нарам. Я пообещал. Однако, когда скомандовали строиться на ужин, Аркашка, перегнувшись в три погибели и постанывая, стал в строй. Подлец такой.

Днем его подлинного триумфа был отъезд нашей батареи на практику в Красноярск, на завод, где делали малокалиберные 37-миллиметровые скорострельные пушки.

Замечательные были пушки, я вам скажу. Скорострельность одной такой пушки была 160-180 выстрелов в минуту! Злые языки говорили, что ее конструкция содрана с шведской пушки фирмы Бофорс, но поскольку в те времена злые языки, как и добрые, следовало держать за зубами, я об этом на самом деле ничего не знаю. А нас, будущих техников, отправляли на две недели на завод, чтобы мы там посмотрели, как это делается, и собрали несколько таких пушек собственными руками.

Понятно, в день отъезда никто уже ничего не делал, белье сдано, валяемся на голых нарах и ждем отправления. А вот и поезд; пересадка на станции Тайга. Солнечный день, в привокзальном садике вполне уютно, а кое-кто даже отправляется пройтись – времени до следующего поезда в избытке.

И вот в садике появляется Аркашка. Он несет в широких объятиях нечто невероятное: белые батоны – белые! – масло сливочное, кусок колбасы, огромную бутыль молока... Напоминаю, это лето 1942 года!

Позвольте вас заверить: когда современный отечественный олигарх, обалдевший от денег, устраивает лукулловские празднества в своей турецкой гостинице, где для него изображают, что умеют, нанятые за очень большие тысячи американские звезды, где фонтаны бьют шампанским, снуют неземной красоты девы, каждый гость – из сотен – получает в подарок на память живого коня в яблоках, грушах и ананасах, а тосты провозглашает сам Лужков, то это все просто тьфу, жалкое паясничанье, мыльный пузырь, по сравнению с явлением Аркашки Бачурина в привокзальном садике станции Тайга в июле 1942-го года.

Ко всему, у Аркашки *был жест*. «Налетай, ребята!», вскричал курсант Бачурин. За всю войну, да и после довольно долго, я не пробовал таких вещей.

– Аркашка! – восклицаем мы, – откуда... (тут и далее я опускаю барочный декор, необходимо украшающий армейскую речь).

– Вот, – отвечает самодовольно Аркашка – пока вы (сочная барочная волюта) вчера полдня валялись на нарах, я собрал мыло со всей батареи! Каждому курсанту, естественно, выдавали кусок мыла для личной гигены, у каждого он хранился там же на нарах, на полочке. В батарее сто курсантов. Сто кусков мыла. Мыло – невероятная ценность в те времена.

Вот так, господа, закладываются фундаменты внушительных состояний. Это вам не зимняя армейская шапка. Учитесь.

***

В будни есть хотелось всегда. Аркашка доставал. Мой организм кое-как приспособился к норме. Сенька страдал.

Бывали, однако, нечстые праздники, когда представлялась возможность поесть досыта. Это бывало, когда ты попадал в наряд. Лучше всего – в караул по городу. По училищу тоже неплохо, но по городу...

Сенька не мог ни к чему приспособиться и ничему не мог научиться. И пуще всего – технической науке. Среднее московское образование, впрочем, забытое, ничему не помогало. А обучали нас вещам – ну, не скажу, чтобы совсем непостижимым, но все же достаточно сложным. Мы должны были знать до винтика устройство и способ действия зенитных пушек, а также другого полезного оружия, а в особенности – хитроумных приборов, которые необходимы были для зенитного дела. Эти устройства назывались французистой аббревиатурой ПУАЗО; они должны были помогать главному делу зенитной артиллерии – поражать своими снарядами вражеские самолеты. Трудность в том, что самолет безостановочно летит, поэтому снаряд надо отправлять вперед по его курсу – так, чтобы он встретился со своей жертвой. Вот для чего нужен прибор, он решает задачу, которая на профессиональном языке называется – не без нежности – задачей встречи. Можно было бы назвать ее, скажем, задачей попадания. Но нет, называлась она официально задачей встречи. Встреча, встреча...Чувствуете ли вы радостные душевные вибрации, которые вызывает это слово?

А помните ли вы, что в 1942 г. на вооружении советской армии компьютеров не было? Не было даже радаров. И замечательный прибор – он мне очень тогда нравился – напрерывно следил за самолетом оптически, непрерывно механически моделировал то, что было нужно, переводил результаты в электрические сигналы, которые передавались по проводам на пушку – наводчикам и заряжающим, а те уж наводили и стреляли...

Ну, словом, много ума было вложено в этот прибор ПУАЗО-3 и, соответственно, требовалась некая толика ума, чтобы понять, как он устроен и действует. У Семена с пониманием были трудности.

— Борис, – просил он меня – объясни мне электрическую схему пуазо, а то я что-то не очень...

Отказать я, разумеется не мог.

Я не мог отказать, да мне и в голову такое не приходило, и вовсе не потому, что я хороший. Я не припомню человека из нашего взвода, который бы отказался помочь, если бы его попросили. Когда я сейчас слышу о чудовищных порядках в российских военных училищах, я невольно вспоминаю ЛАТУЗУ. Менее всего я склонен идеализировать те времена, но должен честно сказать: в этом училище в тот год ничего подобного не было. Не было дедовщины, не было даже известно, что это такое. Я не припомню ни одной антисемитской выходки – а еврейских ребят, из эвакуированных, был добрый десяток. Никто не издевался над неумелым и неуместным Гиршгорном, хотя это было совсем нетрудно. Я не умею это объяснить, скорей всего, то была атмосфера именно этого технического училища, где преподавали и командовали артиллерийские инженеры. Не знаю, честно признаю, не знаю.

Инна Трегуб

ОЛИМПИАДА

Благодарю Аллу Левитес за первое прочтение и полезные замечания

ЧАСТЬ 3
КОМАНДИРОВКА[1]

Мы улетали в субботу днем из Лос-Анжелеса. Мне досталось место в середине салона, рядом с Алисой (она, конечно, у окна, я в середине). Себастиан оказался вдали от нас – в хвосте. Он сразу надел маску и заснул. А мы с Алисой разговаривали на разные темы. Я хотела узнать о ней побольше, и она с удовольствием рассказывала о себе и о лаборатории. Мне еще предстояло понять, что Алиса ничего никогда не делала спонтанно, что разговор со мной был хорошо продуман, по-видимому, она пыталась меня немного подготовить к предстоящей мне работе в лаборатории и, одновременно, создать свой собственный образ "хозяйки жизни".

В какой-то момент она попросила прочитать рукопись написанной ею книги для детей и сделать замечания. Я была очень горда оказанным доверием. (В молодости я почему-то очень ценила доверие и дружеское расположение начальства).

Когда разговор иссяк, Алиса сладко заснула, а я в который раз начала просматривать французский разговорник, пытаясь заучить фразы, необходимые, чтобы не пропасть во Франции: «как пройти?», «где находится?», «простите меня, пожалуйста!». Для этого были у меня серьезные основания.

Французский я, к сожалению, не знаю совсем, хотя всегда хотела выучить. Однако не сложилось. Прагматичная мама выбрала для меня английский язык как наиболее востребованный. Обучать английскому меня начали очень рано, лет с четырех, с частной преподавательницей. Я закончила лучшую в Киеве английскую школу, а потом еще училась на городских курсах.

В седьмом классе моя подруга увлекалась романами Александра Дюма и всем, что касалось Франции. Находясь под ее сильным влиянием, я, конечно, тоже всем этим увлеклась. Моя подруга начала учить французский язык с частным педагогом. Она уже произносила простые фразы и бесподобно пела песенку про жаворонка. Мне тоже захотелось учить французский, самый мелодичный и красивый язык на свете! И по счастливому стечению обстоятельств я была знакома с замечательным педагогом.

У моей бабушки была приятельница, Зинаида Николаевна Боярская, очень известная в прошлом преподаватель иностранных языков. Если я правильно помню (а спросить уже не у кого), она происходила из интеллигентной и обеспеченной семьи и до революции училась в Сорбонне. Она в совершенстве владела английским, немецким и французским, всю жизнь проработала в Киевском университете на кафедре иностранных языков.

Выйдя на пенсию, она очень тосковала и готова была обучать своим любимым языкам всех желающим, иногда даже даром. Я в четвертом классе уже немного занималась с ней английским, и мне это очень помогло. Она была, как любила говорить бабушка, преподаватель «божьей милостью». По ее методике язык запоминался легко и оставался в памяти надолго. Как-то в виде игры она научила меня различать однокоренные слова, переходящие из языка в язык. Это было очень увлекательно, я даже себе не представляла, как много слов перекочевало из одного языка в другой, изменив звучание и почти утратив сходство. (Сейчас я учу испанский и обнаруживаю много слов и выражений, которые перекочевали в русский и особенно, в украинский языки).

Зинаида Николаевна жила одна в небольшой комнате в коммунальной квартире на Бассейной, напротив Бессарабского рынка. Семьи у нее не было. На комоде стояла фотография необычайной красоты молодой девушки с длинными роскошными вьющимися волосами. В ней безошибочно узнавалась хозяйка. Даже в старости Зинаида Николаевна была очень красива.

Бабушка ее жалела и иногда привозила к нам домой ночевать, особенно в те дни, когда у нас готовили фаршированную рыбу. Обычно гостья была одета в белую блузу и темный шерстяной сарафан. На ногах были тяжелые осенние туфли. Очень часто вскоре после появления у нас Зинаиды Николаевны прибывала ее бывшая ученица Лиля Разумович. Почему-то эта дама предпочитала навещать Зинаиду Николаевну в те дни, когда она гостила у бабушки. Думаю, ее тоже привлекали обед и фаршированная рыба, а также чай с бабушкиным замечательным пирогом.

1 Продолжение. Начало опубликовано в первом выпуске "Ниши"

Лиля открыла для меня категорию "профессионально несчастных" людей. Все у нее было не слава богу – здоровье, работа, личная жизнь. Об этом она долго и с удовольствием рассказывала. Вторая бесконечная тема – это повествование о ее дочке – школьнице, с большим талантом к живописи и литературе и очень слабым здоровьем. Огромность ее таланта была соизмерима по величине только со слабостью здоровья. В самых драматичных местах Зинаида Николаевна произносила "Ах-х!", а бабушка тоже вздыхала и подкладывала Лиле еще кусок пирога. Милая моя бабушка! Ее гостеприимство и терпимость к разным людям воистину не имели границ.

Но эти обеды, наверное, происходили на несколько лет раньше, когда еще была жива домоправительница тетя Соня, к обеду подавали фаршированную рыбу, а я подолгу жила у бабушки. Я думаю, бабушке в то время было немного больше пятидесяти, а Зинаида Николаевна была ее лет на 20 старше. Они познакомились на факультативе английского языка, который Зинаида Николаевна вела для сотрудников академии наук. (Для своих ученых в АН УССР сумели заполучить самого знаменитого педагога кафедры иностранных языков университета). Бабушка была в числе слушателей.

Зинаида Николаевна не раз приглашала меня учить с ней какой-нибудь иностранный язык. Ко времени, когда мне вдруг понадобился французский, она уже не покидала своей комнаты на Бассейной, но еще преподавала. Я решила воспользоваться ее приглашением.

Я уже было обо всем договорилась с Зинаидой Николаевной, но неожиданно воспротивилась моя мама, которая обычно не препятствовала мне ни в чем при условии, что я получала свои пятерки в школе. Мама считала, что французский в моем случае бесполезен, и уж если я хочу учить второй иностранный язык, то им должен быть немецкий, на котором написано много научных книг и статей. Во время маминой учебы и подготовки диссертации, действительно, основная иностранная литература по химии была написана на немецком языке. А знаменитый справочник химических соединений Бельштейна – предмет первой необходимости каждого химика – существовал только на немецком языке и не переводился.

Так я начала ходить к Зинаиде Николаевне в ее комнатушку на Бассейной на уроки немецкого. Продолжалось это недолго, меньше года. Вскоре я увлеклась биологией и записалась в биологический кружок при Дворце пионеров. А от Зинаиды Николаевны я унаследовала две серебряные столовые ложки с ее монограммой Z, а также интерес к поселившимся в разных языках однокоренным словам.

Недавно я без особой надежды поискала имя Зинаиды Николаевны на Google. К великой радости я получила ссылку на мемуары генерал-лейтенанта Альберта Вахнова, где автор рассказывает, как в 1942 году на Урале, куда был эвакуирован Киевский Университет, и где заканчивал школу автор, преподаватель Зинаида Николаевна Боярская научила его немецкому языку. "Она была прекрасным, может быть, даже великим педагогом" пишет Вахнов.

(Альберт Вахнов Обращение к себе далекому https://rvsn.ruzhany.info/0_2017/vakhnov_01_03_3.html).

Автор подробно рассказывает о методиках Зинаиды Николаевны, о том, как они занимались. Многие из описанных методик она использовала и со мной. Так и я, неожиданно, получила привет из своего прошлого! (Интересно было бы поговорить с этим человеком. Но нигде не нашла его контактной информации. Да и публикация старая, 2007 года, многое могло измениться с тех пор).

Справедливости ради скажу, что позже, уже учась в университете, я все-таки проучилась два года на университетских курсах немецкого языка. К этому времени профессиональная литература в основном печаталась на английском, даже не помню, попадались ли мне немецкие статьи, но знание языка мне очень пригодилось, когда мы провели год в Германии. Дальше по плану был французский (я все же не оставила эту идею – люблю языки и свободу, которую открывает их знание!), но вклинился иврит – мы эмигрировали в Израиль. Так до французского руки и не дошли, о чем я однажды сильно пожалела, оказавшись в Франции.

Поездка 2000 года была моим вторым посещением Франции. Впервые я попала туда осенью 1993 года. Мы жили в немецком городе Ульм, откуда до Парижа – рукой подать, одна ночь езды в экскурсионном автобусе. Сели в автобус вечером в Ульме. Это был большой комфортабельный

автобус, рассчитанный на большую группу туристов. Группа состояла из жителей Ульма и близлежащих городков. Из иностранцев там были лишь наша семья и сидевшая недалеко от нас семья египетского постдокторанта, тоже состоящая из трех человек. Тур проводился, разумеется, на немецком языке. Я бы хотела похвастаться, что мы всё (или многое) понимали. Но, если говорить по совести, мы понимали содержание экскурсий процентов на 30-40, приходилось переспрашивать, а иногда и домысливать. Мы действительно могли понять такую простую, но важную информацию, как место встречи и время отъезда. Важные вещи наш гид на всякий случай повторял для нас по-английски.

На рассвете наш автобус остановился в небольшом городке, где можно было зайти в туалет, умыться, выпить кофе, посмотреть какие-то достопримечательности. Помню, мы пытались найти дорогу к одной из них. Было очень рано, но по улице быстрым шагом шли женщины с кошелками – вышедшие за хлебом и молоком домохозяйки. Эти очень аккуратно одетые и безукоризненно причесаные пожилые женщины, к сожалению, нас игнорировали. Местные жители отказывались говорить с нами на немецком – отворачивались, а другие языки, которыми мы владели (английский, русский и иврит), – не понимали.

В Париж мы приехали около 10 утра. Нас несколько часов возили по городу, показывали достопримечательности.

Когда пришло время ланча, мы не поехали с группой пробовать французскую еду. По старой "совковой" привычке, я запасла всякую снедь на все три дня: бутерброды, пирог, приготовленная в духовке курица. Водитель высадил нас в Люксембургском саду, и там, расположившись на скамейке, мы перекусили привезенной из Ульма курицей. На соседней скамейке перекусывала семья египетского ученого.

Когда же вся группа отправилась за покупками, мы использовали это время на короткую экскурсию по Лувру, посещение которого не входило в нашу программу. Я всегда мечтала попасть в Лувр, хоть и только на пару часов, а вот о том, что не воспользовалась возможностью попробовать замечательную французскую еду я потом очень жалела. Теперь у меня появилась возможность восполнить это упущение.

Я поинтересовалась у Алисы, какие блюда надо попробовать. В то время французскую еду для меня символизировали луковый суп и улитки в чесночном соусе. Алиса пояснила, что луковый суп парижане обычно едят, чтобы согреться, вернувшись вечером из театра. Что же касается улиток, то она их не рекомендовала. По ее мнению, сами улитки довольно безвкусны (как будто жуешь резину), а вкус им придает чесночный соус. В тех редких случаях, когда мы вместе ужинали, она, действительно, от улиток отказывалась, и мы их не заказывали. Мне удалось попробовать улитки в чесночном соусе намного позже. Я не испытала восторга, но это не было так плохо, как я ожидала со слов Алисы (наверное, был очень удачный чесночный соус!).

Мы приземлились в парижском аэропорту им. Шарля де Голля в воскресенье утром по местному времени. У ворот (в то время встречающих еще пускали к воротам) стояла парашютистка, подруга Себастиана. Она сразу же растолкала группу встречающих, набросилась на Себастиана (иначе это не назовешь) и принялась его целовать взасос. Это была дебелая крашеная блондинка, на вид значительно моложе Себастиана. Мы с Алисой деликатно отошли в сторону. Когда поцелуи закончились, Себастиан нас представил. Парашютистку звали Сабина. Она приехала на один день из Кельна (где она жила и работала медсестрой), чтобы лично встретить Себастиана. Мы поздоровались и отправились получать багаж. (Мне нравится имя Сабина. Так звали мою тетю по отцу, женщину очень красивую и изящную. Парашютистка кроме имени ничего общего не имела с моей изящной тетей Сабиной).

Наша гостиница находилась в пригороде Парижа, мы туда ехали метро. В гостинице Алиса решила, что я должна зарегистрироваться первая, причем без помощи моих коллег, прекрасно владевших французским. К моему изумлению, персонал гостиницы прекрасно объяснился со мной на английском, и я успокоилась. По-видимому, за 7 лет количество французов, владевших английским, выросло. В Париже я относительно легко обходилась английским. (Я подчеркиваю – в Париже, поскольку, как мы убедились с мужем, путешествуя через несколько лет в окрестностях Гренобля, французский все же необходим в более отдаленных районах. К счастью, я была тогда уже лучше подготовлена и знала рудиментарные фразы и определения, помогавшие искать дорогу и заказывать еду в деревенском трактире).

Гостиница была современная и комфортабельная. Мы заселились и отправились

поужинать. Сабина с нами в гостиницу не поехала. По-моему, ей надо было возвращаться в Кельн в тот же вечер. Как романтично с ее стороны было приехать просто чтобы поцеловать Себастиана в аэропорту! (Однако в будущем мне предстояло еще много раз видеть Сабину, пожалуй, даже чаще, чем мне бы хотелось).

После ужина мы расстались и разошлись по своим комнатам. Назавтра нам предстоял первый рабочий день.

Французская Национальная Лаборатория допингового контроля располагалась на территории университета. От нашей гостиницы туда шел автобус-экспресс. Остановка была напротив университетских ворот. Пройдя через ворота, мы сразу оказались в великолепном парке: высокие деревья, кустарники, все в цвету. Здание лаборатории располагалось в глубине, мы шли туда через парк. У входа в лабораторию нас встречал Жак, (Jacques de Ceaurriz), сотрудник Франсуазы, соавтор пионерской статьи в Nature, с которым нам предстояло работать, очень приветливый невысокий худощавый молодой человек. Он привел нас в кабинет Франсуазы.

Из-за письменного стола, улыбаясь, поднялась и бросилась к нам с протянутыми руками крупная средних лет женщина – знаменитая Франсуаза Ласнэ (Françoise Lasne), о которой я столько слышала в Лос-Анжелесе. Произошел обязательный обмен любезностями. В основном, она разговаривала с Алисой, с которой была знакома. Франсуаза производила очень приятное впечатление. Даже, если природа, может быть, и не додала что-то ее внешности, она это компенсировала безукоризненным макияжем, мимикой, улыбкой и прекрасно подобранной одеждой.

Создавалось впечатление, что это она, а не мы, безумно ждала нашей встречи. Мне невольно вспомнились письма нашего друга Валерия, физика-лазерщика, которому удалось поработать несколько лет во Франции. Он присылал друзьям подробные письма обо всем, с чем сталкивался: о музыке, театрах, обстановке в лаборатории, о природе. В одном из писем он рассуждал о том, что француженки, может быть, и не так красивы, но они все изображают красивых женщин, и ты начинаешь сам в это верить.

Было очевидно, что важная работа и высокая позиция не стали для Франсуазы Ласне поводом перестать за собой следить и стараться понравиться.

В американских университетах и даже в промышленных компаниях, если женщина одета не в неряшливые джинсы на несколько размеров больше и в мятую футболку, значит она секретарша или представитель маркетинга. Я долго не могла к этому привыкнуть. Может быть, американки так заняты, что не могут найти время пойти в магазин и купить нормальную одежду? Или они чувствуют себя такими замечательными, что им не надо беспокоиться о своей внешности и о впечатлении, которое они производят? Наша молодость в Киеве пришлась на время дефицита: одежда, косметика, украшения добывались в сражениях и потом носились с гордостью. И это распространялось на все слои общества. Моим идеалом долгие годы была руководитель соседней группы в нашем отделе фотохимии, старший научный сотрудник с почти защищенной докторской диссертацией, женщина. очень одаренная, красивая, – и всегда элегантно одетая. Это был тот стандарт, которому я следовала тогда и потом. Хотя приходилось, конечно, вставать утром на час раньше.

После официального представления мы начали обсуждать детали своей ознакомительной практики. У каждого из нас троих были планы и пожелания. Алиса хотела поговорить с Франсуазой и один раз посмотреть весь эксперимент. Себастиан хотел посмотреть весь процесс выявления синтетического EPO более детально, чем Алиса. Он сказал, что имеет общее представление, как происходит разделение допингового от естественного белка (ведь он этим занимался в Кельне!), но его интересуют некоторые подробности. Я, в свою очередь, попросила позволить мне произвести всю процедуру руками под чьим-нибудь руководством. Я не обладаю хорошей зрительной памятью и постигаю новые методы, работая руками. Мы договорились начать эксперимент в среду. На вторник была запланирована лекция Франсуазы, после которой она обещала ответить на все наши вопросы. Затем Жак раздал нам талоны на ланч, и мы отправились в университетскую столовую.

Эта обычная студенческая столовая потрясла меня до глубины души. Чего там только не было! Длинные стеллажи были уставлены самыми разнообразными салатами и закусками. Не было ограничений ни в ассортименте, ни в количестве. За следующий стойкой предлагался большой выбор горячих блюд, за ними следовал десерт, затем кофе, и, наконец, сыр. Мы обедали в этой столовой в течение всего нашего пребывания в лаборатории. Менялись закуски, горячие блюда, десерты. Неизменными

оставались кофе и несколько видов сыра на закуску после десерта. Я поняла, что именно в таком порядке надо подавать еду. Сыр – напоследок, чтобы закусить десерт и кофе. Замечательно вкусно!

Наша работа заканчивалась довольно рано, темнело поздно, и у нас оставалось много времени гулять по Парижу. Обычно мы гуляли все вместе, но однажды, когда Алиса навещала подругу, мы, временно заключив перемирие, гуляли вдвоем с Себастианом. Я не знала, чего ожидать, но мы неплохо провели время. Единственная сложность была в том, чтобы находить темы для разговора. Он поддерживал разговор и отвечал на мои вопросы, но своих тем не предлагал, и вопросов у него тоже не возникало. В конце концов я истощила все темы, устала от необходимости искать новые, и предложила закончить прогулку. Он не возражал. Впоследствии, почти через два года, когда лед был, наконец, растоплен, мы хорошо и много разговаривали, но это, к сожалению, уже не под небом Парижа.

В один из вечеров мы с Алисой ходили на органный концерт в церкви в центре города (не помню названия). Себастиан от концерта отказался. Перед концертом мы поужинали в одном из недорогих ресторанчиков. И Алиса еще раз объяснила мне, что вся привлекательность эскаргот заключается в чесночном соусе. (Само это блюдо мы, разумеется, не заказывали).

Примерно на пятый день командировки ко мне в Париж приехала из Израиля моя подруга Фира. С ней мы официально познакомились в Израиле, хотя одновременно работали в институте физхимии, я – в отделе фотохимии, на третьем этаже, она – в отделе абсорбции – на втором. Она выделялась гривой черных вьющихся волос, смуглой “оливковой” кожей, непропорционально большим носом, нарушавшим гармонию лица, но делавшим ее еще более заметной, а также белоснежным халатом. На фоне нашей серости того времени (серые халаты и лица) она казалась мне ярким экзотическим цветком. Я бы с радостью с ней познакомилась, но она меня обычно не замечала. Общих собраний и семинаров у нас не было, и знакомству в Киеве на суждено было состояться.

К моему удивлению, она неожиданно появилась у нас в Израиле с приветом от нашей сотрудницы Евгении Ефимовны. Конечно, мы оказали ей самый радушный прием, а впоследствии муж помог ей найти работу в Иерусалимском университете. После этого мы уже не могли не подружиться. Фира обладала живым умом, злым юмором и великолепно готовила. К сожалению, она была очень обидчива, что, конечно, немного осложняло наши отношения.

В Париже мы провели с ней выходные и несколько вечеров. Помню, мы ходили с ней в Лувр и в музей Родена и много гуляли. Мы находились в полной гармонии, пока не наступало время еды. Я, памятуя историю с немецкой курицей, хотела попробовать как можно больше французских блюд. Тем более, что мне платили командировочные. Фира, же настаивала на французских багетах с колбасой и сыром, которые она заготавливала с утра и носила целый день в сумке. В качестве компромисса я покупала себе и ей луковый суп, который нам обеим очень нравился и стоил недорого. Это, казалось бы несущественное несовпадение наших интересов, по-моему, несколько омрачило последние дни Фиры в Париже. В конце недели она уехала. Уехал и Себастиан. Он выпросил у Директора небольшой отпуск и отправился в Кельн. Исчезла и Алиса. Она тоже получила отпуск и собиралась провести его в Париже. Я продолжала работать в лаборатории еще три дня и успешно закончила обучение. Но и я не вернулась немедленно в Лос-Анджелес. Грех было не заехать в Израиль, связь с которым тогда была у нас очень прочной. Поэтому незадолго до отъезда в Париж я набралась смелости и тоже попросила у Директора недельный отпуск. Он позволил, решив до конца оставаться моим благодетелем.

Командировка в Париж и небольшой отпуск в Израиле были последними приятными днями моей работы в Лаборатории. Именно поэтому я вспоминаю это время с особыми теплотой и благодарностью.

ЧАСТЬ 4
ТРУДОВЫЕ БУДНИ.

У всех отпусков, даже самых длинных, есть один общий недостаток – они заканчиваются. Так случилось и с моей стажировкой в Париже и последующим за ней недельным отпуском в Израиле. Пришло время возвращаться в Лос-Анджелес и в Лабораторию. Я не сомневалась, что, как говорила одна моя школьная учительница, – “Хорошие времена кончились”. (Напомню, что в Париже мы знакомились с методикой разделения естественного и “допингового” белка эритропоэтин (ЕПО). Нам предстояло применить эту методику во время Зимней Олимпиады 2001 года в Солт Лейк Сити).

За время нашего отсутствия для группы

Себастиана была подготовлена отдельная комната, куда поставили четыре письменных стола со стульями. Они предназначались для Себастиана, меня и двух будущих членов группы. Один из этих столов временно занимала подчиненная моей сестры, красотка Гаянэ. Я уже рассказывала о ней в предыдущих главах. Работала Гаяне "постольку поскольку", делала ошибки и часто отсутствовала на рабочем месте. Она охотно брала смены по воскресеньям, когда было мало людей, а главное, отсутствовало начальство.

Ко времени нашего возвращения из Парижа, Гаянэ вовсю готовилась к свадьбе и мало беспокоилась о работе, чем очень огорчала сестру. Даже если она присутствовала на рабочем месте, то в основном разговаривала на посторонние темы или кокетничала со всеми, кто проявлял к ней хоть какой-то интерес. Себастиан явно был к ней неравнодушен. Он проводил много времени возле ее письменного стола, пытался пригласить на ланч в ресторан, что было для него очень нехарактерно. Парашютистка Сабина, его немецкая подруга, с которой он познакомил нас в Париже, по-видимому, отошла на второй план. Даже футболка с фотографией, увековечившая спуск Себастиана и Сабины на парашютах, держась за руки, исчезла из употребления. Однако отношения с Себастианом не входили в ее планы, и от ланча Гаянэ отказалась (так она по крайней мере мне рассказывала). При внешней ветрености, Гаянэ была исключительно дисциплинированная и целеустремленная девушка, вся история ее жизни свидетельствовала об этом.

Гаянэ посчастливилось родиться в Америке, где ее родители, иранцы, учились в докторантуре. Защитившись, родители вернулись в Иран, то ли по собственной воле, то ли не нашли работу в Соединенных Штатах, об этом история умалчивает. Однако, когда матери пришло время рожать второго ребенка, младшего брата Гаянэ, она вернулась в Америку, уже по гостевой визе. Напомню, что по американским законам ребенок, рожденный на американской земле, имеет право на американское гражданство, если, достигнув совершеннолетия, он окажется в Соединенных Штатах. Гаянэ после окончания школы поступила учиться в недорогой калифорнийский университет, и в положенное время стала американской гражданкой. Вслед за ней через несколько лет приехал брат, тоже потенциальный гражданин Америки, и тоже начал где-то учиться. Став американкой, Гаянэ вызвала родителей. Приехать смогла только мать (по существующим в Иране правилам мужчинам моложе пенсионного возраста выезд за рубеж был запрещен). Во время нашей совместной работы с Гаянэ, ее брат учился в Лос-Анджелесе, а мать получила право на постоянное жительство и жила то в Лос-Анджелесе с детьми, то в Иране с мужем. Позаботившись о семье, Гаянэ начала устраивать собственную жизнь. Ее задачей было выйти замуж за обеспеченного человека. Избранником стал молодой преуспевающий дантист. В начале лета он сделал ей предложение, подарил кольцо с крупным бриллиантом и дал в постоянное пользование новый мерседес.

Поэтому у Себастиана шансов на отношения с Гаянэ не было никаких. Мало зарабатывающие молодые мужчины лаборатории ее не интересовали, при всем своем безудержном кокетстве она не позволяла себе ничего, что могло бы помешать ее отношениям с дантистом.

Однако, по-видимому, почувствовав нелад-ное, в нашем офисе вскоре появилась Сабина. Она приехала на неделю из Кельна, чтобы проверить, хранит ли Себастиан ей верность, а также попробовать найти работу в Соединенных Штатах. Эта идея мне показалась странной. Мой тяжелый и безрезультатный поиск работы в Ноксвиле, научил меня, что без вида на жительства и права на работу, найти работу в Америке практически невозможно. Однако, по-видимому, спрос на услуги химиков и медсестер в Америке различается, поскольку медсестра Сабина находила свои работы в Америке с завидной легкостью.

Личная встреча Гаянэ и Сабины произошла в одно из воскресений. Себастиан привел Сабину в Лабораторию, чтобы показать новое оборудование и вообще похвастаться. А Гаянэ официально работала по воскресеньям, это была ее смена. Пока Себастиан делал какие-то важные измерения, Сабина поставила Гаяне в известность, что Себастиан принадлежит только ей, даже, если он пока этого и не осознает до конца. "Мне хватит силы на нас обоих", - заявила она Гаянэ, которая в свою очередь заверила Сабину, что на Себастиана она не претендует. Время показало, что Сабина была права, хотя, как оказалось, ее оружием была не сила, а обычная женская хитрость.

Гаянэ после этого проработала в Лаборатории совсем недолго. Она уволилась, сказав, что ей надо готовиться к свадьбе, с удовольствием оставив малооплачиваемую, но требовавшую большой самоотдачи работу. Сестра не была этим сильно расстроена. Как я уже говорила, Гаянэ "сачковала",

иногда открыто прогуливала и делала много ошибок. Мне же еще долго не хватало ее оптимизма, хорошего настроения и практичного отношения к жизни. Что чувствовал по этому поводу Себастиан, осталось неизвестным.

Тем временем наша группа быстро расширялась. Себастиан и Профессор интервьюировали на две вакантные позиции "за все", уже точно не помню, как они назывались в университетской иерархии. Как и всех нас, будущих сотрудников ожидала тяжелая работа на мизерную зарплату. Тем не менее, желающих занять вакансии было с избытком. Интересно, что самым привлекательным в этих позициях претенденты видели возможность поработать на олимпиаде в Солт-Лейк-Сити. (На меня же сама мысль о необходимости провести 2 месяца в Юте наводила глубокую тоску).

Вскоре вакансии были заполнены, и в нашем офисе появились два очень молодых человека Генри и Джефф. Генри, вьетнамец лет 30-35 (определить точнее было трудно), биолог, выпускник нашего UCLA. Невысокий, улыбчивый и всегда готовый прийти на помощь, он быстро стал всеобщим любимцем. У него были золотые руки, неоценимое качество, так как нам приходилось много работать руками, выполняя многоступенчатые манипуляции с образцами. Генри уже успел поработать в фармацевтической компании, но попал под сокращение.

Джеффу было лет 25, он только что окончил University of Wisconsin, и раздумывал, куда пойти учиться дальше. В отличие от Генри, которому нужна была работа, Джеффа Лаборатория привлекла возможностью поработать во время Олимпиады в Солт Лейк Сити, а пока погреться в нашей солнечной Южной Калифорнии. Как и я, он гораздо уютнее чувствовал себя в мире формул и процессов химической кинетики, чем в наших многоступенчатых лабораторных протоколах. Джефф был широко образован, начитан, знал и любил классическую музыку и был очень красив. Как часто случается с человеком, так богато одаренным, Джефф был весьма эгоистичен. Но это проявилось уже позже, во время олимпиады. Оба молодых человека были преисполнены энтузиазма и оптимизма, и я опасалась, что они объединятся с Себастианом и будут меня все время критиковать. (Всегда легче стать на сторону более сильного). Но я беспокоилась напрасно. Они стали мне надежными друзьями и хорошими помощниками, а в наших нередких спорах с Себастианом в большинстве случаев принимали мою сторону.

Спорам же не было конца. Они возникали, казалось, из ничего и по любому поводу, были очень горячими и развлекали окружающих. Сегодня, спустя много лет, мне кажется, я понимаю, что было причиной. Себастиан видел во мне лаборанта, от которого требовалось работать руками, выполнять беспрекословно даже самые бессмысленные задания и со всем соглашаться. Приведу характерный пример. При всех многочисленных талантах, Себастиан нередко делал простые арифметические ошибки. Как-то он попросил Джеффа приготовить раствор и даже рассчитал концентрации ингредиентов. Джеффа что-то смутило в расчетах, а так как Себастиан в этот день отсутствовал, он пришел ко мне за разъяснением. Оказалось, что Себастиан неправильно рассчитал концентрацию компонентов. К счастью, Джефф еще не начал приготовление, я все пересчитала и легко подправила исходные концентрации. Джеф приготовил правильный раствор, и мы были очень рады, что успели вовремя исправить ошибку. Казалось бы, можно было ожидать благодарность со стороны Себастиана. Отнюдь нет! Он пришел в ярость, от того, что я внесла в расчеты изменения. С его точки зрения, мы должны были выполнять его указания, даже понимая, что в расчетах ошибка и раствор нельзя будет использовать в работе. Наверное, хороший, безропотный, исполнительный лаборант так бы и поступил. Но лаборантами ни Джефф, ни я себя не чувствовали!

Подозреваю, что Профессор, нанимавший нас на работу что-то кому-то не объяснил, и, скорее всего, по злому умыслу. Я уже писала, что он получал огромное удовольствие, стравливая и унижая людей. Меня наняли на позицию, на которую могли квалифицироваться только ученые, доктора (Ph.D), которые умеют работать самостоятельно и сами определять задачи исследования. Меня забыли предупредить, что для работы над новым проектом нужны только лаборанты, а Себастиану не потрудились показать мое резюме.

Небольшое отступление в прошлое. Когда-то много лет назад, поступив на Химфак Киевского университета, мы пришли на свой первый практикум по неорганической химии, который вел старший преподаватель Валерий Леонидович Павлов, попасть к которому считалось большим несчастьем. Это был старейший сотрудник кафедры, и по слухам, самый

требовательный. Он также слыл большим эрудитом, знал несколько иностранных языков, а справочником Бельштейна пользовался без словаря. При этом он даже не был доцентом, не защищал диссертацию, ему никогда не присваивали званий просто за достижения в науке (в его время это делалось). Сейчас приходит на ум много вопросов, начинающихся с "почему?", которые, разумеется, уже давно некому задать, людей, работавших тогда на факультете, давно нет в живых. Но тогда единственным вопросом было "Справлюсь ли я?". Наш первый семинар старший преподаватель Павлов, седой, крепкий, невысоко роста пожилой человек с длинными белыми усами, начал неожиданно. Он долго и пространно говорил о том, что из нашей группы в будущем только немногие станут учеными, а большинство из нас, молодых и честолюбивых студентов, проведут свою жизнь лаборантами. Затем мы перешли к нашему предмету – неорганической химии.

Хотя Павлов преподавал у нас целый год, два полных семестра, запомнился он мне мало. Качество его преподавания нельзя было сравнить с нашей блистательной учительницей химии в школе, Ниной Николаевной Буринской, к тому же он, по-видимому, уже "дорабатывал" в ожидании пенсии. Пока я могла жить старыми, накопленными в школе знаниями, все было хорошо, когда их перестало хватать, стало по-настоящему трудно. Но как-то так получилось, что ярче всего врезалась в память именно та, вступительная лекция об ученых и лаборантах.

Я не знаю, что именно имел в виду старший преподаватель Павлов. Но вопрос, что ожидается от лаборанта, а что – от ученого-исследователя – многогранный и не такой уж тривиальный. В течение жизни я нередко об этом задумывалась. Начнем с лаборанта. Человеку, выбравшему эту карьеру, прежде всего, надо избавиться от честолюбия. От него ожидается полное и беспрекословное подчинение своему начальнику и полное отсутствие свободного творческого мышления. Нередко, особенно в больших компаниях на производстве, лаборанты всю рабочую жизнь выполняют набор одних и тех же действий, управляют одним и тем же оборудованием.

При этом от них ожидается умение хорошо "работать руками" и при необходимости безошибочно выполнять многоступенчатые лабораторные процедуры. Ни одним из перечисленных качеств я не могу похвастаться, поэтому с уверенностью считаю, что лаборант из меня не получился. А ученый? Университет, конечно, дал мне неплохую подготовку, но настоящей школой жизни была работа над кандидатской диссертацией. И моя "заводская проходная, что в люди вывела меня", – это, конечно, институт физхимии АН УССР, отдел фотохимии и мой научный руководитель – замечательный ученый, тогда еще очень молодой, сам не так давно защитивший кандидатскую, Евгений Ильич Капинус. Под его руководством я проработала около 10 лет (из которых надо вычесть декретный отпуск, неоплачиваемый годовой отпуск по уходу за маленьким ребенком и несколько месяцев эвакуации после Чернобыльской аварии. Незадолго до нашего отъезда в Израиль я защитила кандидатскую диссертацию и чувствовала себя уже вполне сформировавшимся, умевшим независимо работать исследователем. В течение жизни я была ментором для многих молодых коллег, не всегда мне подчинявшихся административно. Мне нравилось их учить, советовать, направлять, и, делая это, я всегда вспоминала бабушку - безнадежного романтика от науки, а также первую работу и научного руководителя. Хочется верить, что ученый из меня получился.

Все это я попыталась объяснить Себастиану и, к его чести, он понял и принял. После этого наши конфликты прекратились, споры стали более цивилизованными, а отношения потеплели. Мне хочется думать, что не очень доверчивый и полагавшийся только на себя Себастиан, доверял мне и, при необходимости, просил подстраховать.

В тесном сотрудничестве с нашей группой работал профессор кафедры спортивной медицины, доктор Браун, холеный довольный жизнью мужчина лет сорока. В Лаборатории он числился консультантом. Доктор Браун отвечал за важное исследование, в ходе которого группе добровольцев за небольшие деньги вводили в кровь ЕПО (эритропоэтин) или плацебо, а затем через некоторое время у них брали анализы мочи и крови для наших экспериментов. Для того, чтобы делать уколы и брать кровь у подопытных добровольцев в нашем коллективе появилась лаборантка Луиза, француженка предпенсионного возраста, моложавая стройная. О ней я должна рассказать подробнее.

Со своим будущим мужем, американским студентом-юристом, много лет тому назад Луиза познакомилась во Франции, где он проводил каникулы. Луиза в это время училась на курсах, где готовили медицинский персонал. Молодые люди полюбили друг друга, но вскоре Биллу пришлось возвращаться в Америку. Через год Луиза приехала навестить

его в Лос-Анджелесе. А приехав, объявила, что она не для того проделала этот долгий и дорогой путь, чтобы возвращаться назад. Пришлось жениться, куда деваться.... Выйдя замуж, Луиза устроилась на работу в UCLA лаборанткой. Через несколько лет, Билл сумел осуществить свою старую мечту и приобрел участок земли в городе Темплтон, недалеко от Пасо Роблес. Он хотел, чтобы их двое детей воспитывались подальше от Лос-Анджелеса. Однако мечта Билла осуществилась на до конца. Луиза, принимавшая активное участие в постройке и обустройстве дома, переезжать отказалась. Конечно, Луиза любила свою семью, но еще больше она любила UCLA и ценила жизнь в Лос-Анджелесе. С этого времени Билл с детьми жили на ранчо в Темплтоне, а Луиза навещала их по выходным. К моменту нашего знакомства, дети Луизы уже покинули отчий дом, Билл продолжал жить на ранчо, а Луиза в Лос-Анжелесе. В нашу лабораторию ее направил университет. Здесь надо объяснить немного подробнее. Около года тому назад Луиза осталась без работы, так как профессор, на которого она работала, вышел на пенсию, и лабораторию расформировали. Кто-то другой в подобной ситуации просто искал бы, и, возможно, нашел бы работу в одной из многочисленных биотехнологических компаний Лос-Анджелеса. Но Луиза ни о какой работе вне университета даже слышать не хотела. Она полагалась на профсоюз, который в свое время добился того, что, появившаяся в любом отделе университета позиция должна быть предложена в первую очередь бывшим сотрудникам университета, членам профсоюза. Когда у доктора Брауна открылась вакансия, то кандидатура Луизы была первой. Доктора Брауна Луиза устроила.

Луиза мне поначалу очень понравилась. Она была стройная, высокая, еще интересная, в меру образованная и говорившая с обворожительным французским акцентом. Луиза обожала Лос-Анджелес и наслаждалась его богатой культурной жизнью, была в меру начитана, любила и умела готовить. У нас установились дружеские отношения. Но ничто не способствует разочарованию в людях так, как совместная работа. Разве что – совместная работа в командировке...

Обязанности распределялись следующим образом. Доктор Браун руководил экспериментом с добровольцами. Как я уже упоминала, за небольшие деньги половине из них вкалывали раствор эритропоэтина, а вторая группа получала плацебо. А мы получали их кровь и мочу для экспериментов. Анализы брала Луиза. На специальном дорогом приборе делали анализ крови на гемоглобин, для этого никакой особой подготовки не требовалось. А вот из мочи Джефф, Генри, я и Себастиан, выделяли эритропоэтин, подвергали его хроматографии на геле и сравнивали со стандартами. Стандартами служили эритропоэтин только искусственный и эритропоэтин только естественный. Если кто-то захочет ознакомиться с этим исследованием более подробно, он может ознакомиться с нашей статьей *Detection of Recombinant Human Erythropoietin in Urine by Isoelectric Focusing* в журнале ***Article*** *in Clinical Chemistry July 2003, p.901-907.* Я же не буду вдаваться здесь в научные подробности, скажу только, что весь процесс от начала до конца продолжался двое с половиной суток, и это была изнурительная работа. Как оказалось, оригинальная методика, описанная Франсуазой в Nature не была совершенна, мы ее все время улучшали и одновременно пытались, где это было возможно, сократить время анализа. Для каждого нового изменения Себастиан создавал длинную и подробную инструкцию и затем требовал ее неукоснительного исполнения. Проблема состояла в том, что инструкции приходилось очень часто менять, так как процесс все время подвергался модификациям. Это очень удручало Себастиана, относившегося к своим инструкциям с чисто немецким почтением. Иногда ситуация доходила до абсурда. Однажды я даже сочла уместным рассказать своим молодым коллегам эпизод из старого фильма «Воздушные приключения», который они, конечно, не видели, это был любимый фильм моей ранней юности. Я рассказала им эпизод, где немецкий военный чин, никогда не управлявший самолетом, пытается летать по инструкции. Ребята сделали вид, что поняли.

Смех помогал. Работа была тяжелая и ненормированная, работали допоздна, сачковать не удавалось из-за очень напряженного расписания. Однако, как оказалось, на Луизу наши нормы не распространялись. Она заканчивала свой рабочий день ровно в пять, объясняя, что профсоюз не позволяет ей работать ни на минуту дольше, и задержка на работе чревата неприятностями. Как удобно! Самое удивительное, что Себастиан, не прощавший никому из нас ни минуты задержки или отлынивания, для Луизы делал исключение и не жаловался. Думаю, он видел в ней родственную душу из Европы, заблудившуюся на Диком Западе. Он широко пользовался возможностями, которые

он получил в Соединенных Штата, но не скрывал легкого презрения к этой стране и ее обитателям. Для меня же к этому времени Америка стала домом.

Однажды такое высокомерное отношение Себастиана к нашей стране и пренебрежение к ее правилам чуть не привели к его депортации. Случилось следующее. В конце декабря Себастиан улетел в Германию на Рождество. Там он тяжело заболел гриппом. Когда пришло время возвращаться в Лос Анджелес, он все еще был очень болен, но о том, чтобы задержаться и выздороветь не могло быть и речи. Наверное, из-за высокой температуры, возвращаясь домой из аэропорта Себастиан не заметил, как потерял свой паспорт. Скорее всего, забыл его в такси. Паспорт он потом восстановил, но визу, которая позволяла ему работать в Соединенных Штатах, он мог восстановить только выехав из страны. Себастиан спокойно продолжал работать, а про визу, скорее всего, забыл. В апреле он опять уехал в Германию на несколько дней, но к назначенному времени на работе не появился. Никто не придал этому значения, пока через несколько часов нашего администратора не проконтактировала специальная полиция, которая в аэропорту Лос Анджелеса следит за соблюдением визовых правил, ICE (US immigration and custom enforcement). Немецкий паспорт Себастиана позволял безвизовый въезд в Соединенные Штаты, но без права на работу. Однако, проходя паспортный контроль в аэропорту Лос Анджелеса, на вопрос представителя иммиграционной службы, какая цель его приезда, Себастиан ответил, что он работает в университете. Но рабочей визы в паспорте не было! Себастиан был задержан, на него надели наручники, и он провел несколько часов в наручниках в специальной комнате. Только личное вмешательство Профессора помогло Себастиану избежать ареста и депортации без права возвращения. Его все же отправили первым же самолетом обратно в Германию, где в американском консульстве была восстановлена его рабочая виза. На это понадобилась неделя. Жизнь нашей группы в отсутствии Себастиана шла спокойно и без стресса, работа двигалась, и я в глубине души надеялась, что, может быть, его уже не впустят обратно в Соединенные Штаты. Однако, получив визу, Себастиан беспрепятственно вернулся в Лос Анджелес и в Лабораторию. Он приобрел бесценный жизненный опыт и научился серьезно относиться к иммиграционным законам. А мы получили дополнительную неделю спокойной жизни.

Рассказывая об этом времени, нельзя не вспомнить день 11 сентября 2020. В то памятное утро я до работы поехала в автомастерскую менять масло. Радио не включала, так как ехать было недалеко, поэтому о теракте узнала от автомеханика. На работу приехала потрясенная, и, конечно, заниматься рутинными процедурами в тот день казалось кощунственным. Мы с ребятами слушали радио, почти не разговаривали, но друг в друге находили поддержку. Через немного времени это заметил Себастиан, подошел и сказал что-то вроде «Попереживали и хватит! А теперь за работу!». (Тогда я с горечью подумала, что ему мало дела, до страны, ставшей моей родиной. Но позже я узнала, что примерно такую же фразу в аналогичной ситуации произнес мой будущий директор, Брайан Бэдвэлл, в одной из компаний в силиконовой долине, хотя он был американцем «голубых кровей». С Себастианом его объединяло только гипертрофированная боязнь того, что подчиненные где-то недоработают).

Однако время шло, жизнь продолжалась, качество наших гелей приближалось к совершенству, и одновременно сплачивался наш небольшой коллектив. Отношения в группе были хорошие, взаимопомощь и взаимное уважение становились нормой, и даже тяжелая работа и вредный лидер проекта не очень расстраивали. Положительным моментом было и то, что результаты нашей работы были очень важны Профессору, поэтому он временно оставил нас в покое. (Он еще возьмет свое после Олимпиады и сделает нашу жизнь в Лаборатории невыносимой…).

Незаметно подошел декабрь, и пришло время остановиться, начать паковать наше оборудование и готовиться к переезду в Солт-Лейк -Сити. Ведь олимпийский факел, торжественно зажженный в Греции, уже приближался к Юте.

Окончание следует

Виталий Шрайбер

ПУШКИН И НУРЕЕВ[1]

Не могу не упомянуть еще один интересный факт из папиной биографии, случившийся примерно в это же время - знакомство с Рудольфом Нуреевым.

Впервые о Нурееве я услышал от папы весной, кажется, 1958 года. Дело в том, что каждый год накануне лета в Кировском театре происходил выпускной вечер Ленинградского хореографического училища им. Вагановой. То есть это попросту был концерт силами учащихся, как правило, достаточно интересный. И папа - иногда с мамой, а иногда один - обязательно ходил на этот концерт. В этот раз он пришел в полном восторге от увиденного и сообщил, что выпуск очень сильный, много талантливых ребят, но один просто экстра класса - его фамилия Нуреев. Есть и еще один очень хороший мальчик - Соловьев, танцует технично, мягко, как зрелый солист, но Нуреев интереснее, все делает изумительно красиво. Вот увидите, сказал папа, эти фамилии мы еще услышим. И не ошибся. Нуреев, а также и Соловьев, после окончания училища были приняты в труппу театра и вскоре вошли в число ведущих солистов.

Папа, разумеется, не пропускал ни одного спектакля с участием Нуреева, с каждым разом все более укрепляясь во мнении, что это совершенно выдающийся танцовщик. Папа рассказывал, что Нуреев поздно начал заниматься балетом. Он жил в Башкирии, в Уфе, и в Ленинградское хореографическое училище попал из самодеятельности - из башкирского детского ансамбля. В училище на него обратил внимание известный педагог Александр Иванович Пушкин, разгадавший в Нурееве талант. У Пушкина была своя оригинальная методика обучения танцовщиков, отличная от других педагогов Вагановского училища. Он взял Нуреева в свой класс, занимался с ним индивидуально и всячески его опекал. Дело кончилось тем, что Нуреев переселился из общежития в квартиру Пушкина и жил у него почти как приемный сын. Результаты не замедлили сказаться: Нуреев поразительно быстро прогрессировал, причем не только как танцовщик, но и как личность.

Все это папа узнал от самого Пушкина, с которым был знаком. И вот спустя примерно год после того как Нуреев вошел в состав труппы Кировского театра, Пушкин с женой Ксаной Юргенсон (кажется ее звали именно так) и Рудиком (так они называли Нуреева) пришли к нам в гости.

Я, к сожалению, при этом визите не присутствовал, не помню уж по какой причине. Потом папа и мама рассказывали, что Нуреев произвел на них довольно сильное впечатление. Он заметно отличался от других молодых балетных артистов, с которыми папа до этого сталкивался. Несмотря на молодость и недавнюю провинциальность, которая еще в какой-то мере ощущалась, он уже много знал об истории балета, различных течениях и балетмейстерах, чувствовалось, что размышляет об этом. Пушкин сказал, что Рудик много читает, причем не только о балете, но и об искусстве вообще, изучает иностранные языки. Вел себя Нуреев уверенно - как человек, знающий себе цену и знающий, что цена эта очень высокая. В высказываниях был весьма категоричен, с Пушкиными держался по-свойски, но без особого пиетета и, как папе показалось, недостаточно почтительно. В целом же вечер прошел приятно и непринужденно. Рудик заинтересовался, конечно, папиными книжками, был, в свою очередь, удивлен папиной осведомленностью в балетных делах, подарил папе пару своих фотографий. Папа тоже сделал несколько снимков, на которых Нуреев запечатлен у нас дома. Под конец они сфотографировались вместе. Глядя на симпатичного беззаботно улыбающегося молодого человека на этих снимках, трудно представить себе, что очень скоро он драматично и круто изменит свою жизнь, совершив то, что по тем временам казалось совершенно немыслимым, станет одной из наиболее ярких личностей в истории мирового искусства, завоюет громкую и скандальную славу и трагически рано умрет от самой страшной и загадочной болезни 20-века.

Единственное, что стало ясно папе после этого вечера, так это то, что при столь высокой самооценке и независимой манере поведения, легкой жизни в Кировском театре у Нуреева не будет. Впрочем, вероятно это было ясно не только папе, но и всем, кто был знаком с Нуреевым и знал обстановку в тогдашнем Кировском театре. Художественным руководителем Кировского балета в это время был Константин Сергеев - умный,

1 Отрывок из книги воспоминаний «Сквозь перевернутый бинокль».

властный человек, в недавнем прошлом блестящий танцовщик, партнер Галины Улановой, а затем муж и партнер Натальи Дудинской. Сергеев и Дудинская были увенчаны всеми возможными в СССР званиями и наградами, их авторитет в театре был непререкаем. Сделать карьеру без их поддержки, тем более будучи с ними в плохих отношениях, было практически невозможно. Сергеев продолжал еще выступать на сцене, но уже без прежней легкости и блеска, зато занялся хореографией и начал ставить балеты. Папа считал, что балетмейстер Сергеев не такой выдающийся, каким был танцовщиком, что ему чуждо новаторство и что из-за него в Кировском театре не смогли прижиться другие более талантливые балетмейстеры, в частности Юрий Григорович и Леонид Якобсон. Григорович уехал в Москву, где стал главным балетмейстером Большого Театра, Якобсон организовал свою труппу "Хореографические миниатюры".

Нуреев ни к кому подлаживаться не желал, да видимо и не умел. Вскоре у него начались конфликты с руководством театра. Конфликты были вызваны претензиями Нуреева на то, что он недостаточно занят в основном репертуаре театра (хотя справедливости ради следует сказать, что ему дали исполнить главные роли в ряде спектаклей), его индивидуализмом и нежеланием подчиняться общей дисциплине, отказом вступить в комсомол, резкими критическими высказываниями об отсутствии в театре современной хореографии. Все это, естественно, привело к тому, что его стали уже сознательно зажимать и прекратили пускать в гастрольные поездки за рубеж. Впрочем, недавно в одной из многочисленных статей о Нурееве в Интернете я прочел, что уже в те годы он попал в поле зрения КГБ как гомосексуалист и что именно это было причиной, почему ему был перекрыт выезд за границу. Не знаю так ли это, мы конечно в те годы ничего не знали о его "нетрадиционной сексуальной ориентации", да и слов-то таких не слыхали[1].

В 1961 году Кировский театр собирался в гастрольную поездку по Европе. Нуреева в число артистов, выезжающих в поездку, поначалу не включили, однако накануне поездки заболел Сергеев, и, чтобы не сорвать гастроли, в последний момент Нуреева включили.

О том, что произошло в Париже, мы узнали от Инны Зубковской. Выступления Нуреева вызвали восторг парижской публики. Его осаждали журналисты и критики с просьбами об интервью, с ним жаждали познакомиться французские артисты и балетмейстеры. Нуреев охотно шел на контакты, принимал приглашения, что само по себе уже было нарушением принятых в то время норм поведения совестских артистов за рубежом. Не избегал встреч с русскими эмигрантами, что было категорически запрещено. Его неоднократно видели в обществе Сержа Лифаря. (*Серж Лифарь - знаменитый танцовщик и хореограф, украинец по происхождению, попавший в Париж еще вместе с Дягилевым и сделавший во Франции блестящую карьеру, завершившуюся должностью директора Grand Opera. Много лет спустя на эту должность был приглашен Рудольф Нуреев).* Принимая приглашения, он не только не спрашивал разрешения у руководства театра, но вообще не считал нужным ставить в известность, если куда-то уходил. Товарищам Нуреева по труппе Кировского театра было ясно, что добром для него это не кончится. С ним пытались проводить воспитательные беседы, воздействовать на него через соседа по гостиничному номеру Юрия Соловьева, но все напрасно.

Когда гастроли в Париже окончились, вся труппа, включая и Нуреева, собралась в аэропорту чтобы лететь в Лондон. В этот момент к Нурееву подошли два неких человека ("искусствоведы в штатском") и сказали, что Нуреев в Лондон не полетит, ему, мол, надо лететь в Москву для участия в правительственном концерте. Нуреев лететь в Москву не хотел, "искусствоведы" настаивали. Нуреев стал плакать и истерически кричать, что его не на правительственный концерт хотят отправить, а в Сибирь. "Искусствоведы" попытались его увести силой, однако он вырвался, перемахнул через заграждение и обратился к полицейскому с просьбой защитить его, попросил политического убежища. Потрясенные коллеги Рудика погрузились в самолет и полетели в Лондон, а Нуреев начал свое стремительное восхождение к вершинам мировой славы.

Советская пресса заклеймила Нуреева как предателя. Состоялся суд, на котором его заочно приговорили к 8 годам заключения за измену Родине. Руководство Кировского театра получило свою порцию ругани от партийного начальства. Серьезные неприятности были конечно у Пушкина, который и без того очень тяжело переживал случившееся. Естественно, было наложено табу на любое упоминание о Нурееве в прессе и на телевидении. Папа, однако, следил за карьерой Нуреева, регулярно читая журнал "Dance and dancers", и время от времени рассказывал

1 В 1988 году, будучи в командировке в Югославии, я в Загребе посмотрел фильм "Valentino" режиссера Кена Рассела. В этом фильме Нуреев сыграл роль легендарного эстрадного актера Рудольфо Валентино. Среди прочего в фильме обыгрывалась тема гомосексуальных наклонностей Валентино. При этом возникало впечатление, что режиссер намеренно пригласил Нуреева на эту роль, проводя параллель между этими двумя персонажами. Меня это удивило, однако впоследствии гомосексуализм Нуреева стал общеизвестным фактом.

нам о прочитанном. Так мы узнали, что вначале Нуреев недолгое время выступал во Франции в составе труппы *маркиза де Кюиваса.* Затем он получил приглашение в Лондонский Королевский балет, где стал постоянным партнером прима-балерины этой труппы, знаменитой Марго Фонтейн. Они были лучшей парой в мировом балете 1960-х годов. Он выступал на лучших сценах по всему миру, получил несчетное число премий, титулов и наград, стал миллионером и обладателем уникальной коллекции произведений искусства. С середины 60-х годов он начал успешно ставить балеты, проявляя незаурядный талант хореографа. С 1983 по 1989 годы он был директором балетной труппы парижского Grand Opera.

Между тем, время шло, и как-то раз, зайдя в столовую Кировского театра, папа встретил там Пушкина в сопровождении скромного невысокого юноши. "Здравствуйте, Алеександр Иванович, это ваш новый ученик?" - "Да", ответил Пушкин, "это мой ученик Миша Барышников". Очень скоро выяснилось, что Михаил Барышников - выдающийся танцовщик, по мнению ряда знатоков, не уступающий талантом Рудольфу Нурееву, а по мнению некоторых - даже превосходящий его. Впрочем, не надо было быть знатоком, чтобы заметить виртуозность и необыкновенную чистоту танца Барышникова, легкость и изящество с которыми он выполнял самые сложные элементы. Казалось. что все эти прыжки, пируэты и вращения выполнялись им без малейших усилий. Помню замечательный спектакль "Сотворение мира" на музыку Андрея Петрова, поставленный в Кировском театре Касаткиной и Василевым, с блестящим трио в главных ролях: Барышников - Адам, Колпакова - Ева и Соловьев[1] в роли Бога. Папа, разумеется, как и все, восхищался Барышниковым, но мне кажется, что Нуреева все-таки ставил выше. Правда и в гости к нам Пушкин с Барышниковым не приходили и с папой не фотографировались.

В отличие от Нуреева, Барышников с начальством не конфликтовал, получал всякие премии и звания, его даже избрали членом ЦК ВЛКСМ. Однако это, как известно, не помогло, и в конечном счете Барышников оказался там же, где и Нуреев - на Западе. Только проделал это более ловко. Во время гастролей, кажется, в Канаде вышел раскланяться после выступления, потом зашел за кулисы, а там юркнул в какую-то дверь и был таков. В театре острили: налажен выпуск новых шоколадных конфет "Мишка на Западе". Кировский театр становился поставщиком талантов для западного балета. Еще до Барышникова, кроме Нуреева, осталась в Лондоне Наталья Макарова, эмигрировал Валерий Панов. Наделали шуму, не вернувшись в СССР после очередных соревнований, мировые и Олимпийские чемпионы по фигурному катанию Белоусова и Протопопов.

Что касается Пушкина, то на этом его преподавательская карьера, по-видимому, закончилась. Во всяком случае от папы я больше ничего о нем слышал. Но думаю, что человек, воспитавший двух лучших балетных танцовщиков второй половины 20-го века, вполне мог чувствовать себя удовлетворенным и считать, что творческая биография сложилась удачно.

В 1989 году Рудольф Нуреев наконец, приехал в Россию и даже выступил на сцене Мариинского театра. Время было уже перестроечное, и, хотя приговор суда так и не был официально отменен, отношение к Нурееву и другим знаменитым эмигрантам и диссидентам радикально изменилось. Узнав о предстоящем визите Нуреева, я пожалел, что папа этого не увидит. Однако, посмотрев по телевизору репортаж из театра, подумал, что вряд ли это зрелище доставило бы папе удовольствие. Нуреев выглядел старым и больным, лицо у него было измученное. Он и был уже смертельно болен СПИДом. Выступать как танцовщик он уже не мог, однако творческое вдохновение не покидало его до последних дней жизни. Он продолжал ставить балеты, а в 1991 году неожиданно для многих, начал пробовать себя как дирижер. Состоялось несколько его успешых выступлений в ряде стран, где он дирижировал известными оркестрами.

Развить этот успех помешало стремительно ухудшавшееся состояние здоровья[2]. Затем он поставил балет "Баядерка", пригласив в Париж в качестве педагога и помощницы свою бывшую партнершу, в прошлом прекрасную ленинградскую балерину Нинель Кургапкину. В 1993 году в возрасте 54 лет он умер в Париже.

1 Юрий Соловьев был прекрасный танцовщик. Ему не повезло: в периоды, когда в театре блистали Нуреев (короткое время), а в более поздние годы Барышников, он находился в их тени. Возможно поэтому мировая слава обошла его стороной. А может не хватало красоты, обаяния, харизмы. Тем не менее, довольно длительное время - после Нуреева и до появления Барышникова - он был лучшим солистом Кировского театра, получал всевозможные звания и премии, был женат на красивой женщине - балерине Татьяне Легат; однако кончил трагически: в 1977 году он застрелился у себя на даче, не оставив никаких писем или записок, которые могли бы пролить свет на причины его самоубийства.

2 Я был поражен, узнав недавно, что его последнее выступление как дирижера состоялось в 1992 году в Беркли..

Алла Левитес

АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ

Посвящается Инне Трегуб — вдохновителю и организатору этой "нетленки".

Сначала немного о себе. Из заглавия понятно, что я Алла Александровна 1940 года рождения. Я указываю свой возраст, чтобы вы поняли, что описываемые события происходили незадолго до и после моего шестидесятилетия.

Я училась в Московском Государственном Педагогическом Институте им. В.И.Ленина на физическом факультете, потом в аспирантуре и в 1969 году защитила кандидатскую диссертацию по радиофизике. С 1960 года, т.е. с четвертого курса института я работала в Проблемной радиофизической лаборатории (ПРФЛ). Прежде, чем описывать перемены в моей жизни, мне бы хотелось сказать несколько слов о ПРФЛ. Лаборатория была создана на физфаке МГПИ в 1958 году двумя аспирантами Евгением Михайловичем Гершензоном и Валентином Семеновичем Эткиным при участии профессора Н.Н.Малова практически на пустом месте. Ведь пединститут не имел ни материального обеспечения для современной научной лаборатории, ни подготовленных кадров. Сотрудниками лаборатории были девочки и в редком случае мальчики (т.е.студенты), которые через несколько лет становились вполне серьезными научными сотрудниками, работающими наравне с выпускниками престижных московских вузов: МЭИ, МГУ, ФИЗТЕХа и т.д. Я все 40 лет проработала с Е. М. Гершензоном. Это был совершенно удивительный человек. Он родился в 1930 года в Москве в семье писателя Михаила Абрамовича Гершензона, погибшего 1942 году на фронте. Его "Сказки дядюшки Римуса", "Робин Гуд" и многие другие книги хорошо известны. В спектакле Юрия Любимова "Живые и мертвые" в театре на Таганке в Москве были использованы фронтовые дневники М.А Гершензона. Про Евгения Михайловича можно говорить очень много, но кратко о нем написано в Википедии : советский и российский ученый в области экспериментальной физики, физики полупроводников, радиофизики, доктор физико-математических наук (1967), профессор (1968), заслуженный деятель науки РСФСР, член-корреспондент РАО (1992), почетный профессор МПГУ (2000), научный руководитель Проблемной радиофизической лаборатории МПГУ, Лауреат Государственной премии СССР (1980) за создание субмиллиметровой спектроскопии на основе ламп обратной волны. В начале 60-х годов в ПРФЛ впервые в СССР были созданы параметрические усилители СВЧ-диапазона волн на полупроводниковых диодах, ставших базовыми в радиоэлектронной промышленности. Это послужило началом известности лаборатории. В середине 60-х лаборатория насчитывала более 200 сотрудников. В 1966 году для В.С.Эткина и части коллектива ПРФЛ, которой он руководил, в Институте космических исследований АН СССР был организован отдел радиофизики. Я так долго пишу обо всех достижениях, чтобы было понятно, что ПРФЛ стала прекрасно оборудованной современной широко известной и уважаемой научной лабораторией в радиофизических кругах СССР, а потом и России. Существование научной лаборатории столь высокого уровня в педагогическом институте до сих пор является мягко говоря неординарным явлением. ПРФЛ продолжает работать до сих пор и теперь приобрела и мировую известность. Еще я хотела бы отметить прекрасную дружескую атмосферу в лаборатории. Для большинства сотрудников она была вторым домом. Мы проводили вместе не только рабочее, но свободное время: собирались на праздники и дни рождения, ходили по Подмосковью зимой на лыжах, а летом пешком, в отпуск были байдарочные походы на 3-4 недели, во время школьных каникул организовывали зимний лагерь для наших детей на базе агробиостанции института, и наш шеф Е.М. Гершензон со своей семьей принимал во всех мероприятиях активное участие. Еще одно воспоминание. Где-то в середине 70-х Е.М. и я принимали участие в конференции в Харькове. Во время обеда я спросила его, как долго он собирается руководить лабораторией, на что он ответил, что ПРФЛ будет существовать долго, а мы вместе оставим ее примерно в 2000 году Эти слова оказались пророческими: я ушла из ПРФЛ в 2000 году, а Гершензон умер в 2001. Короче, я считаю,

что мне очень повезло - большую часть своей жизни я провела в "тепличных" условиях.

Я занималась исследованием устройств на полупроводниковых диодов в микроволновом диапазоне для радиолокации. Не буду вдаваться в подробности моей работы, но за эти годы моими аспирантами были защищены 6 кандидатских диссертаций, а к 95-му году у меня практически была готова докторская диссертация. Все это я написала не для того, чтобы похвастаться своими заслугами, а только для того, чтобы было понятно, какой крутой поворот произошел в моей жизни в конце девяностых годов.

Наша лаборатория выполняла заказы различных военных организаций (почтовых ящиков). После развала СССР и снятия секретности со всех разработок, проводимых в многочисленных научно-исследовательских организациях, стало очевидно, насколько наша радиоэлектроника отстала от западной. Да и военная промышленность резко обеднела. Короче, заказы на проведение исследований прекратились, и, соответственно, зарплаты резко снизились. Конец 90-х в моей семье был очень трудным временем - тяжело заболел муж. Нужны были деньги на его лечение. Да и младшая дочь заканчивала школу и собиралась поступать в МГУ на механико-математический факультет. А для этого нужны репетиторы. Правда, мне повезло, т.к. она училась в очень хорошей математической школе, и репетитор по математике занимался с ней только полгода. И она поступила.

В институте я работала ведущим научным сотрудником ПРФЛ и на полставки доцента на кафедре общей физики. Но зарплаты катастрофически не хватало. Необходимо было искать какую-нибудь подработку. Я подошла к этому делу очень серьезно. Купила кучу газет "Из рук в руки", где печатались предложения о работе. После детального изучения нескольких выпусков я поняла, что для меня реальны два варианта: рекламный агент или риэлтор. Второй вариант я отвергла сразу, потому что по Москве ходили слухи о разных неприятностях с риэлторами. Осталось выбрать, каким типом рекламы я могу заняться. Было много предложений по рекламе модного в то время гербалайфа (всемогущей пищевой добавки). Но я не очень верила в его могущество и отказалась от очень заманчивых предложений, тем более что для начала рекламной деятельности по гербалайфу нужно было внести довольно приличную сумму.

РЕКЛАМА

Я выбрала печатную рекламу. И нашла, как мне показалось, наиболее подходящее для меня занятие - собирать рекламу для ежегодника "Москва учит, Москва учится", предлагающую выпускникам школ обучение в различных учебных заведениях Москвы. Мне досталось рекламировать техникумы. За каждую рекламу мне полагался определенный процент от ее стоимости. При этом я могла продолжать работу в институте, поскольку время моей рекламной деятельности не было регламентировано. Целый год в свободное от работы в институте время я ходила по техникумам. Заработок меня устраивал. Я решила, что на следующий год мне будет много проще получать рекламу: ведь в большом количестве техникумов работали уже знакомые администраторы. Однако, все оказалось совсем не так, как я думала.

Во всех техникумах, где я побывала в прошлом году, со мной никто не хотел разговаривать. Выяснилось, что по рекламе в справочнике, который я представляла, ни в один из техникумов не пришел ни один абитуриент. Тогда я решила выяснить у своего начальства, как они распространяли этот справочник. Хозяином этого издательства был мужчина примерно моего возраста, а непосредственно за справочник "Москва учит, Москва учится" отвечал его сын Алексей, молодой человек примерно 30-и лет. В ответ на мой вопрос он показал гору справочников, лежащую на полу в помещении редакции. Я возмутилась и стала требовать объяснения. Алексей сказал, что им не удалось пристроить книги на реализацию ни в магазины, ни даже в ларьки. Но ведь у него была машина, и он мог развести эти справочники по школам, правда бесплатно, но хотя бы для поддержания репутации издания. Но им (папе и сыну) такое решение даже в голову не пришло. Очень я рассердилась и объявила, что собирать милостыню для них не собираюсь, поэтому ухожу от них. Так бесславно кончилась моя карьера по рекламированию учебных заведений.

ЖУРНАЛ

Расставание со справочником произошло примерно в конце сентября 1999 года. Я продолжала работать в родном институте, но дополнительного заработка не было. На моей кафедре начали создавать учебник по радиотехнике для педагогических вузов, и одну из частей учебника писала я. Это было очень интересно для меня, но, к сожалению, бесплатно. Где-то в середине февраля мне неожиданно позвонил Алексей: " Алла Александровна, Вы были правы, работать так, как мы это делали раньше, нельзя. Я ушел от папы и организую новый журнал "Гидроизоляция, теплоизоляция и кровля" и прошу вас помочь мне в его издании". Я была просто ошарашена - какое отношение я имею к кровле. Он же был уверен, что у меня все получится, и предложил мне быть соучредителем этого журнала, хотя денег для вклада в издание журнала у меня не было. После долгих дебатов я согласилась на следующих условиях: я получаю ежемесячную зарплату, но я не беру процентов с рекламы, которую приношу, и редактирую все статьи в журнале бесплатно. Это будет моей долей участия в бюджете журнала. Он же оплачивает помещение (маленькую комнату для собраний редакции, состоящей из него, меня, одного рекламного агента и его жены-секретарши), мою зарплату, верстку и печать журнала.

В конце 90-х появилось много строительных фирм, использующих новые, в основном импортные материалы, а литературы по их применению было очень мало. В этом аспекте наш журнал был достаточно актуален. Но с чего начать мою кровельную деятельность я не могла себе даже представить. Для начала я получила от Алексея список фирм в Москве, которые могли быть заинтересованы в публикации рекламы и статей в нашем журнале. Однако никто особенно не горел желанием печататься в новом, абсолютно неизвестном журнале, да еще и платить за это вполне приличные деньги. Посещая руководителей компаний в попытках получить хоть какой-нибудь материал для журнала, я поняла, что мне необходимо иметь визитную карточку с указанием моей должности в редакции. После долгих препирательств с Алексеем и, как ни странно, с его женой, я получила должность главного редактора журнала (это было важно для представительства) и соответствующую визитку. Такая высокая должность очень помогала при общении с руководством компаний. Для "повышения производительности труда" я посещала семинары по строительной тематике, которых в Москве в это время было великое множество. Я, естественно, не понимала сути выступлений, но мой преподавательский и научный опыт позволил мне выделять из большого количества докладчиков настоящих специалистов. С ними я и старалась налаживать контакты. На одном из таких семинаров мне удалось познакомиться с начальником (или с заместителем начальника) департамента строительных материалов Госстроя России и президентом ассоциации "Кровля" Виктором Ивановичем Песцовым . Я (несколько обнаглев) решила предложить ему стать главным редактором, что, на мой взгляд, было очень важно для имиджа нашего журнала. Прежде, чем согласиться, он поинтересовался объемом своей работы. Ответ был очень прост: я приношу Вам отпечатанный или подготовленный к печати журнал. Первый вариант его вполне устроил. Таким образом, журнал приобрел уважаемого главного редактора, а я - очень хорошего помощника и покровителя на абсолютно новой для меня стезе. Благодаря ему я нашла много клиентов для нашего журнала. После его согласия я с удовольствием переименовала себя в заместителя главного редактора.

Первый номер вышел в свет в апреле или в мае 2000 года тиражом 500 экземпляров. В нем было около 60 страниц со статьями и рекламой. Собирать материал для этого выпуска было очень непросто. Для большей привлекательности решили статьи публиковать бесплатно, деньги брать только за рекламу .Естественно, что в абсолютно неизвестный журнал компании давали рекламу без большого желания. Приходилось тратить много времени на уговоры. И все-таки удалось собрать материал. Как выяснилось, почти все строители - специалисты в различных направлениях (кровельщики, фасадчики и т.д.), вплоть до самого высокого уровня, плохо умеют письменно выражать свои мысли грамотно и доступно даже для своих коллег. Поэтому мне приходилось

вносить большое количество изменений, а иногда и переписывать статьи практически полностью, не понимая при этом их сути, затем отсылать авторам мой вариант на корректировку. Дело очень трудоемкое, но в результате всегда находился консенсус. Следующий важный вопрос - способ распространения журнала. Было очевидно, что в продажу его никто не возьмет. Мы решили, во-первых, как во всех приличных журналах, выделить некоторое количество экземпляров каждому автору, во- вторых, лично приносить журналы в известные строительные фирмы и, в-третьих, посещать выставки, семинары и курсы повышения квалификации для строителей разных направлений и на всех этих мероприятиях выступать с сообщением о новом специализированном журнале и раздавать журналы желающим. Последний вариант оказался очень продуктивным как для популяризации журнала, так и для привлечения новых авторов и рекламодателей. На одном из семинаров, как я уже писала, я нашла главного редактора нашего журнала.

Собирать материал для следующих выпусков было уже проще: какая-никакая известность в “узких строительных кругах”. Кроме того, удалось наладить хорошие отношения с руководителями некоторых крупных компаний и ведущими специалистами в отдельных областях строительного комплекса. При сборе рекламы и статей случались курьезы. Один из них мне запомнился. В журнал регулярно давал рекламу генеральный директор одной югославской фирмы Милан Девич, работавшей в России. Он каждый раз угощал меня чаем. Когда я пришла к нему в четвертый раз, то принесла собой баночку вишневого варенья собственного производства. Варенье ему очень понравилось. Заплатив 500 долларов за очередную рекламу, он заметил, что никогда в жизни не ел такого дорогого варенья. Отредактированные мною статьи, повидимому, удовлетворяли большинство авторов настолько, что я получила несколько предложений о переходе на работу в компанию для написания (вернее, редактирования, т.к. сама я ничего написать не могла из-за полного отсутствия знаний) статей руководителей и сотрудников. Вообщем, начала приобретать “имя” у строителей.

После выхода 5 или 6 номера журнала, я решила обсудить свое положение в редакции, поскольку к этому времени у меня возникли некоторые трения с Лешей (он стал очень грубо разговаривать со мной, делать что-то за моей спиной, старался показать, что я не отрабатываю своих денег и т.д.). Я произвела нехитрый расчет, согласно которому мой вклад в бюджет журнала был практически равен вкладу Алексея. Я даже составила таблицу по вкладу каждого из нас в бюджет. Естественно, у меня возник вопрос, как мы будем жить дальше. Леша очень удивился моим исследованиям и утверждал, что я ошиблась. Я отдала ему на изучение таблицу. При следующей встрече он подтвердил правильность моих расчетов, но сказал, что у него есть претензии к моей работе в журнале. Я попросила привести конкретные примеры, однако он не смог этого сделать сразу, сказав, что ему нужно подумать. Я ответила, что в таком случае проблем не существует и, повидимому, нашей совместной работе пришел конец. Но прежде, чем уйти из журнала, было необходимо поставить в известность нашего главного редактора Виктора Ивановича. Я пришла к нему в Госстрой и объявила, что у меня есть для него очень важное сообщение. Но сначала я хочу рассказать ему один из любимых анекдотов моего папы. Анекдот звучит так. “Проходит еврей мимо здания, на котором висит объявление: требуются сотрудники, знающие иностранные языки. Он заходит туда, его спрашивают, на каких языках он говорит, на что он отвечает: только на идиш и плохо на русском. Так зачем же вы к нам пришли и слышат в ответ, я пришел предупредить вас, чтобы вы на меня не рассчитывали.” Так вот, Виктор Иванович, я пришла предупредить Вас, чтобы Вы на меня не рассчитывали, и рассказала ему про сложившуюся ситуацию. Он одобрил мое решение и попросил не искать новую работу недели две, т.к. ему хочется продолжать работать со мной и у него скоро будет интересное предложение. И практически через неделю Виктор Иванович пригласил меня участвовать в организации выставки ”Кровля и изоляция” в выставочном комплексе ”Росстройэкспо” на Фрунзенской набережной. Леша предлагал мне вернуться на самых разных супер выгодных по его мнению условиях, но я

уже не могла и не хотела ему доверять. Между прочим, Алексею удалось выпустить всего один номер после моего ухода. Журнал кончился, и моя журнальная деятельность вместе с ним. Примерно в это же время кончилась и моя работа в родном институте, где я проработала около 40 лет.

ВЫСТАВКА В ПАВИЛЬОНЕ “ТРИУМФ”

Предложение работы на строительной выставке я получила в памятный для меня совсем по другому поводу день: ночью угнали нашу машину. Это отдельная история, но я не могу не рассказать о ней. У моего мужа Александра (сокращенно Алика) была хрустальная мечта - иметь собственную машину. Но, как вы понимаете, денег на такую роскошь у нас, двух кандидатов наук, всю нашу жизнь не было. Но в конце 90-х муж стал работать в частной компании и ему удалось сделать потихоньку от меня заначку. Недостающие деньги он занял. А вечерами он тайно от меня учился водить машину. После выхода первого номера “Кровли” я впервые полетела в США навестить старшую дочь, которая к этому времени переехала из Израиля в Калифорнию (в Пало Альто). По возвращению домой муж и младшая дочь мне даже не дали мне переодеться и повели во двор демонстрировать новую машину. Я просто обалдела. Машина была, конечно, не новая, но зато фольксваген - пассат. Муж вполне прилично освоился с вождением, но пользовался машиной практически он один. Меня вместе с нашей собакой Джерриком (дворнягой, но размером с небольшую овчарку) Алик возил на машине только на дачу. Когда одна из наших соседок по даче увидела впервые нас троих в машине, она воскликнула:” Как повезло Джеррику!”. Ведь до появления машины пес ездил с нами сначала на электричке до Киевского вокзала, потом на метро до Курского (на эскалаторах в рюкзаке у Алика, чтобы лапы не застряли в решетке) и на еще одной электричке до дачи. А в будние дни наши графики работы не совпадали. Но в этот день мы приехали на дачу вместе, т.к. утром были похороны Е.М Гершензона, моего любимого руководителя, а вечером нужно было заехать домой, чтобы забрать у соседей их старые оконные рамы, презентованные нам для нашего дачного дома, который мы строили на месте сгоревшего при пожаре. Мы очень устали и, не разгружая машину, пошли спать. Ночью Джеррик немного полаял, но мы не обратили на это внимания. “А поутру они проснулись” и увидели пустой двор и открытые ворота. Местная милиция даже не стала регистрировать кражу, поскольку мы не были прописаны на даче. Короче, машина пропала с концами и с рамами для наших окон. Алик успел попользоваться ей года полтора. Он переживал ужасно, я даже испугалась его состояния, боялась, что с ним случится что-нибудь плохое. Украли машину в пятницу, а в понедельник Алик приходит с работы и говорит, что его начальник нашел для него аналогичный фольксваген и предлагает ему деньги в долг. К этому времени мы только-только кончили отдавать долги за украденную машину. Но у мужа были такие глаза, что я не смогла сказать нет. Я отлично понимала, что у нас нет времени ждать, пока мы сможем накопить приличную сумму особенно учитывая его здоровье. Мы влезли в очередной долг и получили новый-старый фольксваген, который использовали до отъезда в Америку - сначала муж (пока он был в состоянии), а потом младшая дочь Юля получила права.

Вернемся к предложению Виктора Ивановича. На Фрунзенской набережной, одном из самых престижных районов Москвы, находилась самая большая в городе открытая еще в 1935 году “Постоянная строительная выставка”, на которой специалистов строительной отрасли знакомили с передовыми методами труда, новыми материалами и технологиями в строительстве. В 90-х годах выставка стала называться “Росстройэкспо”, что не изменило ее назначения. Однако краткосрочные специализированные выставки здесь не проводились. В 2002 году на “Росстройэкспо” был открыт новый супер современный павильон “Триумф”, предназначенный именно для узкопрофильных, но максимально полно отражающих положение в выбранной тематике выставок. И первой выставкой, которую было решено провести в этом павильоне была выставка “Кровля и изоляция” под эгидой Госстроя России и партнерства “Кровля”. Вот для организации этой выставки меня и пригласил Виктор Иванович, президент партнерства “Кровля”. В начале 2000-

х были очень распространены партнерства в различных областях строительной индустрии. При организации этой выставки я познакомилась еще с одним партнерством "Ассоциацией производителей и потребителей трубопроводов с индустриальной полимерной изоляцией", оно стало активным участником всех проведенных мной выставок.

В мои обязанности входило приглашение строительных компаний различных направлений на выставку, т.е. продажа выставочной площади, а также организация рекламы выставки при минимальных затратах. Короче, я была одна во всех лицах, но за очень приличную по тем временам зарплату, которая была больше, чем у моего заведующего кафедрой, доктора наук, профессора и т.д.. Мне не позволялось только тратить деньги из бюджета выставки без специального разрешения. Собственно говоря, деньги мне нужны были только для оплаты рекламы выставки, но в бюджете выставки предполагались лишь объявления по радио в метро на станции "Фрунзенская" за несколько дней до начала и в дни проведения выставки; рекламировать выставку через специализированные газеты и журналы можно было только бесплатно.

За время работы в журнале у меня уже появился довольно обширный круг знакомых в области кровли и изоляции. Это существенно облегчило продажу выставочных площадей в павильоне, которая шла довольно успешно. Для удобства работы мне пришлось освоить специальную компьютерную программу, позволяющую рисовать план выставочного зала и размещение в нем стендов каждого участника. Эта программа существенно ускоряла процесс выбора места и площади стенда и для экспонентов, и для меня. Но мне было ужасно скучно только приглашать и продавать.И я подумала, что будет очень полезно провести в рамках выставки научно-практическую конференцию с последующей публикацией докладов, причем, участники выставки, т.е. представители фирм, купивших место для стенда, публикуют свои доклады бесплатно, а для всех остальных была установлена определенная оплата. Об этой идее я рассказала одному из основных участников выставки начальнику отдела маркетинга компании "Технониколь", контролирующей практически весь российский рынок мягкой кровли (толь, рубероид, мягкая черепица и т.д.), выпускнику физтеха Юре Горелову. Видимо, благодаря тому, что мы оба по образованию были физиками, мы сразу нашли общий язык несмотря на разницу в возрасте более 20 лет. Ему эта идея очень понравилась, и он решил, что "Технониколь" будет спонсором сборника докладов. Редактирование статей (моя работа), естественно, спонсором не оплачивалась. Выпуск такого сборника был горячо одобрен руководством. И дело пошло. Я не могу сказать, что народ повалил валом, но участников и посетителей выставки было довольно много, и практически всем экспозиция понравилась.Особенный успех имела конференция, на которой работало 7 семинаров под руководством ведущих специалистов в различных областях строительной индустрии. В докладах обсуждались вопросы создания и использования современных кровельных, тепло- и гидроизоляционных материалов, фасадные системы, проблемы инженерных тепловых систем. Для себя я придумала семинар, посвященный приборам по оценке качества материалов и выполняемых строительных работ. К слову сказать, из доклада, сделанного президентом "трубной" ассоциации было очевидно, что уже 2002 году инженерные коммуникации в российских городах были изношены до предела и требуется их срочная замена; приводились страшные цифры аварий (прорывов труб теплоснабжения), происходящих в то время. Но, как мы с вами знаем, до сих пор меры по изменению ситуации не были приняты, и сейчас мы имеем то, что имеем - огромное количество ужасающих прорывов теплотрасс по всей России прошлой зимой. И это только то, о чем сообщали в прессе.

Сборник докладов имел очень внушительное название: "Труды конференции "Кровля и изоляция для строительных объектов и инженерных коммуникаций" и содержал около 100 страниц. Предваряли сборник приветствия от заместителя председателя Госстроя России (председателя оргкомитета) А.С Бариновой, Президента некоммерческого партнерства "Кровля", зам. пред. оргкомитета В.И.Песцова и

директора выставочного комплекса на Фрунзенской С.Ю.Азимова. Я перечислила эти фамилии, чтобы был понятен уровень уважения к этому сборнику. Короче, моя первая выставка прошла вполне удачно.

Оргкомитет выставки был настолько вдохновлен успехом, что принял решение об организации внеочередной выставки через 7 месяцев после окончания первой, хотя она предполагалась ежегодной. Собирать экспозицию в этот раз было намного проще. Почти все участники первой выставки решили принять участие в следующей и часто приводили своих коллег, так что выставочные площади продавались легче, чем в первый раз. Специализированные газеты и журналы получали на выставке, как принято на всех уважающих себя выставках, стенды бесплатно. Кроме того, видимо, конференция сыграла свою роль. Желающих выступить с докладом стало больше, да и уровень докладчиков возрос. Ведущие специалисты в различных областях строительных технологий участвовали в этой конференции существенно активнее, чем в предыдущей. Доклады стали более информативными, с подробным, а в ряде случаев даже научным обоснованием преимуществ того или иного материала или технологии. Сборник трудов получился большего объема, в нем было уже около 200 страниц, и даже три фирмы разместили в сборнике свою рекламу. И приветствий, предваряющих сборник, стало больше. Кроме заместителя председателя Госстроя России, появились приветствия от Комитета по промышленности, строительству и наукоемким технологиям ГосДумы и министра строительства Правительства Московской области. Это говорит о повышении значения нашей выставки. Только оплата рекламы "Кровли и изоляции" осталась на прежнем уровне. Но несмотря на это, посетителей, осматривающих экспозицию, было много, и аудитории, где проходили доклады были полны. Успех второй выставки был очевиден. Сборник докладов расходился хорошо, правда, бесплатно. Вроде бы жизнь наладилась, и все складывалось прекрасно.Но, как оказалось, почивать на лаврах было рано.

Хозяевами нашего великолепного павильона "Триумф" были чеченские предприниматели, и они решили устроить в этом павильоне магазин "Ашан" (аналог нашей "Костко"), т.к. прибыль от проведения выставок, естественно, была существенно ниже, чем от магазина. Хочу заметить, что в 2022 году принято решение о ликвидации "Росстройэкспо" и застройке ее территории жилыми элитными домами.

А я вновь осталась без работы. Правда, теперь мое "положение" в строительных кругах Москвы укрепилась. Как только стало ясно, что выставки в выставочном комплексе на Фрунзенской набережной прекратили свое существование, я стала получать приглашения на работу из разных журналов. Я уже могла выбирать, а это значило, что меня признают как специалиста, чем можно было гордиться, ведь я начала работать на "этом поприще" всего около трех лет назад. После двухнедельных раздумий я решила пойти работать в редакцию журнала (название уже не помню), который издавался Строительным комитетом ГосДумы России. Но примерно за три дня до моего выхода на новую работу мне позвонили с новым предложением, от которого было трудно отказаться без дополнительного общения с работодателем.

ВЫСТАВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС "СОКОЛЬНИКИ"

Звонок был из выставочного комплекса "Сокольники". Несколько слов о самом выставочном комплексе. Он является родоначальником международной выставочной деятельности в нашей стране. Именно здесь в 1959 году прошла первая выставка с участием иностранного государства - Американская национальная выставка. Попасть на нее было очень трудно, но мне удалось не помню как. Меня потрясло увиденное там: совершенно другой стиль жизни (компьютеры, холодильники, стиральные машины, автоматы для изготовления разнообразных изделий, легковые машины, яхты и т.д.), и там я первый раз в жизни попробовала пепси колу. Тогда же впервые в СССР был легально привезен художественный авангард – картины американского художника Поллака. Главным павильоном выставки являлось специально построенное круглое здание, перекрытое ажурным решетчатым куполом золотистого цвета. В купольном покрытии была использована

оригинальная конструктивная система известного американского архитектора и инженера Ричарда Бакминстера Фуллера. Золотистый купол центрального павильона выгляделкакбысложенным из множества кристаллов. Этот архитектурный эффект создавался благодаря тому, что купол собран из отдельных «скорлуп» – ромбовидных листов анодированного дюралюминия, изогнутых в продольном направлении. Так вот - прекрасный павильон, построенный для американской выставки, и стал основой выставочного комплекса Сокольники. Конечно, с 1959 года появилось много новых современных павильонов, и выставка превратилась в огромный международный выставочный комплекс (МВК), который в отличие от "Росстройэкспо" предназначался для краткосрочных специализированных выставок. Одной из таких выставок была ежегодная "Международная строительная неделя". За годы своего существования "Строительная неделя" смогла из небольшой строительной выставки перерасти в крупнейший международный выставочный форум, участие в котором стало не только коммерчески выгодным, но и престижным. За высокий уровень организации, особое значение для экономики региона и расширения внешнеэкономических связей "Строительная неделя" в Сокольниках удостоена знака Международного союза выставок и ярмарок. В 2005 году Строительная неделя одобрена Всемирной Ассоциацией выставочной индустрии , что является международным сертификатом качества мероприятия и знаком того, что выставка получила наивысшую международную оценку. Замечу, что строительная выставка с измененным названием "Мосбилд" и несколько иным содержанием проводится до сих пор.

Мне позвонила директор "Строительной недели" Татьяна Рузавина и пригласила принять участие в организации столь уважаемой выставки 2004 года.

Необходимо отметить, что "Строительная неделя" состояла из довольно большого числа не связанных между собой выставок, представляющих существенно более широкий круг областей строительной индустрии, чем "Кровля и изоляция". На ней были отдельные выставки "Мир ковров и напольных покрытий", "Керамика и камень", "Отделочные материалы" и т.д., и т.п. .Для обсуждения условий работы мы встретились на следующий день.Она предложила работу агента, продающего выставочные площади и получающего процент от продажи, правда, довольно высокий. Но эти условия меня не устроили по одной очень важной причине. В штате сотрудников "Строительной недели" уже было два или три человека (молодые женщины), работающие по строительной тематике не один год и имеющие связи в этой области, а количество фирм, которые заинтересованы в участии в выставке не безгранично. Поэтому возможны случаи, когда я и одна из сотрудниц пригласили одну и ту же фирму. Значит, для получения денег нужно будет выяснять, кто первый сказал "А". Я сказала, что слишком стара для таких разборок, и у меня есть другое предложение для работы. Буквально через день мне снова позвонила директор "Строительной недели" и сообщила о желании генерального директора МВК встретиться со мной в ближайшее время. Я снова приехала в Сокольники. Генеральный директор Андрей Лапшин, молодой человек лет сорока, и Татьяна беседовали со мной очень обстоятельно. Они очень интересовались закончившейся три недели назад проведенной в "Росстройэкспо" выставкой и были очень удивлены, что при практически полном отсутствии денег на рекламу объем экспозиционной площади на "Кровле и изоляции" был лишь незначительно меньше, чем экспозиционная площадь на выставке по этой же тематике на "Строительной неделе", завершившейся неделю назад. По непонятным мне причинам обе строительные выставки следовали одна за другой. Гендиректор даже с огромным удивлением воскликнул: "Как же Вам это удалось, ведь мы вашу выставку так давили!". Он имел в виду обилие рекламы "Строительной недели". Мне было предложено работать по выставкам, близким к моей "специализации": "Кровля и изоляция", "Инженерные коммуникации", "Фасадные теплоизоляционные системы" и "Быстровозводимые и мобильные здания", но на этот раз совсем на других условиях: штатная должность с увеличением моей прежней зарплаты на треть, но с нормированным рабочим днем с 9

утра до 6 вечера. Присутствие на рабочем месте весь день было для меня совсем неприемлемым. Помещение, где мне предстояло сидеть, представляло собой огромную комнату, в которой столы с компьютерами и телефонами стояли по два в ряд, рядов было три, а сколько столов в каждом ряду я уже не помню, но много. Шум в комнате стоял страшный, за каждым столом велись переговоры. Всего в этой комнате работало человек 50, а может быть и больше. Кроме того, добираться мне до Сокольников особенно к 9 утра было чрезвычайно сложно: сначала на электричке 10 минут до Киевского вокзала, потом на метро с пересадкой минут 40, а от метро до МВК еще пешком минут 20. Я объяснила руководителям, что если я буду ходить на службу каждый день, то к моменту моего прихода я уже буду не способна работать, тем более в описанных выше условиях, и что для меня более эффективно будет работать из дома с периодическим отчетом начальству. Гендиректор был просто потрясен такой идеей, он представить себе не мог, как можно эффективно работать без постоянного контроля. Была еще одна более важная причина необходимости моей работы из дома. Муж был очень тяжело болен. Ему поставили диагноз - лимфосаркома, поэтому он периодически проходил химиотерапию в клинике имени академика Блохина, которая в просторечии называлась "Блохинвальд", и находилась эта клиника в противоположном от моего дома конце Москвы. Во время лечения я почти каждый день навещала его в больнице, а в промежутках между этой ужасной терапией он находился дома и за ним нужно было ухаживать. Короче, мне был необходим свободный график работы. Не помню, как мне удалось убедить руководство, но они согласились на мои условия. И я начала работать в Сокольниках.

Собирать четыре указанные выше выставки мне было уже относительно легко. Ведь, во-первых, у меня уже был опыт, во- вторых, появились знакомые ведущие специалисты, которые помогали находить участников. Так, Главный специалист "Федерального центра технической оценки продукции в строительстве" Дмитрий Моисеевич Лаковский, без разрешения которого ни одна фасадная система не могла быть использована строительной компанией, советовал приглашать на выставку фасадчиков таким образом: " Дмитрий Моисеевич очень удивлен, что вы до сих пор еще не купили площадь на "Строительной неделе". И это работало безотказно. Было много других, не столь оригинальных помощников.

Я, конечно, предложила руководству идею организации конференции, рассказала о двух уже проведенных на "Кровле и изоляции" в "Росстройэкспо" и показала два сборника докладов. На "Строительной неделе" обычно проводились только отдельные семинары изъявившим желание специалистом без последующей публикации. Проведение большой конференции по тематике всех выставок, проходящих в рамках "Строительной недели" и особенно публикация сборника гендиректору очень понравилась. Может быть, поэтому он согласился на свободный график для меня. Ведь я опять не просила дополнительной оплаты за редактирование докладов не только по моей "специальности", но и по "окнам", "обоям", "керамике" и т.д. На конференции "12 Строительной недели" было уже 12 секций, она продолжалась три дня и на ней, было заслушано около 80 докладов. Сборник докладов превышал 300 страниц и даже несколько крупных компаний разместили в сборнике рекламу. Спонсором издания была попрежнему компания "Технониколь", в которой Юра Горелов, мой верный друг, уже стал гендиректором по продажам. Он же руководил семинаром по кровле. Нужно отметить, что руководителями семинаров были ведущие специалисты России. Не буду вас утомлять перечислением всех руководителей семинаров, но все они были "первыми номерами" в своей отрасли строительства. Вот несколько примеров: семинаром по настенным покрытиям руководил президент российской ассоциации производителей обоев, семинаром "Быстровозводимые и мобильные здания! - президент Национальной ассоциации производителей стальных гнутых профилей, семинаром по фасадным системам - Д.М.Лаковский, о котором я уже упоминала, и т.д. Посетителей на выставке и особенно на конференции было много. Можно сказать, что выставка была успешной. Руководство было довольно чрезвычайно, а гендиректор Лапшин

убедился, что можно хорошо работать без неусыпного контроля начальства. Он больше не только не возражал, а даже очень одобрял мою работу “на удаленке”.

После выставки была проведена аттестация сотрудников. Заседала комиссия, задавали кучу вопросов, я не помню именно каких, но проверяли даже знание английского. Их вполне удовлетворило мое мизерное знание языка. Просто на фоне остальных мой язык был, видимо, достаточен для употребления. Итак, аттестацию я прошла удачно и мне повысили зарплату аж на 50%. И началась подготовка к следующей выставке в новом 2005 году и публикации сборника докладов конференции 2004 года. Это была очень кропотливая работа: сбор докладов у чрезвычайно занятых людей, редактирование (или переписывание) таким образом, чтобы не обидеть авторов, согласование отредактированной статьи и т.д. А статей стало существенно больше, чем на “Росстройэкспо”, да и они стали объемнее, а часть из них - по абсолютно “новой” для меня тематике: окна, обои и т.д.

В 2005 году проблем с продажей выставочных площадей и организацией конференции практически не было. Представители компаний сами звонили и интересовались возможностью приобрести стенд и выступить на конференции. Конечно, не все было так безоблачно, но тем не менее выставка расширялась и приобретала все большую популярность. Подробности продаж площадей я уже не помню, но могу с уверенностью сказать, что практически все крупные строительные компании были экспонентами “13 Строительной недели”. Конференция, проводящаяся в рамках этой выставки, вызвала огромный интерес в строительных кругах. Секциями на этот раз руководили те же ведущие специалисты, что и на предыдущей конференции. Но количество докладов возросло до 90, а объем сборника докладов до 400 страниц. Существенно изменилась структура семинара по фасадным системам (я не буду приводить его длинное название), руководимого Д.М.Лаковским. В этот раз семинар длился полный рабочий день и состоял из 6 частей, в которых подробно обсуждались общие вопросы фасадных систем, отдельные типы фасадных систем, крепежные изделия и материалы, используемые для фасадных систем. Но количество участников было постоянным и очень большим. Еще в самом начале работы семинара Татьяна (директор выставки) сказала мне: ”Алла Александровна, у нас никогда не было такого количества слушателей!”. Я ответила, что уже третий раз заказываю дополнительные стулья в зал, где проходит семинар. По нашим подсчетам, семинар по фасадам посетило более 200 человек. Это заслуга Лаковского, который организовал и руководил этим семинаром и дань огромного уважения к нему представителей фасадных фирм. Материалы этого семинара были также размещены на крупнейшем в России строительном интернет-портале www.know-house.ru. (он существует до сих пор). Отдельно был проведен семинар “Проблемы жилищной политики,Формирование рынка доступного жилья”, на котором был только один доклад, сделанный руководителем Федерального Агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству С.И. Кругликом. Несмотря на столь высокий пост, он предоставил текст доклада в наш сборник. Я написала об этом только для того, чтобы было понятно отношение высоких начальников к нашей конференции и сборнику докладов. Успех выставки 2005 года был очевиден. И мы приступили к организации следующей “14 Строительной недели” .

Но работать на “14 Строительной неделе” мне было очень трудно по семейным обстоятельствам. Болезнь моего мужа прогрессировала. Еще летом 2005 года профессор, ведущая мужа, очень удивилась, узнав, что моя старшая дочь Ирина живет в Пало Алто. “Какого черта вы сидите здесь, когда ваша дочь живет рядом со Стенфордом, где лучшая школа по лечению лимфосаркомы?” И мы поняли, что нужно уезжать, и подали заявление о получении статуса беженцев. В это же время Ирина выиграла в лотерее грин-карту для Юли, моей младшей дочери. После окончания мехмата МГУ Юля работала в американской компании “АВВУУ”, разрабатывающей словари, которые в то время устанавливались в компьютерах, и программы для распознавания текстов (файнридер). Компания была интересна тем, ее главный офис, несмотря на то, что это была американская компания,

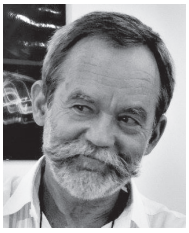
находился в Москве, а филиалы - по всему миру. Один из филиалов располагался в Калифорнии во Фримонте. Юле удалось перевестись на работу во Фримонт без особых сложностей. В ноябре 2005 года мы с мужем получили статус беженцев и начали готовиться к отъезду. Мы планировали переезд на июнь 2006 года. И Юля договорилась о переводе на середину июля. Планы были прекрасны, но жизнь, как всегда внесла свои коррективы.

Состояние здоровья моего мужа прямо 1 января резко ухудшилось, в девятый раз за полтора года пришлось поместить его в клинику, а это оказалось совсем непросто. Дело в том, что в России первые две недели января все празднуют Новый год, Рождество и Старый Новый год, поэтому лечь в больницу было невозможно. После 13 января в подвале клиники произошел пожар, следовательно, до ликвидации его последствий не было приема больных, потом еще дней 10 были сильные морозы. Короче говоря, в больницу муж попал только в конце января в таком состоянии, что пришлось сразу нанять ему частную сиделку. Ведь в отделении лейкемии, где он постоянно лежал, на 120 лежачих больных днем работали две медсестры, а ночью дежурила одна. Я старалась как можно больше времени проводить с ним. Работать приходилось урывками и по ночам.

Теперь о выставке. До Нового года я могла работать более или менее интенсивно: продавала площади, приглашала докладчиков на новую конференцию, готовила к публикации сборник докладов конференции 2005 года, который удалось выпустить к началу выставки 2006 года. Особо интересных деталей я уже не помню, все шло по вполне накатанному пути. Как только мы в ноябре 2005 года получили разрешение на въезд в Америку, я сообщила об этом своему руководству, это очень расстроило Татьяну. Она от меня такого подвоха не ожидала.

“Строительная неделя” началась 28 февраля и закончилась 4 марта. Проходила она неплохо, конференция была тоже, но я не могла ей уделить достаточно времени. О подготовке сборника докладов по этой конференции уже не могло быть речи. Здоровье мужа ухудшалось очень быстро. Я все больше времени проводила в больнице. О выставке и конференции остались в памяти только какие-то эпизоды. Выставка закрылась 4 марта, а 19 марта 2006 года муж скончался. Я переезжала в США одна, так как Юля должна была начать работать согласно договору с середины июля, и вся подготовка к переезду легла на мои плечи.

Где - то в апреле Татьяна попросила меня не увольняться и помочь с подготовкой следующей выставки. Я согласилась и уволилась из МВК 1 августа, успела продать довольно много выставочной площади, а 28 августа я прилетела в США. Но на этом моя связь со строителями не закончилась. Директор интернет портала www.know-house.ru сказал, что не может и не хочет расставаться со мной, и попросил редактировать книгу “Передовые методы строительства” (точное название я уже не помню). Таким образом, я приехала в Америку, имея оплачиваемую, причем, довольно неплохо, работу. Деньги мне передавали с оказиями, которых в то время было много. Книга была переведена с английского, повидимому, с помощью Гугла, поэтому ее нужно было переводить с русского на русский. Пришлось затребовать английский текст, без него понять предоставленный перевод было просто невозможно. Закончилось мое редакторство в августе 2008 года, когда в России начался кризис, и деньги у моего работодателя кончились. Книгу я так и не смогла закончить, но больше 500 страниц я успела отредактировать. Вот на этом моя “строительная деятельность” завершилась полностью.

Игорь Кривонос

ИЗ ФБ-ПЕРЕПИСКИ ПО ПОВОДУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

(Андрей П., ФБ)

*О "творческом процессе" с помощью ИИ. Друзья, вот по самому чесноку. Одно дело, когда ты картину или музыку, увидел или услышал внутри себя. Неважно, навеяло тебе звуками улицы, или тебе во время утренней сонной неги пришла идея - ты её 100% создал. Другое дело - когда ты сидишь, аки босс и даёшь задание нейронке - "а создай-ка первое второе... n-ое, в таком-то стиле". И далее тебе выдают результат. Ну чистой воды читерство. Фактически, это как если б ИИ стёр грань между спортсменами и обычными людьми. То есть, без каких-либо затрат, без долгих лет кропотливого труда и тренировок, оттачивания мастерства, ты берешь мешок золотых медалей. С искусством та же фигня. Логично - ИИ при таком употреблении, отнимает у тебя свободу творить, продумать всё, детализировать, использовать творческий синтез, создавая новые направления. И мы получаем очередной виток деградации - зачем напрягать мозг, развиваться, если ИИ всё за нас сделает? *

(Игорь К., ФБ)

- Андрей, видимо, моя точка зрения отличается от твоей. Я давно занимаюсь созданием изображений. Не раз приходилось снимать постановочные сцены - иногда по две-три сотни человек в кадре. Постановочная работа как раз и состоит в том, чтобы кому-то свой замысел объяснить или, другими словами, аки босс, - актеров по местам расставить, показать траекторию движения, и: первый пошел! второй пошел! третьего из-под камеры - пошел! Это часть работы оператора-постановщика на площадке: ассистентам, аки босс, задачи поставить, а иногда и команде операторов - тоже, и всех проконтролировать. И все это - текстами, т. е. вербально. А если вместо актеров, гримеров, декораторов, пиротехников и т. д. - один ИИ, то разница невелика, только что текст в виде букв, а результат - очень похож. Что до читерства - так ведь никто не говорит, что это акварель или фреска, здесь, по-моему, все честно. И последнее: с появление фотографии многие пророчили смерть живописи. Бодлер, французский поэт и художественный критик 19 века, называл фотографию «самым смертельным врагом искусства», но - ничего, искусство выжило...

ОБРАЗ, ЗАМЫСЕЛ, ИНСТРУМЕНТ, НОСИТЕЛЬ, РЕЗУЛЬТАТ

- Так это же компьютер сделал! - такую фразу я услышал от коллеги по ТВ, редактора, после того, как показал свои первые работы из цикла "Преодоление". А цикл этот, надо сказать, весь построен на сложной работе со множеством изобразительных элементов, собранных в каждом изображении из разных фото-кадров с последующей ручной обработкой каждого элемента по размеру, форме, положению в кадре, цвету (цветовому тону, светлоте и насыщенности), прозрачности... И все эти изменения применялись не обязательно ко всему элементу, а лишь к его (элемента) части, и количество элементов в одной готовой композиции достигало двадцати и больше. И новые элементы неизбежно влияли на уже существующие и часто требовали новых изменений по форме, положению и т.д. Сложнейшая мозаика из самых разных кусочков, где, главное, отсутствует точный первоначальный эскиз.

Тогда я не нашелся, что ответить. Ответ, как это часто бывает, пришел с запозданием, и сегодня я бы ответил вопросом:- А вы ведь работаете с текстами, так вам тексты тоже компьютер делает?

Случай этот я вспомнил в связи с обсуждением с некоторыми моими друзьями, коллегами и знакомыми проблем Искусственного Интеллекта в творческих процессах. В последнее время я использовал ИИ для создания разных изображений, в том числе для серии иллюстраций по мотивам "Марсианских хроник" моего любимого Рэя Брэдбери.

Сквозь строки и голоса я вновь слышу не заданный, но висящий в воздухе вопрос:

- Так это же ИИ сделал?!

На этот незаданный вопрос я и хочу ответить сейчас. Интеллектуальные устройства потихоньку появляются в современной жизни, и если пылесос, который самостоятельно шастает по дому, обходя препятствия уже не удивляет ни нас, ни домашних котиков, то в такси без водителя мы садимся с опаской. Кое-где в модных ресторанах началась роботизация процесса обслуживания - заказы принимают и приносят (привозят?) еду, страшно сказать, роботы. А с кем поскандалить, если что не так? Но творчество? Не допустим! Не уступим! - примерно так звучат реплики алармистов. Это - не искусство! Это повторение, а не созидание! - скандируют другие.

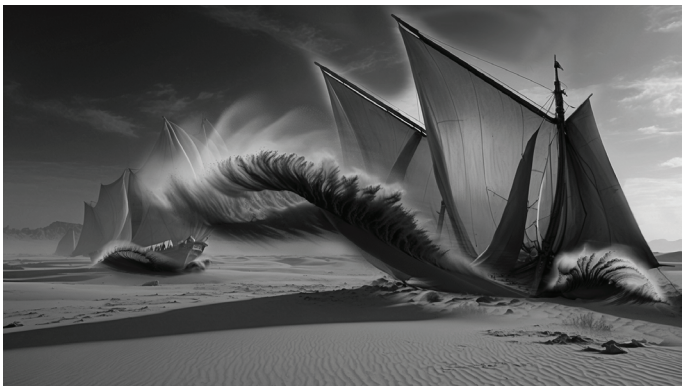

Попробую ответить, исходя из своего немалого опыта создания изображений и совсем небольшого опыта использования ИИ для той же цели. Абсолютно независимо от способа создания изображения - будь то рисунок углем на стене пещеры или использование ИИ, алгоритм его создания за века не изменялся. Формула этого алгоритма такова: ОБРАЗ, ЗАМЫСЕЛ, ИНСТРУМЕНТ, НОСИТЕЛЬ, РЕЗУЛЬТАТ. Причем составляющие: образ, замысел, результат - вообще не меняются никак. Единственное, что меняется на протяжении последних двух-трех тысяч лет у художников всех времен и народов – это носители и инструменты. Твердые носители - камень, дерево, требовали резцов и молотков, стены и холсты - разного рода красок и лаков. И так было не просто долго - очень долго. Но пришел девятнадцатый век и принес новый способ создания изображения - фотографию. Довольно долго "младшая сестра" не вписывалась в устоявшийся на Парнасе порядок, но - в Нью-Йоркском Метрополитен-музее на одной стене (общей для зала импрессионистов и зала фотографии) размещены живописные полотна и - с другой стороны - фотографии. И как только парнасские аборигены признали фотографию за свою, появилось еще одно явление. Поначалу его даже фотографией назвать было стыдно, но явление развивалось столь быстро, что к началу нулевых о пленочной фотографии стали потихоньку, а иногда и громко забывать. Фотография стала тотально-цифровой. Произошло то, что уже изменило и продолжает менять наше отношение к изображению. Не отрицая традиционных методов создания изображений, появился новый - способ записи на твердые диски компьютеров последовательности импульсов, которые сам компьютер преобразовывал в изображение – на экране, на бумаге, холсте - да хоть на стене.

Такого не бывало в истории человечества - изображение никогда не хранилось в электронном виде и никогда раньше не было возможности вмешиваться в готовое изображение, тотально изменяя его (изображения) свойства или (!) создавая изображение вообще из ничего, или, если быть совсем точным - из электричества...

В нулевых годах я стал изучать основы 3D-графики, создавая свои первые модели и изображения этих моделей. Можно ли сказать об этих изображениях, что их создал компьютер? Да, конечно, можно сказать и так, но... Чтобы это чудо создало хотя бы самую простенькую модель, нужен был, и нужен до сих пор - человек, который носит в себе некий образ, переводит его в более конкретную форму замысла и - объясняет замечательной электронной машине, какую форму должен иметь вожделенный предмет, какую текстуру он должен иметь, с какой стороны на него должна смотреть виртуальная камера, как на него должен падать свет, и вуаля! Вы получаете изображение предмета,

которого никогда не было в природе! Сверхмодное, электронное изображение, которое можно наносить на любую поверхность, в любом размере...

Что же изменилось в известном алгоритме: образ, замысел, носитель, инструмент, результат? Правильно! Носитель и инструмент. Вместо камня или дерева, холста или стены - твердый диск, вместо резцов или кистей - кнопки клавиатуры, но сам алгоритм: образ, замысел, носитель, инструмент, результат остался неизменным. И наконец - ИИ! Образ, замысел, носитель, как в "обычной" цифровой фотографии. Инструмент - удобнее, чем в 3D-графике, - достаточно ввести текст-задание, который точно описывает предполагаемое изображение, указать некоторые стилистические особенности - например, характер освещения, глубину резкости и т. д. и ты получаешь одно или пару или (по заказу) тройку, четверку изображений. Если тебя не устраивает ни одно из них, ты делаешь следующую попытку, получаешь следующую пару, тройку...

На что это похоже? На съемку первого, второго, третьего и т.д. дубля в кино. Между вторым и последующими дублями можно вводить изменения в текст.

Все как в кино:

- Чудесно, моя дорогая, а теперь стань чуть более стройной, и перепрыгни справа налево. Мотор! Начали! И так, по чуть-чуть движешься к цели - результату. В какой-то момент понимаешь, что фон получился практически идеальным, а вот персонажа можно взять из второго дубля... вот эту штуковину нужно будет перекрыть барханом песка или, к примеру, ракетой, и... следующий текст-задание звучит так: мягкий песчаный бархан, освещенный слева - получите два варианта; нет не такие, еще два - получите. И так, методом последовательных приближений, или, говоря простым языком, методом итераций, приближаешься к тому образу, который предполагался в самом-самом начале.

Для меня работа с ИИ - это совершенно привычная работа на съемочной площадке по созданию определенного изображения, с той разницей, что в группе -идеальная дисциплина, все исполнители всегда вовремя на площадке, и на фоне чего хотите: Карфагена, трущоб Калькутты, марсианской пустыни - пожалуйста (пустыня, правда, слегка похожа на Калифорнию, но и на Марсе мало кто бывал), и персонажи - любые, каких закажешь. И неограниченное количество вариантов, именно вариантов, из которых можно выбрать самый лучший или, по крайней мере, приемлемый. И еще: ни одно из изображений, которые я показывал, не были полностью сгене-рированы ИИ в том виде, в каком их видите вы. Удачные персонажи кочевали к удачным фонам, красивые колонны или купола перелетали из файла в файл, темное небо заменялось на более светлое или наоборот, количество персонажей менялось, если того требовала общая композиция и т.д. и т.п. В общем, ИИ - это не более, чем инструмент в творческой работе!

Попробуйте, может и вам понравится.

Киев

Игорь Кривонос

ФОТОГАЛЛЕРЕЯ

"Ч-Б + " американские зарисовки...

"100 снимков из моего окна"

"100 снимков из моего окна"

"Ч-Б + " американские зарисовки...

АРТ- СТУДИЯ НАДИ ВИНОГРАДОВОЙ

Два человека встречаются и начинают говорить. Хорошо если они понимают друг друга, а если нет?..

Искать человека, который бы говорил на твоём языке сложно, язык живописи изыскан и непонятен для большинства. Порой легче ему научить человека желающего тебя услышать, чем искать собеседника. Так организовалась моя мастерская. Люди, пришедшие туда, стали не просто студентами, а добрыми друзьями и интересными собеседниками.

Живопись быстро объединяет и наполняет жизнь смыслом. Вывод простой – приходите в мастерскую. Поговорим по душам.

Максим Комиссарчик. "Розы".
Масло. 11х14 дюймов.

Максим Комиссарчик."Подсолнухи".
Масло 24х32 дюйма.

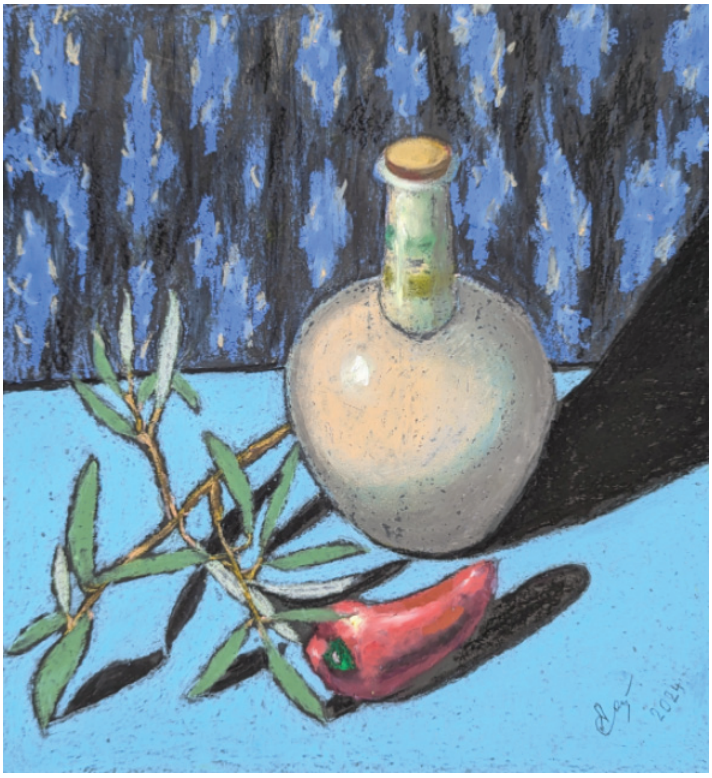
Юлия Пуртелл. "Абрикосы".
Масляная пастель.16х20 дюймов.

Татьяна Громова. "Гранаты".
Масло. 16х20 дюймов.

Ника Левинштейн. "Китайская ваза".
Масло. 18x24 дюйма.

Лида Сан. "Натюрморт с красным перцем".
Масляная пастель. 12x12 дюймов.

Марина Луценко."Пляж Санта Круза".
Масляная пастель. 16x20 дюймов.

Лена Мирская. "В память об отце".
Масло 16x20 дюймов.

Ника Левинштейн. "Пряжа".
Масло. 8х10 дюймов.

Надя Виноградова. «Мама с Толиком».
Масляная пастель. 18х24 дюйма.

Лена Мирская. "Айзек". Масло. 12х24 дюйма.

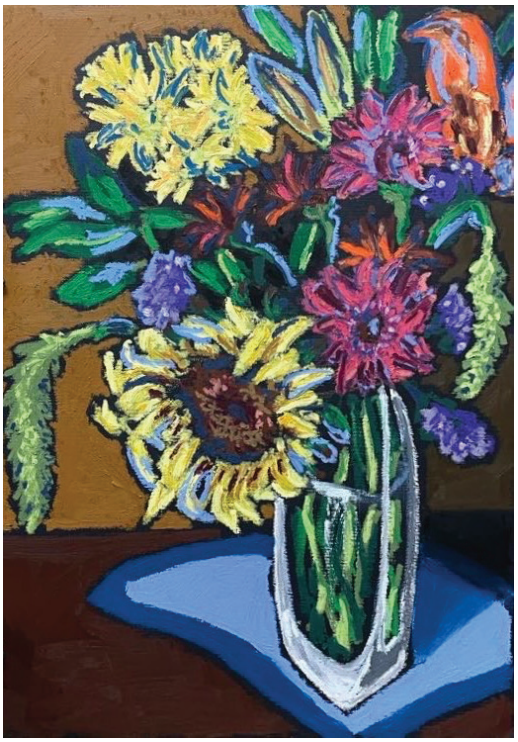
Татьяна Громова. "Кот".
Масло. 12х24 дюйма.

Лидия Сон.
"Каллы".
Масляная пастель.
12x30 дюймов.

Надя Виноградова,
"Цветы на
сиреневом фоне".
Масляная пастель.
12x30 дюймов.

Юлия Пуртелл. "Цветы".
Масляная пастель. 12x16 дюймов

Марина Луценко. "Букет маков".
Масляная пастель. 16x20 дюймов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бернштейн Борис Моисеевич (1924-2015) – доктор искусствоведения, профессор-эмеритус Академии Художеств Эстонии. Книги, статьи и альбомы по истории русского, эстонского искусства и по всеобщей истории искусства, а также по теории искусства и методологии искусствознания опубликованы на русском, эстонском, английском, немецком, польском, испанском, венгерском, словацком, латышском, литовском и др. языках. Печатался во всех выпусках альманаха «Образы жизни» и первом выпуске издания «Ниша. Литературное пространство».

Бертин Лев – инженер, поэт и журналист. Автор нескольких сборников стихотворений и многих публикаций в изданиях США, Израиля, Белоруссии, Канады, а также на литературных сайтах в Интернете. В настоящее время занимается книжным бизнесом. Живёт в Атланте, США. Автор книг “Когда оттаяли слова», «На скорости сто плюс», «Я живу на реке Чаттагуччи», «Цикличность». Дипломат Литературного международного конкурса «Балтийский Гамаюн» 2024 г.

Виноградова Надя родилась и выросла в Ленинграде. Первое свое образование получила в родном городе, окончив в 1998 году физический факультет Санкт- Петербургского государственного университета. И хотя мысль о занятии живописью появилась и жила в ней со школьной скамьи, переехав в Соединенные Штаты, Надя продолжила еще серьезнее заниматься физикой в аспирантуре Аризонского университета. И только получив степень доктора философии (PHD), и став, наконец, достаточно умной, поняла она, что жизнь скоротечна и, если что-то хочешь изменить, то это надо делать решительно. Таким образом, в 2003 году Надя поступает в Школу искусств в Торонто, затем переезжает в Калифорнию, где проводит несколько лет в Ателье классического реализма Давида Харди. Там она изучает премудрости классической школы рисунка и живописи, но в какой-то момент начинает ощущать замкнутость этого пространства. Судьба сводит ее в Сан-Франциско с художником Михаилом Петренко, у которого она берет мастер-классы. Он помогает ей сломать ограничения, диктуемые классическим реализмом. Далее, вернувшись временно в Петербург, Надя занимается в студии Анатолия Заславского, где знакомится с множеством интересных художников, которые безусловно влияют на ее творчество и формируют ее сегодняшний стиль.
Сейчас Надя живет и работает в Калифорнии. а приезжая в Петербург, она стремится обратно в солнечную Калифорнию.

Гандельсман Владимир Аркадьевич родился в 1948 г. в Ленинграде, закончил электротехнический вуз, работал кочегаром, сторожем, гидом, грузчиком и т. д.. С 1991 года живет в Нью-Йорке и Санкт-Петербурге – поэт и переводчик, автор пятнадцати поэтических сборников, переводов из англоязычной поэзии, множества публикаций в различных российских журналах. Лауреат многочисленных престижных литературных премий.

Гольдман Римма о себе:
Я родилась в одном из красивейших городов мира. Тогда он назывался Ленинградом. Потом, к моему счастью, город переименовали. Санкт-Петербург-город мой совершенно! Скучаю по нему и обожаю его бесконечно. 35 лет прожила я в этом городе. После окончания Финансового института работала в ГЭБе. Городское Экскурсионное Бюро - было в советское время единственным местом, где можно было получить экскурсию по городу. Я работала по специальности-экономистом, а в выходные вела «Памятные места Ленинграда» (обзорную экскурсию). Видимо, именно эта халтура и

изменила в дальнейшем мою судьбу. Мы переехали в Америку в 1991 году. Я, мой муж, наши дети, и родители мои и мужа. Причину объяснять не буду, так как мы с вами эту причину прекрасно знаем. Кстати, наше недоверие Советскому правительству сейчас подтверждается политикой российского государста. Если и были у кого-то сомнения по поводу отъезда, то сегодня они безусловно исчезли. Два года ушли у меня на учебу и поиски работы, а потом полились стихи. Писала я долго только про Петербург. Потом появились и другие темы. Две поэтических книги пока стали итигом моего творчества. Обе книги издавались в Москве. Когда-то я говорила об этом с гордостью. Книга Разбуженный ветер вышла в 2021 году, спустя 10 лет после книги Бисер фантазий. Собираю стихи для третьего поэтического сборника. Каждый год я учавствую в Альманахе поэзии, начиная с первого его выпуска. Существуют у меня публикации и в других изданиях. Продолжаю работать по спечиальности-экономистом. Отсутствие внуков, сада, и любви к домашнему хозяйству наводит меня на мысль, что на пенсию еще рано. У Бога прошу здоровья для всей семьи, и вдохновения для себя. Мне кажется, что стихи похожи на пыльцу с крыльев бабочки, и иногда мне удается прикрепить ее к бумаге.

Голубовский Михаил Давидович (р.1939) – генетик, историк науки, эссеист. Окончил кафедру генетики Ленинградского университета. С 1963 по 1988 работал в Новосибирском Академгородке в области генетики популяций, мутационного процесса и теории эволюции. Затем в Санкт-Петербурге в Институте истории естествознания и техники РАН. Доктор биологических наук, автор более двухсот работ, в их числе книга «Век генетики: эволюция идей и понятий» (2000). В 2002 г. награжден Дипломом журнала «Звезда» за статью «Библия и Ген». Работал во Франции, Австралии, различных университетах США; в последние годы аффилирован в университете Калифорнии, Беркли. Увлекается словесными играми. (Анаграммы, лимерики, палиндромы. Некоторые из палиндромов М. Голубовского вошли в российскую антологию палиндромов.) Публикации в журналах «Природа», «Звезда», «Нева» С. Петербург), «Вестник» (Балтимор), альманахе «Средний Запад» (Ст. Луис), «Мосты» (Германия), «Образы жизни» (Сан-Франциско). Проживает в г. Беркли, Калифорния.

Евелев Игорь о себе:
Member of Unemployed Humorists Guild, Выпускник Горбачёвской Эпохи, Переводчик туда-обратно, Наполовину Пекарь. Пробег 70+. Цвет волос полулысый. Фары голубые. Особенно правая. Американские документы на руках, включая ксиву о вакцинации. Крыша на месте (пока). Тормоза и чувство юмора в норме. Никакого постоянства: то пишет прозу, то стихи, то печёт, то ремонтирует. Практически никогда не врёт. В худшем случае недоговаривает. Особенно на английском. К себе относится с юмором, к президентам с сарказмом. Автор 12 книг (поэзии, мемуаров, переводов, пародий и прочих гадостей). Женат. Есть любовница от первого брака. Пока всё.

Костинский Андрей Валериевич Родился в 1969 году в Харькове. Окончил Национальный юридический университет и философский факультет Харьковского национального университета. Автор книг «Аритмия», «Іоголь», «Репетиция рассвета», «Ll». Стихи переведены на английский, китайский, испанский, армянский, иврит, каталанский, греческий, вьетнамский, польский, белорусский и урду. Член жюри и участник украинских литературных фестивалей: им. М.А.Волошина (Коктебель, 2012), «Подкова Пегаса» (Винница, 2013), «Чеховская осень» (Ялта, 2013), «Провинция у моря» (Одесса, 2013-2017), «Всеукраинский фестиваль авторской песни Осенний Эсхар» (2015), «Листоверт» (Полтава, 2017-2018). Организатор таких фестивалей как "Авалгард", «Лава-in-fest», "Фокус" (совместно с Национальной Юридической Академией Украины), "Харьковград", а также соорганизатор фестиваля Аваllгард совместно с Екатериной Деришевой. Лауреат фестиваля-конкурса «Молодая Слобожанщина» (2009), лауреат конкурса переводов Чеслава Милоша, Лауреат премии журнала “Западное побережье” за 2022 год. Публиковался в журналах "Interpret", «128 lit», «Poémame», «Red times», «ROAR», «Вестник

Европы», «Слово\Word», «Точка зрения», «מייתדוקנ», «Артикуляция», «Западное побережье», «Дети Ра», «Топос», «Березіль», «Графит», «Южное сияние» и «Каштановый дом». Живет в Харькове. В антологиях «На языке тишины», «Воздушная тревога», «NO WAR — ПОЭТЫ ПРОТИВ ВОЙНЫ», «KOŃCA ŚWIATA NIE BĘDZIE», «Ο ΘΑΝΑΤΟΣ ΕΡΧΟΤΑΝ ΠΡΟΣ ΤΟ ΜΕΡΟΣ ΜΟΥ ΠΕΤΩΝΤΑΣ», "Disbelief - 100 Russian Anti-War Poems".

Кривонос Игорь Родился 27 июня 1952 года в Ленинграде (РСФСР). В 1974 году закончил Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко по специальности "экспериментальная ядерная физика". В 1974 - 78 — инженер отдела атомных электростанций Киевэнерго. В 1977 году принимал участие в пуске первого энергоблока ЧАЭС. В 1983 году с отличием закончил Киевский государственный институт театрального искусства им. И. К. Карпеко-Карого по специальности "кинооператорство" (мастерская Л. Прядкина, Э. Плучика). С 1983 года начал работу кинооператором на киностудии «Киевнаучфильм», затем на других студиях Украины.
С 2005 по 2022 год — оператор-постановщик ТРК «Глас». С 1991 по 2018 год — преподаватель, доцент кафедры операторского мастерства, художественный руководитель курса Киевского государственного университета театра, кино и телевидения им. И. Карпенко-Карого.
Член союза кинематографистов СССР и Украины, гильдии кинооператоров Украины. Активный участник многочисленных фотовыставок. С 2013 года принял участие в более чем 60 международных фотовыставках в Европе, Азии, Австралии и Америке.

Курляндчик Галина – потомственный библиотекарь. Родилась в семье военного в Крыму, выросла на Дальнем Востоке. Закончила факультет русского языка и литературы Рязанского государственного педагогического института. Много лет работала в научной библиотеке по программированию в Новосибирском Академгородоке. С 2003 года живёт в городе Санта-Клара, Калифорния, где работала в городской библиотеке. Организовала сайт для бывших коллег «Новосибирский филиал Института точной механики и вычислительной техники АН СССР» (https://www.nfitmivt.ru/), где выкладывает свои публикации. Публиковалась в литературном альманахе «Образы жизни» и на сайте «ИнтерЛит. Мнждународный литературный клуб» (https://www.interlit2001.com/). Выпустила несколько книг, посвященных истории своей семьи. Последние годы работала с известным поэтом и писателем Владимиром Яковлевичем Лазаревым, о котором организовала сайт и выпустила книгу «Путь жизни и творчества владимира лазарева, писателя и мыслителя: Впечатления, раздумья, беседы», которую можно читать в сайте, посвященном его творчесту:https://www.lazarev-mildon.ru/upload/iblock/1f4/Path-of-Life.pdf. Книга стихов "Я приоткрыла дверь" издана в в 2022 году в Новосибирске.

Левитес Алла Александровна родилась в сентябре 1940 года в Москве в семье инженеров. В 1957 году окончила школу с серебряной медалью и поступила на физический факультет Московского Государственного Педагогического Института им. В.И Ленина В 1969 году защитила диссертацию на степень кандидата физико-математических наук по специальности радиофизика. Работать в Проблемной Радиофизической Лаборатории (ПРФЛ) начала еще студенткой 4 курса в 1960 году и проработала в ней практически 40 лет до 1999 года. За время работы в ПРФЛ участвовала в различных Всесоюзных и международных (проходящих в СССР или в России) конференциях, опубликовала более 100 статей в научных журналах. В 2006 году переехала на постоянное место жительства в Калифорнию.

Макарова Елена родилась в 1951 году в Баку в семье поэтов Григория Корина и Инны Лиснянской. Живет в Хайфе, Израиль. Член международного ПЕН-клуба, Союза писателей Израиля, Союза писателей России. Закончила Московский Литературный институт им. Горького и Московский Художественный институт им. В.И.Сурикова. Елена Макарова – автор свыше сорока книг на двенадцати языках, в том числе прозаических сборников. В деятельности Макаровой значительное место занимает изучение и про-

паганда художественного творчества узников нацистских концлагерей. Вместе с соавторами ею были подготовлены 4 книги, объединённые серийным названием «Крепость над бездной»: «Терезинские дневники, 1942 – 1945» (2003), «Я – блуждающий ребенок. Дети и учителя в гетто Терезин, 1941 – 1945» (2005), «Терезинские лекции, 1941 – 1944» (2006), «Искусство, музыка и театр в Терезине. 1941 – 1945». Среди других работ на эту тему – выставки и книги о художнице школы «Баухауз» Фридл Дикер-Брандейс, одной из основателей искусствотерапии; на ее уроках в концлагере Терезин детьми было нарисовано более 5 тысяч рисунков. Книга «Фридл Дикер-Брандейс. Жизнь во имя искусства и преподавания» вышла сперва на немецком, затем на английском, чешском, французском и японском языках. Недавно издана на русском языке. В период с 1988 по 2011 Елена Макарова курировала 38 выставок на тему «Культура под гнетом нацизма». С 2007 Е.Макарова ведет он-лайн семинары http://forum.mykanon.com/ по искусствотерапии для родителей и детей.

Манин Дмитрий

— физик, программист и переводчик стихов. Его переводы с английского и французского опубликованы в нескольких сборниках. В его переводах вышли книги «Ворон» Теда Хьюза (изд-во Яромира Хладика, 2020) и «Вопль, Кадиш и другие стихотворения» Аллена Гинзберга (Подписные издания, 2021). Переводы с русского на английский публиковались в журналах Cardinal Points, Delos, The Café Review, Metamorphoses и др., а также в книге Марии Степановой «The Voice Over» (Columbia U. Press, 2021). В 2017 г. Дмитрий получил первый приз Compass Award за перевод стихотворения Степановой на английский язык. Его новая книга переводов стихов Николая Заболоцкого «Столбцы» вышла в издательстве Arc Publications в 2023 году. (https://eastwestliteraryforum.com/books/nikolai-zabolotsky-columns-poems). Живет в Калифорнии.

Мелодьев Мартин Михайлович родился в 1953 г. в Новосибирске. Окончил экономический факультет Новосибирского университета. С 1990 г. живет в Америке. Член калифорнийского клуба авторской песни «Полуостров», клуба русских писателей в Нью-Йорке и клуба поэтов НГУ. Автор книг стихотворений: «Сочетания» (Новосибирск. 1991), «Шлюз» (изд-во Hermitage. Нью-Джерси,1998) и «Цветной проезд» (Новосибирск, 2000). Публикации в газетах и ежегодниках США: «Альманах Поэзии», «Встречи», «Альманах клуба русских писателей в Нью-Йорке», «День и ночь» (Красноярск), в альманахе «Образы жизни» (Сан-Франциско). В России публиковался в сборниках «Общая тетрадь. Из современной русской поэзии Северной Америки» (Москва, 2007), «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989), «География слова» (Москва, 2000), «СП: Поэзия новой волны» (Новосибирск, 1993), «К востоку от Солнца» (Новосибирск, 1999-2007), «Петербургский литератор» (СПБ, 2000), «Время Ч» (Москва, 2001), “Как по нотам” (Свиньин и сыновья, Новосибирск 2018). Книга «Я не люблю Владимирскую Русь» вышла в 2021 году в Киеве. Страница в Интернете: www.mmelodyev.narod.ru.

Миранда (Екатерина Миранда Смирнова) родилась в Москве в 1980, печаталась и выступала с 1999г. Пишет песни и стихи, с 2012 по 2021 вышло 7 книг стихов и прозы в России и Украине. Живёт в Калифорнии с 2014, в Техасе с 2024.

Немировский Саша (Александр Немировский) - поэт, писатель, хай-тек антрепренер, гражданин мира. Основоположник поэтического стиля «jazz-поэзии» в Русской литературе. Автор более 10 книг стихов и прозы, и многочисленных публикаций в журналах и альманахах: США, Канады, Германии, России, Испании и Финляндии. Лауреат литературной премии «Хемингуэя» журнала «Новый Свет» за 2017 год.
Главный редактор первого в мире литературного звукового авторского журнала «Западное Побережье». https://westcoastlit.com
Создатель и основатель (вместе с другими) Портала Свободной Литературы FreeЛИТ (https://freelit.net)

Оборин Лев Владимирович (1987) — российский поэт, переводчик и литературный критик. Лауреат Премии Андрея Белого (2021) за литературно-критические статьи.
Окончил историко-филологический факультет

Российского государственного гуманитарного университета в 2009 году.
Дважды (2004, 2008) входил в короткий список премии «Дебют», в 2010 году удостоен премии журнала «Знамя» за лучшую литературно-критическую статью года («О Григории Бакланове»). Публиковал стихи в журналах «Октябрь», «Воздух», «Интерпоэзия», «Урал», статьи и заметки в журналах «Знамя», «Октябрь», «Воздух», «Новый мир», переводы поэзии и короткой прозы с английского и польского языков в журналах «Воздух», «Новая Польша» и «Иностранная литература». В 2013 году стал одним из соучредителей поэтической премии «Различие». Перевёл на русский язык книгу Дэвида Ремника «Мавзолей Ленина: последние дни советской империи[англ.]».

Стихи Оборина переведены также на польский, немецкий, французский и латышский языки. Редактирует серию «Культура повседневности» в издательстве «Новое литературное обозрение». В 2014 году входил в экспертный совет Национальной литературной премии «Большая книга». Сотрудничал также с журналом Rolling Stone Russia как музыкальный журналист.
В декабре 2013 года подписал коллективное обращение писателей России в поддержку Евромайдана. В ноябре 2019 года подписал коллективное обращение в поддержку Гасана Гусейнова. В августе 2020 года подписал коллективное обращение в поддержку белорусских протестующих.

Перцова Мария родилась и выросла в Баку, с 1990 года живет в Калифорнии. Печаталась в журналах «Зинзивер», «Эмигрантская лира», «Литературный Азерайджан», альманахе «Образы жизни», сборнике поэтического фестиваля Аркафест, «Новом журнале». Вышли два альбома песен на ее стихи (музыка и исполнение Жанны Шпиц). Лауреат Восьмого международного поэтического конкурса «45 калибр». Автор книг стихов «По другую сторону обмана» и «Из жизни растений». Редактор (вместе с Сашей Немировским) первого в мире литературного звукового авторского журнала «Западное Побережье». https://westcoastlit.com

Петрова Фаина о себе:
«По образованию педагог. Закончила историко-филологический факультет МГПИ им. Ленина. Работала во всех звеньях и системах народного образования в средней, затем начальной и далее в вечерней школах. Вела школу передового опыта для учителей в Городском институте повышения квалификации учителей, а потом для преподавателей литературы медучилищ. 4 года была редактором ОНТИ в институте эндокринологии. В перерывах между работами (иной раз с полным отрывом от неё, иной без) под чутким и мудрым руководством духовного вождя всей семьи растила дочь и сына. Частая смена служб была связана с необходимостью подстраиваться под интересы мужа и детей. Тем не менее работала всегда ответственно и с большим увлечением. Отчасти именно поэтому меня неоднократно пытались привлечь к административной работе, но это требовало бы от меня слишком большой отдачи, а главное, надо было вступать в партию, чего я делать не хотела ни при каких обстоятельствах. И вообще главным образом меня интересовали методические проблемы: чему учить и как научить. После перестройки попробовала себя в других ролях в бизнесе. Это было настолько увлекательно-захватывающе, что я даже перестала читать художественную литературу: она казалась удивительно пресной на фоне яркой действительности. Очень мешал восприятию её (литературы) внутренний ритм он был особенно в контрасте с темпом моей тогдашней жизни./ Но заниматься бизнесом в России всё равно, что хвататься голой рукой за раскалённую сковородку. Только природная жизнерадостность и оптимизм не позволили мне стать мизантропом: как и прежде, главная проблема России нехватка честных людей. Сейчас, когда темп моего существования вполне совпадает с литературным, я вновь превратилась в читателя (любимейшее занятие всей жизни), а также несколько неожиданно для себя в «писателя». Оказалось, что в моей жизни было много такого прежде всего встреч с замечательными людьми о чём можно было бы рассказать. Проблема только в том, чтобы суметь сделать это интересным читателю".
Прочитать литературоведческие и мемуарные статьи Фаины Петровой можно в журнале «Семь искусств».

Трегуб Инна родилась в Киеве. Училась на химическом факультете Киевского университета, защитила кандидатскую диссертацию. В 1990 году эмигрировала в Израиль, там поступила в постдокторантуру в Институт Вейцмана. Впоследствии работала в университетах в Англии, Германии и США. С 2004 г. работает в Силиконовой Долине в High Tech индустрии. В 2007-2008 годах получила еще одно образование – Life Coach, и эта профессия стала важной частью ее жизни. Инна Трегуб организует вечера-встречи бывших соотечественников «Салон». Писать начала в 2007 для журнала «На здоровье» как Life Coach. («Русские дети», «Саботажница и будущая я» и др.).Регулярно печаталась в международном альманахе «Образы жизни». В карантинную пору Инна Трегуб организовала популярную серию встреч на Zoom, посвященных разнообразным вопросам жизни и искусства; одно из направлений этой деятельности – цикл "До встречи", знакомящий с творчеством интересных поэтов. (Совместно с Марией Перцовой).
Пообщаться с автором можно, написав на электронную почту: inna@innacoaching.com

Ходос Алла родилась в Минске. Окончила филфак Белгосуниверситета. Работала воспитателем в школе-интернате для детей-сирот, соцработником в Райсобесе, социологом на заводе, учителем в школе. Живёт в Америке с 1994 года. Работала в русскоязычной газете «Запад-Восток» (Сан-Франциско) и в школе. Автор книг стихов и прозы: «Интернат», «Человекоснег», «Воздушный слой», «Летучий Сан-Франциско», «Под абсурдинку».В книге «Переход» собраны прозаические произведения Марины Золотаревской и Аллы Ходос. Публиковалась в журналах и альманахах «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Terra Nova», «Апраксин Блюз», «Зарубежные записки», «45 параллель», «ROAR» «Новый журнал». Редактор литературного альманаха «Образы жизни» (совместно с Мариной Золотаревской) и двух выпусков издания «Ниша. Литературное пространство». Живёт в Хейварде, Калифорния.

Черешня Валерий – русский поэт и эссеист. Родился в 1948 г. в Одессе, живет в Санкт-Петербурге. Автор поэтических книг «Своё время», 1996; «Пустырь», 1998; «Сдвиг», 1999; «Шёпот Акакия», 2008, «Глассические стопки» 2013, «Узнавание» 2018, «Оттиск» 2022, книги эссе «Вид из себя» и многочисленных публикаций в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Постскриптум» и пр.

Шрайбер Виталий родился в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) Государственного университета. Много лет работал на физическом факультете и в НИИ Физики университета. Доктор физико-математических наук. В качестве приглашенного исследователя работал в университетах Польши и Германии. С 2004 года живет в Калифорнии. Работает в одной из компаний Силиконовой долины. Книгу воспоминаний Виталия Шрайбера
«Сквозь перевернутый бинокль» можно заказать здесь:
https://www.lulu.com/shop/vitaly-shrayber/through-inverted-binoculars/paperback/product-vmpjk9.html?page=1&pageSize=

* * *

Стоимость номера, включая пересылку, 25 долларов. Заказать альманах можно по электронной почте:
ahodo2002@yahoo.com